

Пришедшие в 1917 году к власти большевики сразу провозгласили своим лозунгом разрушение старого мира, под которым подразумевалось прежде всего государственное устройство. Соответственно, уже 24 ноября 1917 года декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) № 1 "О суде" упразднил всю структуру дореволюционной юстиции, включая присяжную и частную адвокатуру. Её место, по замыслу реформаторов, должны были занять все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами. При этом назначаемым местными властями особым комиссарам предписывалось забрать в свое ведение имущество и архивы советов присяжных поверенных.

Но уже вскоре, 15 февраля 1918 года Декрет ВЦИК и СНК «О суде» № 2 оговорил, что оказывающим профессиональную помощь лицам следует объединяться в коллегии правозаступников. В них могли записываться все, кто пожелал оказать помощь правосудию, но при условии, что они заручились рекомендациями от советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Естественно, что в эти коллегии стали вступать многие из тех, кто получил ранее юридическое образование, в том числе работал присяжным поверенным. По некоторым сведениям, в отдельных делах в качестве правозаступника участвовал знаменитый Кони А.Ф.

Активно включились в правозащитную деятельность те бывшие присяжные поверенные, кто в царское время защищал революционеров на политических процессах, благо их бывшие клиенты заняли немалые посты в учреждениях и руководстве Советской власти. Правда, таких энтузиастов вскоре постигло сильное разочарование, поскольку активная защита, в том числе представителей партий, оппозиционных большевикам, вызвала резкое неприятие со стороны последних, и они стали применять репрессивные меры, невзирая на былые заслуги их прежних доверенных лиц.

Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем обращается со следующим заявлением к заинтересованным лицам:

За Комиссией числятся арестованные по разным делам. Естественно, что ближние родственники и знакомые предпринимают всяческие хлопоты об их освобождении, изменении наказания и т.п., но по старым привычкам буржуазного строя обращаются к разным ходатаям-адвокатам за помощью, платя им за это большие деньги. Ставим в известность всех, что ходатаи-адвокаты не пользуются в комиссии никакими преимуществами, а, наоборот, только ухудшают положение дел.

Просим всех заинтересованных лиц обращаться лично. Они скорее и проще получат ответ и удовлетворение, нежели через бывших присяжных поверенных и т.п. ходатаев.

В приемные дни и часы справочное бюро дает все нужное.

Обращение ВЧК к населению от 10 апреля 1918 года

К примеру, арест и административную высылку в отдаленные регионы за свою принципиальность испытали на себе довольно известные экс-присяжные поверенные Муравьев Н.К., Тагер А.С. и Жданов В.А. Перед этим на процессе по делу «правых эсеров», проходившем в июне 1922 года, Муравьев, видя каким

образом осуществляется «правосудие» заявил: «Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к закону и смеются над людьми, этот закон защищающими!», за что получил замечание от председательствующего «за оскорбление русского народа».

Коллегии правозаступников просуществовали недолго, и их ликвидировали в связи с принятием Положения ВЦИК о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 года, которое намного детальнее, чем ранее, регламентировало организацию судостроительства и порядок осуществления судебных процедур.

В частности, здесь говорилось:

Ст. 43. В качестве защитников привлекаются судебными органами граждане, способные исполнять - эту обязанность, для чего исполнительные комитеты районные, городские и уездные составляют особые списки порядком, устанавливаемым инструкцией Народного комиссариата юстиции.

Примечание. Все учреждения, в которых состоят на службе привлекаемые к исполнению обязанностей защитника лица, обязаны освободить последних от службы на требуемый судом срок.

Ст. 44. При недостатке защитников из числа лиц, указанных в ст. 43, в качестве таковых привлекаются консультанты, состоящие при отделах юстиции.

Ст. 45. Назначение защитника происходит как по просьбе заинтересованного лица, так и по усмотрению народного суда.

Ст. 46. Помимо лиц, указанных в ст. 43 и 44, народный суд может допускать к защите командированных для этой цели членов организации, в которой состоит обвиняемый (профессионального союза, заводского комитета и т. п.), а также ближайших родственников обвиняемого.

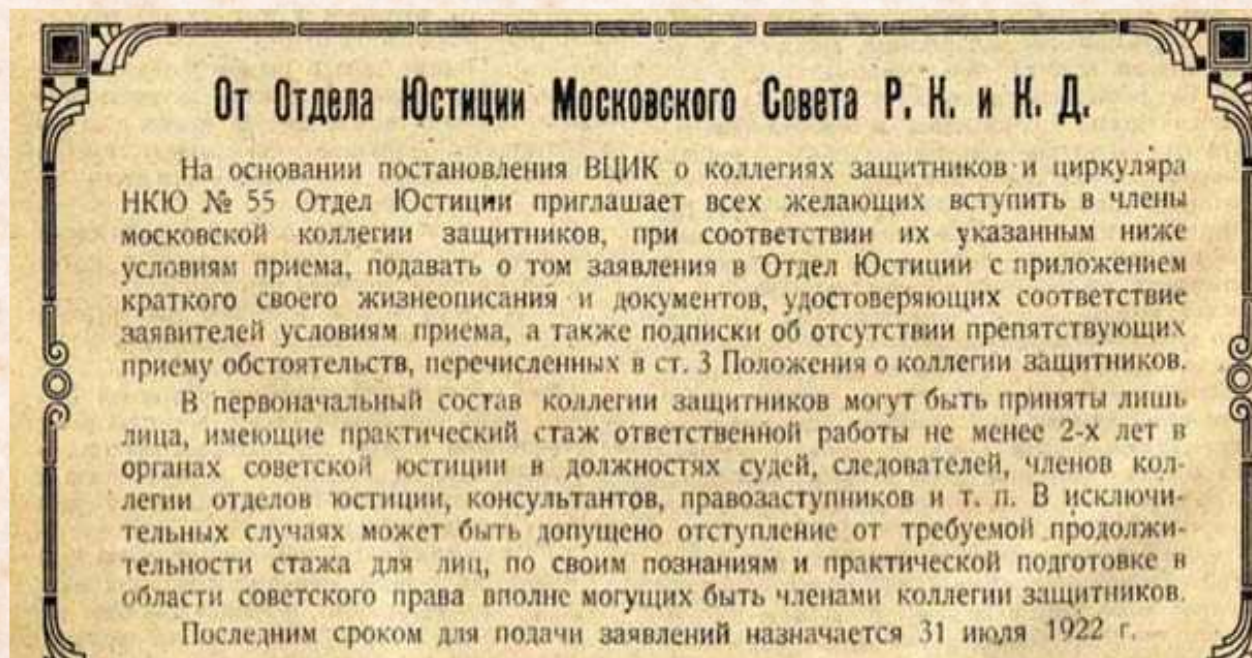
Ст. 47. Вопрос о допущении защиты разрешается народным судом (в распорядительном или судебном заседании) в зависимости от характера дела и личности обвиняемого и обжалованию отдельно от кассационной жалобы не подлежит.

Примечание 1. При наличии обвинителя народный суд обязан допустить или назначить защитника.

Примечание 2. Назначение или допущение защитника для суда обязательно, если о том просит обвиняемый, содержащийся под стражей.

Ст. 48. Защитники, назначаемые судебными органами из числа лиц, указанных в ст. 43, получают вознаграждение согласно ст. 19 сего

положения.

Объявление о приеме в создаваемую Московскую коллегию защитников из «Еженедельника Советской Юстиции», № 26—27 за 17—24 июля 1922 года.

Следующий шаг был сделан в 1922 году, когда 26 мая 3-я сессия ВЦИК утвердила «Положение об адвокатуре», по которому членами коллегии могли быть избраны только те лица, кто имел не менее чем двухлетний стаж работы в качестве судьи, следователя или правозащитника. Если такого стажа не имелось, претенденту нужно было сдать специальный экзамен.

Причем право решать вопросы о приеме новых членов и об исключении адвокатов из коллегии было дано губернским исполкомам. Новыми властями активно навязывалась политическая преданность в деятельности коллегий защитников, на руководящие посты в которые нередко направляли мало что понимающих в юриспруденции партийцев. При этом адвокатам-коммунистам не позволялось участвовать на стороне буржуазных элементов в их спорах с рабочими, государственными учреждениями и кооперативами трудящихся, категорически запрещалось принятие дел по защите контрреволюционных элементов.

В целом советская власть весьма негативно смотрела на адвокатуру, хорошо помня, что основная часть корпорации не приветствовала революцию. В декабре 1917 года присяжные поверенные Санкт-Петербурга на своем общем собрании единодушно осудили произошедший государственный переворот. А несколько позже, в сентябре 1918 года, когда недавно созданный Народный Комиссариат юстиции инициировал собрание адвокатов

Петрограда с целью приглашения их в формирующуюся коллегию правозаступников, это предложение было решительно отвергнуто.

Однако, после того как юристы, категорически не принявшие новую власть, влились в белое движение, эмигрировали или сменили профессию, оставшиеся в России адвокаты с дореволюционным стажем посчитали для себя возможным попробовать практиковать в коллегиях защитников, становясь их членами (ЧКЗ). В Москве за первые 6 месяцев существования коллегий было подано 1.000 заявлений о вступлении в них. По результатам приема допущенных в новую корпорацию, на апрель 1923 года из 440 членов Московской коллегии защитников 322 человека (то есть 73%) ранее были или присяжными поверенными, или их помощниками.

Поэтому неудивительно, что в списке членов Московской губернской коллегии защитников за 1926 год встречаются такие известные имена как Малянтовичи Владимир Николаевич и Павел Николаевич, Плевако Сергей Федорович (сын Плевако Ф.Н.), Муравьев Николай Константинович, Мандельштам Михаил Львович, и целый ряд других, начинавших свою юридическую карьеру в царские времена.

Следует отметить, что число московских адвокатов на 1927 год составляло 1.200 человек. Столичная адвокатура пополнялась за счет новых кадров, в том числе получивших юридическое образование уже в советских высших учебных заведениях. В 1928—1929 годах численный состав коллегии существенно вырос, и поэтому доля бывших присяжных поверенных снизилась до 20—25%.

В последующем нормативная база довоенной советской адвокатуры в определенной степени укреплялась. Было принято «Положение о коллективах защитников», утвержденное Народным Комиссариатом юстиции 27 февраля 1932 года, а позднее «Положение об адвокатуре», утвержденное СНК СССР 16 августа 1939 года.

Однако намного важнее были крайне негативные процессы, происходившие из-за попыток государственных органов самыми разными способами влиять на членов коллегий защитников. Следует в первую очередь назвать систематические «чистки» чуждых для власти элементов. Такие процедуры со временем стали проводиться в рамках дисциплинарных разбирательств, параллельно которым осуществлялись уголовные репрессии. По информации одного из источников, в 1935 году в Москве из городской коллегии было исключено 400 адвокатов, большинство из которых занималось адвокатской деятельностью ещё до революции¹. По некоторым данным, за

¹ Со ссылкой на исследование Малоне Д.А. такую цифру приводит Юджин Хаски в своей работе «Российские адвокаты и советское государство». - Москва, 1993. С. 151.

1920–1940-е годы в Москве были расстреляны либо погибли в заключении до приговора около 200 адвокатов, примерно столько же были отправлены в ссылку, лагеря и другие места лишения свободы.

В книге «Дела репрессированных московских адвокатов» (Москва, 2020), составленной по материалам, собранным журналистом и историком Шабельским Д.Б., со ссылкой на документальные источники из конкретных уголовных дел, включая протоколы допросов и фабулы обвинений, рассказывается, что сначала в 1930 году было сфабриковано так называемое «дело общественников», связанное с тем, что поступившие на службу в советскую адвокатуру бывшие присяжные поверенные пытались противостоять новым веяниям большевистской законности, внедряемым в психологию и практику молодых юристов, приходящих в корпорацию.

Для этого были весомые основания: достаточно сказать, что даже Вышинский А.Я., выступая в 1932 году перед московскими адвокатами, в докладе «Роль коллегий защитников в борьбе за революционную законность» с явным изумлением и негодованием привел пример, когда президиум коллегии защитников указал адвокатам, выделенным для участия в процессе, на необходимость требовать на суде осуждения своих подзащитных².

И вот, когда адвокаты старой закалки пытались противостоять новым, весьма сомнительным идеям и методам, их привлекли к уголовной ответственности за участие в контрреволюционной группировке. По версии проведенного ОГПУ следствия, *«Арестованные по делу: Филатьев Г.В., Никитин А.М., Патушинский Г.Б., Корнев П.П., Динесман И.Ю., Розенблюм А.Б., Богданов М.И., Умов П.Г. и Полетика М.П., — представляли собою вредительскую контрреволюционную группу, деятельность которой была направлена к срыву проводимых в Московской Коллегии Защитников намеченных партией и Советской властью мероприятий и реформ. Противопоставив себя партийному руководству и молодой советской части ЧКЗ, группа эта путем контрреволюционной агитации и пропаганды старых дореволюционных традиций и антисоветских взглядов на советское законодательство стремилась к полному разложению организации МКЗ»*³.

Этот «эксперимент» карательных органов над московской адвокатурой окончился в тот раз относительно безобидно: несмотря на грозную формулу обвинения, в отношении семи человек дело было прекращено, а в отношении четверых, приговоренных к трехлетней высылке (лишенных права проживания в крупных городах), приговор был вскоре пересмотрен, а

² «Советское строительство», 1933, № 5-6. Подробнее ситуация описана в очерке, посвященном адвокату Оцепу М.А.

³ «Дела репрессированных московских адвокатов». Москва, 2020. С. 155.

наказание — отменено⁴.

Намного печальнее были итоги «расследований» НКВД конца 30-х годов, когда по делу о «контрреволюционной антисоветской организации в московской коллегии защитников» было осуждено по меньшей мере 70 человек, и почти все — к высшей мере наказания. В обвинительном заключении по делу известного адвоката и политического деятеля Малянтовича П.Н. было написано: *«Следствием по делу вскрытой в Москве антисоветской террористической кадетско-меньшевистской организации, ставившей целью свержение советской власти и реставрацию капитализма в СССР при помощи интервенции со стороны фашистских стран, а также подготовляющей против руководителей ВКП(б) и советского правительства террористические акты, установлено, что один из руководителей этой организации являлся Малянтович Павел Николаевич, член Коллегии Защитников в Москве».*

Примерно такой же подход проявлялся и в делах других адвокатов, причем есть основания полагать, что удары были направлены в целом против адвокатуры, чьи представители порой демонстрировали самостоятельность и приверженность идеям истинного Права и Законности, независимо от прежней принадлежности к дореволюционной юстиции.

И когда после чисток и репрессий число и состав адвокатуры существенно изменились, 22 декабря 1938 года Народный комиссариат юстиции СССР выпустил директиву «О работе коллегий защитников», которая, по мнению исследователей, «ознаменовала начало молниеносной кампании по окончательной трансформации адвокатуры в верноподданическое советское учреждение»⁵. А для закрепления этой трансформации 16 августа 1939 года Постановлением СНК СССР было утверждено «Положение об адвокатуре СССР», детально регламентировавшее вопросы организации и деятельности адвокатуры, и поставившее её под строгий контроль комиссариатов юстиции. При этом Народный комиссар юстиции СССР и подчиненные ему республиканские комиссары имели право изгонять ранее принятых в коллегию адвокатов. Кроме того, о текущей своей деятельности президиумы областной, краевой и республиканской коллегии адвокатов обязаны были регулярно отчитываться перед органами юстиции.

И уже вскоре после принятия нового «Положения об адвокатуре СССР» последовали очередные увольнения неугодных. Так, только за один день 3 октября 1939 года из московской коллегии было изгнано сразу 204 адвоката, среди которых старший сын знаменитого Плевако — Сергей Федорович

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Юджин Хаски. Российские адвокаты и советское государство. - Москва, 1993. С. 165.

(помощник присяжного поверенного с 1906 года), не менее известный Урынсон О.С. (присяжный поверенный с 1905 года), и многие другие опытные адвокаты.

Удивительно, но в таких жесточайших условиях, включая годы обострения репрессий, существовало определенное число адвокатов, добросовестно исполнявших свой долг. Исследователь рассматриваемого исторического периода Юджин Хаски вынужден был признать, что несмотря на попытки заставить адвокатов быть лояльными по отношению к государству, а не к клиенту, на профессиональное поведение адвокатов продолжали оказывать влияние традиционные методы защиты. На протяжении всей советской истории встречались адвокаты, которые пытались представлять именно интересы клиента, делая это энергично и находчиво, что было связано для них с большим личным риском⁶.

Подтверждение такому выводу мы находим не только в материалах судебных процессов, но и в воспоминаниях людей, сталкивавшихся со столь смелыми адвокатами. В книге «Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова» (Москва, 1996) вдова академика Елена Боннэр пишет, что для неё при изучении архивных материалов, касавшихся родственников этой семьи, было открытием, что «в те страшные годы были адвокаты, которые пытались исполнить профессиональный долг», добивались пересмотра дел и снижения наказания. Среди них ею названы Россельс В.Л. и Кульберг Я.М., о которых мы расскажем далее в наших очерках, как и о ряде других, весьма достойных представителях нашей профессии.

⁶ Там же. С. 169-170.

Биография **Павла Николаевича Малянтовича** столь интересна, столь и трагична. Блестящий представитель молодой присяжной адвокатуры, последний министр юстиции Временного правительства России, член коллегии защитников после Октябрьской революции, адвокат на политических процессах 30-х годов и жертва сталинских репрессий – это основные вехи его жизни и профессиональной деятельности высококлассного юриста.

Павел Николаевич родился 22 июня 1869 года в Витебске в дворянской семье. После окончания в Смоленске гимназии поступил на юридический факультет Московского университета.

Для дальнейшего ознакомления с жизнеописанием Малянтовича как присяжного поверенного и политического деятеля, обратимся к работе «Корифеи российской адвокатуры» Троицкого Н.А. (М., 2006), где имеется раздел, посвященный Павлу Николаевичу, и приведем его с некоторыми сокращениями.

В 1889 году Малянтович П.Н. за участие в студенческих волнениях по указу московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова был исключен из университета и выслан из Москвы с воспрещением жительства в Москве и Московской губернии. Диплом юриста он получил уже в Дерптском университете, после чего - в 1893 г., когда ему было разрешено вернуться в Москву, - вступил в московскую адвокатуру помощником присяжного поверенного (с 1898 г. Павел Николаевич - присяжный поверенный при Московской судебной палате). Как адвокат Малянтович составил себе громкое имя главным образом на политических процессах. Уже весной (18-23 мая) 1899 года, едва утвердившись в статусе присяжного поверенного, он выступил защитником на крупном процессе в Московской судебной палате по делу о «сопротивлении властям» рабочих ткацкой фабрики Викулы Морозова.

Здесь он впервые проявил свой талант юриста-аналитика, тонко опровергнув сам подход обвинения к делам о рабочих или крестьянских «беспорядках». Благодаря искусной защите Малянтовича и его коллег-

адвокатов более трети обвиняемых по морозовскому делу (37 человек из 90) были судом оправданы.

Вместе с Малянтовичем на Морозовском процессе выступали в качестве защитников Н.К. Муравьев, В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко и М.Ф. Ходасевич. Именно эта пятерка положила начало организации т. н. «молодой адвокатуры», создав в 1895-1896 гг. первый в России кружок политических защитников. Участники кружка, - среди них и будущие кадеты Маклаков, Тесленко, М.Л. Мандельштам, и большевики В.А. Шануер (Марат), Д.И. Курский (впоследствии нарком юстиции РСФСР, первый советский генеральный прокурор), и эсер П.С. Ширский - были едины как защитники права и противники самодержавного произвола и лишь в горниле революции 1905-1907 гг. «разбрелись по партиям, начиная от правых кадетов и кончая большевиками».

До 1905 г. Малянтович вместе с другими кружковцами объездил пол-России, участвуя в коллективных защитах на политических процессах по делам об антиправительственных демонстрациях в Сормове и Нижнем Новгороде (1902), о рабочих «беспорядках» и «сопротивлении властям» на фабрике Хлудовых в Рязанской губернии и в станице Тихорецкой на Кубани (1903).

В каждом из этих дел Павел Николаевич искусно разоблачал натяжки обвинения вроде интерпретации возгласов «Долой самодержавие!» как «публичных речей» (в сормовском деле), а надписи «Долой самодержавие!» - как «составления и распространения сочинений» (в деле нижегородском). Смело и, как всегда, аргументированно «разбивал постановку обвинения» в наишумевшем на всю Россию тихорецком деле о расправе с мирным протестом рабочих, когда пятеро протестантов были убиты и 20 тяжело ранены (в числе раненых был 9-летний мальчик).

В то же время Малянтович и его товарищи по кружку политзащиты не боялись поддержать антиправительственные убеждения своих подзащитных. «Те, кого мы называем политическими защитниками, не были просто адвокатами на политических процессах, - вспоминал Малянтович много лет спустя. - Они сознательно поддерживали революцию». Сам Павел Николаевич накануне революции 1905-1907 гг., по данным царской охраны, выступал на собраниях адвокатов в Москве с речами «радикального направления» и под возгласы «Долой самодержавие!» предлагал резолюции с требованиями «представительного образа правления, свободы личности, мысли, слова, печати, вероисповеданий, собраний, союзов».

Летом 1905 года Малянтович, вместе с Н.К. Муравьевым, В.А. Маклаковым, М.Л. Мандельштамом, Н.Д. Соколовым, защищал социал-демократов - видного большевика, члена ЦК РСДРП Н.Э. Баумана, дочь патриарха российской адвокатуры Д.В. Стасова Елену Стасову (тоже члена

ЦК), жену Баумана К.П. Медведеву и др. «Все мы, - вспоминал Мандельштам, - собрались в маленькой тогда квартире большого адвоката П.Н. Малянтовича для совещания и выработали общую линию защиты: «Мы все защищаем всех. <...> Делим защиту не по личностям обвиняемых, а по темам, которые процесс затрагивал».

Процесс открылся в Московской судебной палате 2 августа 1905 года, но в условиях бурного революционного подъема дело в тот же день было отложено с освобождением всех обвиняемых. В последующие годы, уже после того как участники первого кружка политических защитников «разбрелись по партиям», Малянтович, оставаясь беспартийным, продолжал выступать защитником на политических процессах. Среди них были выдающиеся дела Петербургского Совета рабочих депутатов и восставших моряков крейсера «Память Азова» (1906), Московского комитета РСДРП (1909), а в числе подзащитных Малянтовича - такие известные революционеры, как Л.Д. Троцкий, В.В. Воровский, Н.А. Рожков.

Смолоду «крайне левый» по взглядам, Малянтович до осени 1917 г. не вступал ни в какие партии, хотя сочувствовал и содействовал всякой оппозиции. В 1905 г. его квартира в Москве служила явкой для Московского комитета РСДРП и охранялась революционными дружинниками. Сам Малянтович участвовал вместе с Л.Б. Красиным и А.М. Горьким в литературно-финансовой секции этого комитета. Адвоката-большевика В.А. Восходова он познакомил с корифеем русской оперной сцены А.В. Собиновым, от которого Восходов получил «дар в 1000 рублей для партии». Именно Малянтович выиграл по суду у наследников фабриканта С.Т. Морозова 100 тысяч рублей, которые Морозов завещал М.Ф. Андреевой для партии большевиков.

Не случайно такие разные люди, как большевик Ф.Ф. Раскольников и меньшевик О.А. Ерманский, считали Малянтовича до 1917 г. большевиком. В действительности же он всегда оставался беспартийным и, только принимая от премьер-министра Временного правительства А.Ф. Керенского должность министра юстиции, вступил в партию меньшевиков.

Последний из шести министров юстиции Временного правительства, Малянтович возглавлял министерство ровно месяц, последний месяц жизни самого правительства, с 25 сентября по 25 октября 1917 года. Став министром, он заявил о своем намерении прекратить дело против большевиков, возбужденное Кабинетом министров в июле, ибо большевизм есть политическое учение <...>, и как таковое не подлежит, как и всякое другое учение, какому бы то ни было преследованию со стороны власти». Оба заместителя Малянтовича, А.А. Демьянов и Б.Я. Вальц (в прошлом, как и сам Малянтович, присяжные поверенные), буквально восстали против такого

намерения и даже пригрозили министру своей отставкой, ссылаясь на то, что большевиков преследуют совершенно законно, не за их учение, а за «результат их действий, направленных к свержению существующего политического строя в России».

Малянтович уступил, и вскоре, выполняя указание премьера А.Ф. Керенского, разослал на места прокурорам следующую телеграмму: «Постановлением Петроградской следственной власти Ульянов-Ленин В.И. подлежит аресту в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении 3-5 июля в Петрограде. Ввиду сего поручаю Вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления в случае появления названного лица в пределах вверенного Вам округа. О последующем донести. Министр юстиции П.Н. Малянтович».

Среди тех, кто заботился тогда об исполнении этого приказа, был председатель Якиманской районной управы в Москве, тоже меньшевик Андрей Януарьевич Вышинский, которого летом 1915 г. преуспевающий Малянтович вызволил из нужды, взяв его, безработного, неприкаянного, к себе в помощники. Вышинскому этот факт сталинские опричники не напоминали. Малянтовичу же - много лет спустя - припомнили. Сам Ленин, конечно же осведомленный о заслугах Малянтовича - адвоката перед революцией, не поставил в вину министру Малянтовичу его октябрьскую служебную акцию. Напротив, как только Малянтович вместе с другими министрами Временного правительства был арестован, Ленин предложил Петроградскому Совету немедленно освободить Малянтовича из тюрьмы, что и было сделано.

После освобождения Малянтович получил от наркома юстиции Д.И. Курского и наркома просвещения А.В. Луначарского «мандаты, гарантирующие неприкосновенность личности», а «три года спустя Ленин распорядился привлечь его к работе в Главполипросвете». С 1921 г. Малянтович служил юрисконсультантом в Президиуме ВСНХ под непосредственным руководством Ф.Э. Дзержинского. Словом, первое время после октября 1917 г. он не мог жаловаться на свою судьбу.

С 1922 года казалось, Малянтович стал переживать вторую молодость и новое восхождение к адвокатской славе. По приглашению того же Д.И. Курского и председателя Московского Совета, члена Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменева он принял участие в работе инициативной группы «из левых элементов дореволюционной адвокатуры», которая подготовила по поручению советского правительства проект Положения о новой адвокатуре. Перед тем как доложить проект Совету народных комиссаров, инициативная группа обсудила его в квартире П.Н. Малянтовича».

Безусловный интерес представляет сохранившаяся в архивах «Анкета члена Коллегии защитников при Московском Губернском отделе юстиции, составлена февраля 14-го дня 1925 г.», заполненная самим Малянтовичем П.Н.

А Н К Е Т А

ЧЛЕНА КОЛЛЕГИИ ЗАЩИТНИКОВ ПРИ МОСКОВСКОМ ГУБЕРНСКОМ ОТДЕЛЕ ЮСТИЦИИ

Составлена Февраля 14-го дня 1925 г.

1. Фамилия, имя, отчество МАЛЯНТОВИЧ Павел Николаевич

2. Возраст 55 лет.

3. Образовательный ценз. Какое учебное заведение окончил и когда.
 Московский Университет по Юридическому Факультету в 1893 году.

4. Партийность. Состоял ли в какой либо политической партии до 1905 г.
 с 1905 по 1917 г. и в настоящее время.
 1904 – 1905 работал в лекторской и литературной группе партии
 с.-д. (вместе с Н.А. Рожковым, И.И. Сиворцовым /Степановым/, М.Н. Пок-
 ровским и др.) – В 1917 г. вступил в партию С.-д. меньшевик. В нояб-
 ре того же года из партии вышел и с тех пор ни в какую партию не всту-
 пил.

В ней он указал, что имел самостоятельный заработок с 14 лет, давая уроки. Адвокатом является с 13 ноября 1893 года. Состоял членом Московского Совета присяжных поверенных.

Отвечая на вопрос о юридической деятельности, Малянтович написал, что с 1896 года по 1917 год принимал участие в качестве защитника в политических процессах в гражданских и военных судах. Защищал крестьян по разнообразным обвинениям, в том числе в беспорядках и сопротивлении властям, рабочих по обвинению в стачках и беспорядках. Относительно защиты революционеров указал дело Первого Совета рабочих депутатов в Петербурге в 1906 году, защиту обвиняемых Носаря-Хрусталёва, Троцкого и других, восстание на крейсере «Азов», «неплюевское» дело в Севастополе, процесс 42-х в Москве, обвинение армян в восстании (процесс в Эриване) и др.

Состоял членом кружка защитников на выездных уездных сессиях для оказания бесплатной помощи крестьянам и рабочим, членом московского юридического общества, московского общества вспомоществования несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения.

Малянтович П.Н.

Являлся сотрудником юридического журнала «Право» в Петрограде и «Вестника права» в Москве. Составил (с участием Н.К. Муравьева) практический комментарий «Законы о преступлениях общественных и политических».

В графе «Политическая деятельность» указал, что оказывал услуги партии социал-демократов в ближайшей связи с Л.Б. Красиным, А.М. Горьким и И.И. Скворцовым и др., выступал в политических процессах.

О местопребывании с 1917 по 1922 год сообщил: до сентября 1917 года – в Москве, с сентября по день Октябрьской революции – Петербург, потом опять Москва. В начале августа 1918 года поехал за семьей на Кавказ, поскольку жена и дочь лечились в Пятигорске. С октября 1918 года жил с семьей в Екатеринодаре, занимался исключительно юридической консультационной практикой. С момента восстановления Советской власти 4 марта 1920 года, жил в Екатеринодаре до 5 сентября 1921 года. Вернулся в Москву 21 сентября 1921 года по вызову Наркоматов юстиции и просвещения.

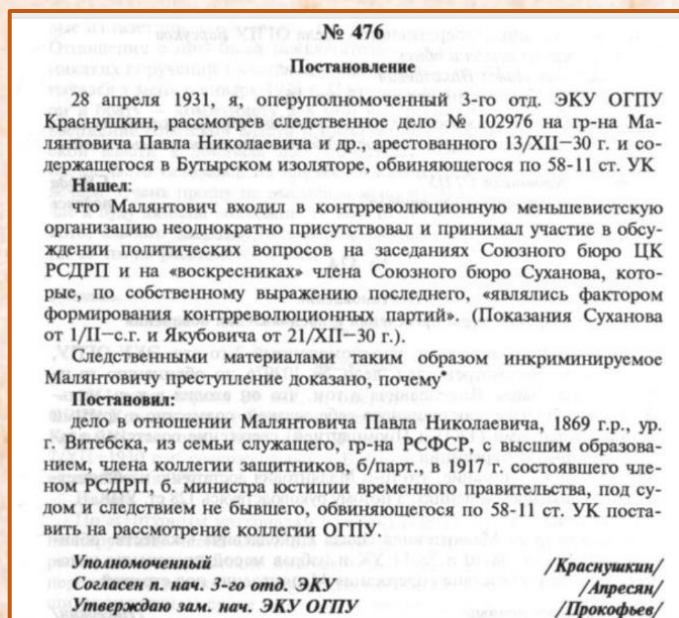
В разделе анкеты «Работа в области советской юстиции» записано следующее. С 1 мая 1920 года по 5 сентября 1921 год в городе Екатеринодаре состоял секретарем комиссии «О несовершеннолетних, обвиненных в общественно-опасных деяниях» (организовал Комиссию, составил инструкции, составлял решения). По совместительству работал в течение 3-4 месяцев консультантом при отделе юстиции. В Москве состоял консультантом в Центральном управлении лесной промышленности (ЦУЛП) и заместителем юрисконсульта Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ). С октября 1923 по февраль 1924 года – главный юрисконсульт акционерного общества «Транспорт».

Однако, вскоре после поступления в Московскую губернскую коллегия защитников, Павла Николаевича стали преследовать неприятности, которые в итоге закончились трагически.

Об этом печальном периоде жизни Малянтовича весьма обстоятельно рассказано в книге «Дела московских репрессированных адвокатов» (М., 2020), откуда и позаимствован следующий фрагмент:

Малянтовича осенью 1929 года обвинили в передаче взятки в размере 10 рублей и исключили из коллегии, но через несколько месяцев восстановили. Через год его обвинили уже в получении денег «мимо кассы», снова исключили из коллегии, арестовали и заодно обвинили в принадлежности к центральному бюро нелегальной меньшевистской организации. Припомнили, разумеется, и «ордер на арест» Ленина. В мае 1931-го Малянтовича приговорили к 10 годам

концентрационных лагерей, но через несколько дней благодаря усилиям Н.К. Муравьева отменили приговор, а к осени восстановили в коллегии.

Муравьев умер в ночь на 1 января 1937 года, и когда Малянтовича 14 сентября исключили из состава коллегии, а 2 ноября арестовали, вступить за него было уже некому, да и бывшие заслуги «политических защитников» утратили к тому времени всякое значение.

Здесь мы прервем цитату из книги, чтобы привести из того же источника документ, из которого становится ясным, какие претензии НКВД предъявил Малянтовичу:

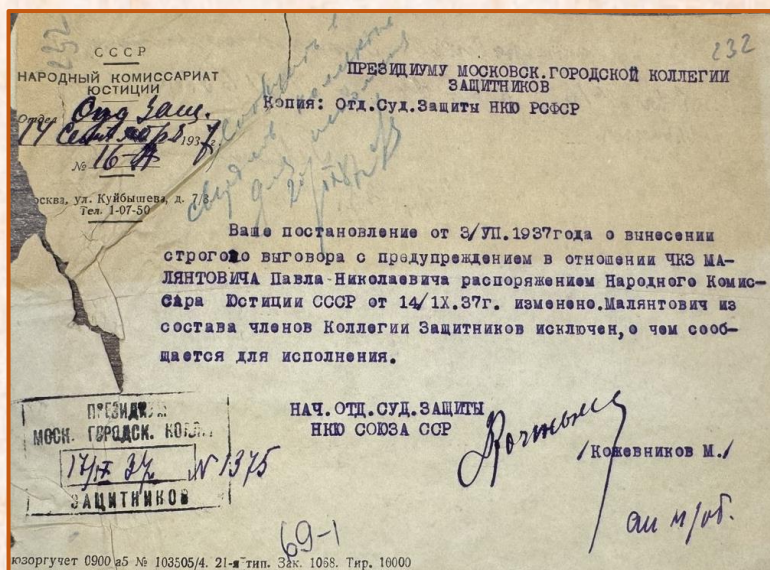
Следственное дело, Справка [на арест]:

Малянтович, Павел Николаевич член коллектива защитников, в настоящее время исключен из ЧКЗ, бывший министр юстиции Временного правительства, беспартийный, бывший меньшевик.

Малянтович П.Н. в прошлом активный меньшевик, гласный московской городской думы от фракции меньшевиков, затем министр юстиции, издавший приказ об аресте В.И. Ленина.

<...> В период гражданской войны П.Н. Малянтович находился на территории белых, в Краснодаре. Будучи настроен контрреволюционно, Малянтович П.Н. неоднократно в кругу своих знакомых высказывал свою враждебность к советской власти и руководителям ВКП(б) и правительства.

<...> В разговоре о процессе троцкистско-зиновьевского объединенного центра в 1936 г.

Малянтович П.Н.

Малянтович П.Н. заявил: «Поведение обвиняемых на процессе нельзя совместить с чувством собственного достоинства. Странностей в этом много, но объяснять их вам не буду. Я сам просидел 6 месяцев и скажу, что мне их поведение понятно».

В разговоре о политических процессах в СССР П.Н. Малянтович заявил, что он уклоняется от участия в них потому, что ему пришлось бы защищать не только своих подзащитных, но и свою идеологию, а в этом случае он не смог бы удержаться в рамках дозволенного.

Выступив в сентябре 1937 г. в спец. коллегии в качестве защитника по делу обвиняемого в контрреволюционных преступлениях, Малянтович допустил в своей речи контрреволюционный выпад, за что решением президиума Коллегии защитников исключен из ЧКЗ.

Малянтович был до последнего времени связан с активными меньшевиками, часть которых арестована. П.Н. Малянтович является фактическим вдохновителем контрреволюционной деятельности своего сына Владимира Павловича Малянтовича, высказывающего террористические настроения. Считаю необходимым Малянтович П.Н. арестовать.

Пом. нач. 13 отд. 4 отдела ГУГБ Ст. лейтенант Госуд. безопасности Иванов 11 октября 1937 года.

Вернемся дальше к рассказу о том, как развивались события после ареста Малянтовича П.Н.

Как видно из материалов дела, в ходе первых двух допросов Малянтович признал свою вину во всем, включая участие в контрреволюционной организации. Кроме того, почему-то в деле его сына Владимира Павловича, а не в его собственном находится собственноручное «показание» Павла Николаевича от 23 апреля 1938 года, в котором он подтвердил, что завербовал в организацию брата, сыновей и «других». Третий из имеющихся в деле протоколов допроса датирован 14 января 1939 года — после первых двух допросов прошло больше года. Что происходило все это время с Малянтовичем, мы не знаем (кроме того, что в разное время он содержался в Бутырской и Лефортовской тюрьмах). Но к этому времени тон и содержание показаний Малянтовича резко изменились — с тех пор и до самого конца он отрицает, что когда-либо состоял в какой-либо антисоветской организации, несмотря на давление следователей и многочисленные очные ставки с «соучастниками», дающими против него показания (в том числе их дал сын Владимир Павлович).

Малянтович подписал протокол об окончании следствия 22 февраля 1939 года — почти через 16 месяцев после ареста. После этого, если судить по

Малянтович П.Н.

материалам дела, ничего не происходило еще почти год, не считая нескольких удовлетворенных ходатайств о продлении сроков следствия. В последнем из них, приведенном в настоящем издании, имеется необычное дополнение: «Дело следствием закончено 22 февраля 1939 года. Но передача в суд по распоряжению руководства НКВД СССР задержана». <...> Интересно, что протокол судебного заседания, в ходе которого был осужден Малянтович, остается на сегодняшний день засекреченным. Павла Николаевича, арестованного по делу о «контрреволюционной кадетско-меньшевистской организации в МКЗ» одним из первых (он провел в тюрьмах НКВД около двух лет и трех месяцев), расстреляли 22 января 1940 года.

Добавим несколько штрихов к вышесказанному.

Один сын героя нашего повествования – Владимир Павлович Малянтович был расстрелян 14 июня 1938 года, а другой Георгий Павлович – 15 сентября 1938 года. Его родной брат Владимир Николаевич Малянтович,

приговоренный к 15 годам лишения свободы, умер в Воркутлаге 3 июня 1948 года.

И еще. Если мы заглянем в выпущенный в 1916 году справочник имен и адресов московских присяжных поверенных, то под номером восемь в списке помощников присяжного поверенного Малянтовича П.Н. указан Вышинский Андрей Янцарьевич, проживающий Москва, ул. Б. Якиманка, д. 22, кв.163. Факт начала юридической деятельности будущего генпрокурора и одного из авторов сталинских репрессий под началом Малянтовича уже упоминался ранее. Сейчас же хочется обратиться к воспоминаниям внука Павла Николаевича - Кирилла Георгиевича Малянтовича, приведенным в «Известиях» за 7 июня 2001 года: «Когда в 1937 году Малянтовича ... вновь репрессировали, его вторая жена Анжелика Павловна бросилась за помощью к ученику Павла Николаевича Вышинскому, тогдашнему Генеральному прокурору СССР. Когда-то он носил за ней зонтик и сумочку. Теперь, как она рассказывала мне, топал ногами и кричал, что врагов народа надо уничтожать. Вслед за дедом были арестованы еще 6 человек из нашей семьи, все они погибли. Сам я, прошедший фронт в пехоте и саперных войсках, награжденный орденом Отечественной войны 1-й степени и многими медалями, в том числе "За отвагу", был арестован в 1951 году и провел в лагерях пять лет»...

В 1959 году Малянтович П.Н. был посмертно реабилитирован.

Малянтович П.Н.

Жданов Владимир
Анатольевич родился 1 июня 1869
года в селе Ивицы.

Окончил гимназию в Рязани, затем учился в Московском и Санкт-Петербургском университетах. В 1895 году сдал экзамены по юридическим дисциплинам и защитил диссертацию на степень кандидата права в Юрьеве.

Увлёкся революционно-демократическим движением и стал членом партии «Народное право», а потом примкнул к большевикам и в этой связи находился под надзором полиции.

В первый раз Жданова В.А. арестовали уже в ноябре 1895 года и выслали в Вологодскую губернию. Сначала служил мелким чиновником - столоничальником в управе города Грязовец. Затем записался помощником присяжного поверенного в Консультацию присяжных и частных поверенных при Вологодском окружном суде. С 24 апреля 1902 года — присяжный поверенный в Вологодском судебном округе, где начал свою адвокатскую практику в судах Великого Устюга, Тотмы, Кадникова, Грязовца, и в самой Вологде.

В ноябре 1903 года участвовал в процессе о Кишиневском погроме, и в этой связи познакомился с известными адвокатами Грузенбергом О.О., Зарудным А.С., Кальмановичем С.Е., Карабчевским Н.П., Соколовым Н.Д., Сахаровым Н.Н.

С 1905 по 1907 годы Жданов являлся присяжным поверенным округа Московской судебной палаты, и именно с Москвой связаны наиболее громкие дела, которые провел Владимир Анатольевич. Кроме того, по приглашению Муравьева Н.К., Жданов вошел в состав так называемого Справочного бюро по правовым вопросам, которое занималось консультированием нуждающихся из несостоятельных слоев общества. Это бюро возглавил присяжный поверенный Курский Д.И. — будущий министр юстиции Советской России, и в нем также работали другие адвокаты, включая Малянтовича П.Н.

Широкую известность принесла ему защита террориста Каляева И.П., подорвавшего бомбой карету великого князя Сергея Александровича - дяди императора Николая II, бывшего Московского генерал-губернатора. По этому же делу вместе со Ждановым В.А. работал Мандельштам М.Л. Защищая в Особом присутствии сената 5 апреля 1905 года, Владимир Анатольевич сказал пламенную речь, о которой один из их общих знакомых высказался так: «Жданов близко знал Каляева еще по Вологде и сказал в защиту его одну из лучших речей в истории русских политических процессов». Хотя это и не спасло террориста от смертной казни.

В воспоминаниях коллеги Жданова — адвоката Мандельштама М.Л. приводится такой фрагмент: «Казни в царское время совершались непублично. В числе лиц, имеющих право присутствовать при смертной казни, закон упоминал защитника, но мы никогда не пользовались этим правом. Жданов, товарищ Каляева, очень его любивший, обещал Каляеву явиться на казнь, чтобы там проститься. Верный слову, он отправился в Петербург и потребовал пропуска. Департамент полиции был необыкновенно смущен такой необычной просьбой и прибегнул к хитрости. Разрешение было выдано, но одновременно было отдано распоряжение задержать под разными предлогами свидания вплоть до исполнения казни. В 9 часов вечера прокурор сообщил Каляеву, что в предстоящую ночь казнь будет приведена в исполнение. Каляев спросил, не приехал ли его защитник Жданов? Само собой разумеется, последовал отрицательный ответ, хотя Жданов томился за стенами крепости в ожидании момента, когда его туда пустят».

Участвовал Владимир Анатольевич и в деле эсера Бориса Савинкова, которому инкриминировалось покушение на генерал-лейтенанта Неплюева. С Савинковым они были знакомы еще по Вологде.

После отложения очередного заседания по ходатайству защиты, единомышленники Савинкова подкупили охранников, и тот успешно сбежал.

До своего последующего ареста Жданов В.А. выступал адвокатом по делам о Пресненском вооруженном восстании, о сопротивлении властям революционеров-дружинников в училище Фидлера, на процессе о Московской социал-демократической лаборатории бомб, о покушении на Дубасова Ф.В., руководившего подавлением Декабрьского вооруженного восстания.

В тоже время Жданов, сблизившийся с большевиками, был вовлечен ими в свои революционные мероприятия, в результате чего в 1907 году оказался вместе с несколькими другими лицами арестованным по обвинению в открытой экспроприации для партийных нужд крупной суммы денег у секретаря Московского сельскохозяйственного института Реша.

Жданов В.А.

Сначала его защитникам Маклакову В.А. и Муравьеву Н.К. в первой судебной инстанции удалось доказать непричастность Жданова к нападению, однако кассация отменила оправдательный вердикт, и 18 октября 1907 года Московский военно-окружной суд приговорил Владимира Анатольевича к четырём годам каторги, которые он отбывал в Александровском центре под Иркутском, а затем до революции 1917 года жил с семьёй на поселении в Чите.

Вернувшись из Сибири в Москву благодаря амнистии Временного правительства, Жданов В.А. активно занялся юридической практикой и иными даваемыми ему поручениями в новых для себя условиях.

Так, в июле 1917 года Временным правительством были учреждены должности военных комиссаров при главнокомандующих армиями. Это делалось в целях «содействия реорганизации армии на демократических началах и укреплению её боеспособности, равно для борьбы со всякими контрреволюционными попытками».

Военным комиссаром при главнокомандующем Западным фронтом Деникиным А.И. был назначен Жданов В.А., пробывший в этой должности всего несколько месяцев. Однако во время «корниловского мятежа» его действия вызвали вопросы у минского Военно-революционного комитета, в связи с чем Жданов оказался под следствием и давал показания Чрезвычайной комиссии по расследованию дела генерала Корнилова. Судя по всему, пояснения Владимира Анатольевича оказались убедительными, и никаких серьезных последствий для него не наступило.

Кроме того, Жданов вместе с рядом прежних чиновников юридических ведомств и известных учёных был членом Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений царского режима, возглавлявшейся Муравьевым Н.К. Также Жданов включился в работу организации под

№ 20
Показание военного комиссара Временного правительства
при командующем Западным фронтом В.А. Жданова

3 сентября 1917 г.

Протокол допроса свидетеля

1917 года, сентября 3 дня в гор. Могилеве Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о генер. Корнилове и др. допрашивала нижепоименованного, который на предложенные ему вопросы показал:

Я, комиссар Западного фронта Владимир Анатольевич Жданов, православный, не судился, по делу показываю и показания записываю собственноручно. Я занимаю должность военного комиссара Временного правительства при главнокомандующем Западным фронтом. На 24 августа с.г. я был вызван комиссаром в Ставку на съезд. Здесь перед съездом я встретился у комиссара-верха с управляющим Военным министерством Б.В. Савинковым, знакомым мне более 12 лет. Вечером я был на квартире у М.М. Филоненко. Там были комиссары Н.И. Иорданский, я, комиссар-верх М.М. Филоненко и его помощник Фонвизин. Б.В. Савинков указывал нам на положение на фронте и в тылу, особенно в Петрограде. Разговор имел деловой характер, дабы мы могли знать, чего опасаться и в каком направлении направить свою деятельность. Между прочими его сообщениями наиболее им было подчеркнуто сообщение о положении дел в Петрограде. Он указал, что на начало сентября правительство, по имеющимся у него сведениям, ожидает беспорядков со стороны¹ левых групп и что эти выступления могут совпасть с попыткой высадки десанта немцами и какими-либо выступлениями наиболее революционных групп Финляндии. В конце совещания комиссаров на заседание явился Верховный главнокоманду-

Жданов В.А.

названием Политический Красный Крест, где активно вместе со своими коллегами из «молодой адвокатуры» - Тагером А.С., Малянтовичем В.П. и Муравьевым Н.К. трудился в Юридической комиссии по части оказания правовой помощи нуждающимся.

Бывшие присяжные поверенные с разочарованием наблюдали, как новая власть, представителей которой они активно поддерживали в прежние времена, стала активно преследовать своих политических противников и применять репрессивные методы, далекие от истинной законности, права и гуманизма. Муравьев Н.К. так объяснял суть проводившейся работы: «Входящие в состав консультации юристы давали советы обращающимся в Комитет родственникам арестованных. Кроме того, члены Юридической комиссии обслуживали непосредственно политическую часть населения тюрем в отношении юридическом, посещая тюрьмы, выслушивая заключенных и давая им изустные советы, а, также принимая на себя хлопоты по продвижению их дел в тех случаях, когда убеждались, что дело замедлилось в своем разрешении - а таких случаев было подавляющее большинство».

Столкнувшись с фактами явного беззакония, Жданов В.А. обратился 11 июля 1918 года с запиской к управляющему делами Совета Народных Комиссаров РСФСР Бонч-Бруевичу В.Д., в которой раскритиковал деятельность ВЧК, указав, что «деятельность Чрезвычайной комиссии необходимо будет являться сильнейшим дискредитированием Советской власти. Единственное средство уничтожить вредные стороны деятельности Комиссии — это лишить Комиссию права самостоятельно решать дела, обязав её каждое дело в определённый срок представлять в соответствующий трибунал для гласного разбирательства и допускать защиту к участию в дознаниях, производимых Комиссией».

Власти к Жданову не прислушались, и вскоре ему пришлось пытаться противодействовать несправедливости в виде проявлений «революционной законности» уже в качестве знакомой ему деятельности адвоката-защитника.

Бывший командующий Балтийским флотом капитан 1-го ранга Щастный А.М., спасший 236 кораблей от захвата немцами, был обвинен в подготовке контрреволюционного переворота и государственной измене по отношению к Советской власти. Инициатором преследования Щастного, главным свидетелем обвинения, и по сути – прокурором и судьей на процессе, состоявшемся в июне 1918 года, был Троцкий Л.Д.

Подробные обстоятельства этой неправосудной расправы, при которой в качестве защитника участвовал Жданов В.А., описаны в книге «Дело командующего Балтийским флотом А.М. Щастного. Подлинное следственно-

Жданов В.А.

судебное дело», вышедшей в 2013 году, откуда и будут приведены фрагменты, иллюстрирующие работу Жданова В.А.

Владимир Анатольевич со свойственной ему энергией опровергал на суде доводы обвинения и демонстрировал несостоятельность представленных «доказательств». Тем не менее, вполне предсказуемый приговор состоялся. Жданов сразу же его обжаловал во ВЦИК, указав: «Приговором от 21 июня с.г. Верховный революционный трибунал при Всероссийском Центральном исполнительном комитете, признав гражданина Щастного А.М. виновным в подстрекательстве и организации, распространении ложных слухов о советской власти и содействии контрреволюции, приговорил его к смертной казни через расстреляние. Приговор этот настолько не соответствует данным дела и поставлен с таким нарушением минимальных требований какого бы то ни было правосудия, что я ходатайствую перед Президиумом ЦИК о немедленной его отмене. Немедленной, ибо он, согласно приговора, должен быть приведен в исполнение в 24 часа».

Приведенные в жалобе доводы, свидетельствовавшие, что «ни одного факта контрреволюционной деятельности, ни одного документа, подтверждающего обвинение, найдено не было» и «весь приговор основан не на фактах, а на умозаключениях, догадках» были полностью проигнорированы.

В тоже время работу защитника должным образом оценил приговоренный к смерти Щастный А.М., успев перед казнью написать ему письмо следующего содержания: *«Дорогой В.А. Сегодня на суде я был до глубины души тронут вашим искренним настойчивым желанием спасти мне жизнь. Я видел, что вы прилагаете усилия привести процесс к благополучному для меня результату и душой болел за ваши переживания. Пусть моя искренняя благодарность будет вам некоторым утешением в столь безнадежном по переживаемому моменту процессе, каковым оказалось мое дело. Крепко и горячо жму вашу руку. Сердечное русское вам спасибо. А. Щастный. 1 час ночи»...*

Ещё одним раздражителем для властей стало участие Жданова В.А. в июне-августе 1922 года в судебном разбирательстве по делу членов ЦК партии эсеров, задуманном его инициаторами как показательный процесс над врагами революции. Ему предшествовало принятие постановления Пленума ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 года «О предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров». Основная статья обвинения, каравшаяся смертной казнью, подлежала применению за участие в организации, созданной для совершения контрреволюционных действий, направленных на свержение Советской власти, для совершения вооруженных действий и для пособничества иностранным государствам. Процесс проходил в Колонном зале Дома Союзов,

дело рассматривала высшая судебная инстанция - Верховный Революционный трибунал при ВЦИК.

По мнению наблюдателей, «это судилище следует рассматривать как составную часть большой политической кампании большевиков, имевшей своей целью насильственно поставить точку в затянувшемся споре между марксизмом и народничеством». Понимавшие это, подсудимые эсеры решили относиться к предстоящему трибуналу точно также, как революционеры досоветского времени относились к царскому суду, и использовать процесс как трибуну для обвинения большевистской диктатуры. Но, помимо членов ЦК партии социалистов-революционеров, являвшихся непримиримыми противниками большевизма, в составе группы обвиняемых находились и те, кто признал себя виновными.

При таких обстоятельствах неудивительно, что защиту подсудимых приняли на себя юристы, имевшие богатый опыт правозащитной работы, в том числе по политическим делам. Команду защитников возглавил Муравьев Н.К., в неё вошли Жданов В.А., Карякин Г.Л., Липскеров А.Ф., Патушинский Г.Б., Оцеп М.А., Гуревич С.А., Ратнер Б.Е. и Тагер А.С. И уже в первый день процесса 8 июня 1922 года рупор большевиков газета «Правда» заклеила эту группу как «продажных профессионалов-адвокатов» и «прожженных судебных крючков».

Однако довольно быстро на суде выявились грубые нарушения основ состязательного производства, устранения которых безуспешно требовали защитники. Один из иностранных юристов, пытавшийся подключиться к защите – бельгиец Эмиль Вандервельде, по возвращении на родину дал такую оценку происходившего: *«...Процесс ничего общего с судом и правосудием не имеет. Я уже сказал в Трибунале, что в Европе ничто подобное не было бы возможно. Ни в одной культурной стране нельзя себе представить, чтобы председатель суда - Крыленко, делегировал сам себя в качестве государственного обвинителя, своего свояка и подчиненного назначил председателем суда, а своей жене поручил ведение следствия и составление обвинительного акта».*

В создавшихся условиях сначала команда адвокатов заявила о невозможности выполнять обязанности защитников, а потом группа активных подсудимых сообщила суду, что они желают защищать себя самостоятельно.

Впоследствии исследователи констатировали: «Уже одно то, что русские адвокаты честно и профессионально исполняли свои обязанности, превратилось для организаторов процесса в весьма серьезную проблему. Ведь подобрав состав суда, обвинителей, часть свидетелей и даже публику в зале, а также избежав участия в процессе "политических защитников" из числа эсеров-эмигрантов и адвокатов-меньшевиков, власти, похоже, неожиданно для себя столкнулись с

тем, что отечественные адвокаты своей профессиональной честной работой стали всерьез мешать реализации поставленных ею целей».

За предъявление отвода всему составу трибунала, государственному обвинителю и отказ от защиты, 18 августа 1922 года Муравьев Н.К., Жданов В.А. и Тагер А.С. по приказу начальника Секретного Отдела ГПУ Самсонова Т.П. были арестованы и помещены во внутреннюю тюрьму ВЧК, а затем высланы из Москвы. Согласно постановлению Особой Комиссии НКВД по административным высылкам от 17 октября 1922 года, гражданин Жданов Владимир Анатольевич подлежал высылке в город Рыбинск сроком на два года.

Поселившись в Рыбинске по адресу ул. Толстого, д. 36, Жданов уже 22 февраля 1923 года подал во ВЦИК прошение о снятии с него обвинения в борьбе против советской власти и отмене решения о высылке. Оставаясь верным призванию адвоката и приверженности к истинному праву, Владимир Анатольевич пытался объяснить новым властителям произошедшее с ним и с его коллегами:

«Задача защиты в этом процессе, - кроме чисто судебной защиты отдельных подсудимых, - следить за тем, чтобы в процессе не были нарушены установленные законом права подсудимых, так как без этого приговор суда не будет ни для кого убедителен.

В этом состоит главнейшая задача защиты в каждом процессе, а в процессе, который проходил перед глазами рабочего класса всего мира, эта задача была особенно важна.

Я был защитником в процессе с.-р., но не был защитником с.-р.

Я считал своим долгом, предупредив подсудимых о моем отношении, как к их взглядам, так и к их деятельности, выступить в деле и сделать все возможное, чтобы этот процесс не был актом политической, партийной мести, а был пролетарским судом, действующим в точных рамках закона, установленных революционным правосознанием.

Во имя этого я протестовал против всякого нарушения прав подсудимых и вышел из процесса лишь тогда, когда отношение ко мне со стороны Суда выяснило полную мою ненужность в этом деле.

Действуя так, я полагал и полагаю теперь, что долг каждого, стремящегося поддержать Советскую власть, всегда и всюду указывать на ошибки и незаконные действия носителей этой власти, кто бы они ни были и какие бы последствия за это не грозили».

Еще через месяц, 22 марта 1923 года Жданов обратился с короткой запиской к лично знавшему его заместителю председателя Совета народных

Жданов В.А.

№ 121. Служебная записка № 5718 зампреда ГПУ в Секретариат ЦК РКП(б) о возвращении из ссылки В.А. Жданова от 18 июня 1923 г.

18 Июня [1923]
№ 5718

В ЦК РКП(б)
тов. СТАЛИНУ

В Сентябре прошлого года постановлением Особой Комиссии НКВД по административным высылкам высланы были гр[ажданин] Жданов В.А. в г. Рыбинск на 2 года и гр[ажданин] Муравьев Н.К. и Тагер А.С. в гор. Казань на 3 года за контр-революционные выступления на процессе эсеров.

В настоящее время Президиум ВЦИК получил их ходатайство об отмене высылки, поддержанное т.т. Преображенским, Рыковым и др.

Просьба сообщить Ваше мнение о возможности отмены высылки указанных граждан.

ЗАМПРЕД ГПУ Уншлихт

ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 139. Л. 79. Машинописная копия.

комиссаров Рыкову А.И. также с просьбой о содействии в удовлетворении прошения. Из архивных документов следует, что Рыков, как и ряд других высокопоставленных лиц, поддержали обращение Жданова, а также аналогичные прошения его коллег Муравьева и Тагера.

По возвращении из ссылки в Москву Владимир Анатольевич подал заявление о приеме в недавно образованную Коллегию защитников Московской губернии, которое было удовлетворено в мае 1924 года. В списках членов Московской губернской коллегии защитников за 1926 год он значится как проживающий по адресу Москва, улица Станкевича, бывш. Большой Чернышевский переулок, дом 11, кв.13.

Работая в адвокатуре, Жданов сотрудничает во Всероссийском обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, с мая 1929 года работает в юридической консультации при редакции «Крестьянской газеты».

В ходе очередной «чистки» рядов московской адвокатуры, направленной на удаление из корпорации старых специалистов, прошедших школу присяжной адвокатуры, Жданов В.А. был отчислен из коллегии решением от 13 ноября 1930 года.

Он умер 4 июня 1932 года и похоронен на Новом Донском кладбище в Москве. Как сказано на страницах «Новой адвокатской газеты» (2009, № 17), «Возможно, обладающий принципиальностью и обостренным чувством справедливости, не осуждающий, а понимающий человека, Владимир Жданов сгинул бы в одной из чекистских мясорубок, если бы дожил до 1937 года. Но он не дожил до расстрела, а умер своей смертью...».

Среди самых ярких звезд «молодой адвокатуры» конца XIX – начала XX века блистал Михаил Львович (Моисей Лейбович) Мандельштам – высококлассный правовед –криминалист, судебный оратор и политик

(Троицкий А.Н. Корифеи российской адвокатуры. М., 2006).

Жизнь этого удивительного человека постоянно сопровождалась интереснейшими хитросплетениями событий и участвовавших в них людей. Начнем с того, что его отцу Михаилу Львовичу – известному детскому врачу – приходилось

лечить юного Колю Баумана, которого позже уже в качестве известного революционера защищал на суде Михаил Мандельштам.

Ещё одно интересное обстоятельство, мимо которого сложно пройти – есть все основания полагать, что именно Мандельштам М.Л., будучи ещё студентом, познакомил молодого Владимира Ульянова с марксистским учением. Что, впрочем, во времена сталинских репрессий не спасло Мандельштама от тяжелой участи.

Теперь обо всем по порядку.

Мандельштам Михаил Львович родился 1 апреля 1866 года. В Казани окончил 3-ю городскую гимназию, после чего в 1883 году поступил на юридический факультет Казанского университета. В 1885 году перевёлся на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета.

О своих политических пристрастиях студенческой поры Мандельштам позже рассказывал так: *«Мое марксистское мировоззрение слагалось в конце 80-х и начале 90-х годов, когда ... марксизм еще только зарождался. Типичными представителями этой переходной эпохи являются мои товарищи по*

петербургской работе того времени – Александр Ильич Ульянов, Лукашевич и другие. От народолюбчества я унаследовал принцип сосуществования классовой борьбы с общими надклассовыми интересами, ценность политической свободы и некоторые другие основы идеологии этой партии.

Всю свою сознательную политическую жизнь с девятнадцатилетнего до шестидесятичетырехлетнего возраста я был марксистом».

17 ноября 1886 года, в 25-ю годовщину смерти писателя, представителя «революционной демократии» Добролюбова Н.А., петербургская молодежь, к которой присоединилось несколько литераторов и профессоров, решили отслужить панихиду на Волковом кладбище. Власти сочли это мероприятие политической демонстрацией, за участие в которой Мандельштам М.Л. был исключён из университета и выслан в Казань.

Там он в 1887 году сдал экстерном экзамены в местном университете и

получил диплом со званием кандидата прав, но после очередной студенческой сходки был выслан на два года в Симбирск с запрещением проживать в университетских городах. Там он в 24 года написал книгу, посвященную роли интеллигенции при капитализме, изданную в Казани в 1890 году. В этой работе молодой исследователь опирается на работы Карла Маркса и пытается делать самостоятельные умозаключения и выводы.

И снова предоставим слово самому Мандельштаму: «В 1886 г. я был арестован, оторван от своих товарищей по работе, которые вместе со мной переживали тогда переход от народолюбческой идеологии к марксистской, и выслан на родину, в Казань. Здесь я начал пристально изучать политическую экономию и Маркса. Участь сам, я учил других и образовал целый ряд кружков,

в которых читал доклады по учению Маркса. Вскоре я был опять арестован и на два года выслан в Симбирск, а по отбытии опять вернулся в Казань. И в

Казани, и в Симбирске все время я работал в кружках, пропагандируя марксизм. Тогда же я выпустил одну из первых книг по боевому марксизму – «Интеллигенция, как категория капиталистического строя». В числе слушателей моих лекций был Ленин, тогда еще совсем молодой человек».

Есть вполне обоснованное предположение, что именно из уст Мандельштама в первый раз Ленин услышал о Марксе и увидел в нем мощную революционную теорию, взятую потом на вооружение.

В обстоятельной работе Троицкого А.Н. «Корифеи российской адвокатуры» (М., 2006) есть и биография Мандельштама М.Л., который характеризуется так: *«Блестяще эрудированный юрист, присяжный поверенный с 1902 г., Мандельштам к тому же еще со студенческих лет имел репутацию выдающегося оратора. Рослый, статный, красивый брюнет с бурным темпераментом и могучим голосом, он был зажигательно красноречив и производил сильное впечатление на любую аудиторию. Своей оппозиции к самодержавию он никогда не скрывал, скорее даже бравировал ею. Поэтому «государственные преступники» охотно выбирали его своим защитником. Он, со своей стороны, рано выбрал для себя амплуа именно политического защитника и успел выступить в этом амплуа еще до того, как примкнул в 1903 г. к первому из кружков политзащиты, который был основан в Москве в 1896 г. во главе с Н. К. Муравьевым, П. Н. Малянтовичем, В. А. Маклаковым, Н. В. Тесленко и М. Ф. Ходасевичем».*

Итак, в 1887 году герой нашего повествования стал помощником присяжного поверенного в Симбирске, где работал до 1890 года, а затем вернулся в Казань. В 1902 году стал присяжным поверенным, и с 1903 до 1917 года практиковал в Москве, занимаясь в то же время политической деятельностью. Сам он уже в советское время писал: «В 1903 году я, ввиду начавшегося оживления политической жизни, переехал в Москву, и был приглашен группой большевиков регулярно работать в легальном ежемесячном журнале «Правда».

В справочнике «Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1916 года» (Москва, 1917), имя Мандельштама М.Л. значится под номером 321 с указанием адреса проживания – Воздвиженка, д. 4, кв. 42. Здесь же перечислены фамилии 13-ти его помощников.

Как адвокат, Михаил Львович Мандельштам прославился активной защитой обвиняемых по, говоря современным языком, «резонансным», в том числе политическим делам.

О своём участии в судебных баталиях того времени Мандельштам М.Л. впоследствии написал отдельную книгу, вышедшую в Москве в 1931 году. Она называется «1905 год в политических процессах. Записки защитника».

В предисловии, подготовленном редактором Всероссийского общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев Чужаком Н.Ф., говорится:

«Михаил Львович Мандельштам — один из крупнейших и талантливейших политических защитников и довольно видный политический деятель описываемой им эпохи. Работа его дает гораздо больше того, что обещает ее заглавие. Внимательный; по-своему наблюдатель и довольно активный участник общественно-политического движения тех лет, автор имел случай сталкиваться с представителями самых разнообразных кругов и социальных положений, от революционеров всех направлений и оттенков до представителей самого махрового черносотенства и сановной бюрократии.

Не ограничиваясь поэтому изложением политических процессов, в которых автору приходилось играть выдающуюся судебно-политическую роль, он набрасывает широкую картину общественно-политического движения 1902—1905 годах. Следя за процессом нарастания революционного движения в стране, автор дает интересные характеристики в различных слоях общества — рабочих, крестьянских, интеллигентских и бюрократических как в столицах, так и в провинции. Рассказ свой он ведет в серьезном и вдумчивом по-своему тоне, вдаваясь нередко в более или менее подробный анализ отдельных политических моментов, но — живым, вполне литературным и местами даже образным языком».

Действительно, в книге от лица активного участника событий освещаются социальные явления, происходившие в Российской Империи того времени, включая манифестации, забастовки, теракты и погромы, описываются автором нарождавшиеся политические партии и течения, обрисовывается и критикуется состояние правосудия. При этом Мандельштам М.Л. довольно детально рассказывает о самых значимых судебных разбирательствах, имевших ту или иную политическую составляющую.

О своём отношении к такого рода процессам и многим из подсудимых он говорил: *«Как война рождает героев, так политические процессы создали политическую защиту. Не рискуя ошибиться, мы можем сказать смело, что до 1903 года политической защиты, как нераздельной составной части революционного и так называемого освободительного движения, у нас не было. ...Многие из нас смотрели на политических подсудимых не сверху вниз, а как на равных нам, а иногда и морально стоящих и выше нас. Почти все мы в*

подсудимых видели своих товарищей, делающих с нами одно и то же дело, но только более решительных и самоотверженных».

Избранный в октябре 1905 года членом Центрального Комитета конституционно-демократической партии (партии Народной свободы), Мандельштам не скрывал своей к ней принадлежности и политических пристрастий.

Выступая в 1909 году на процессе по делу Екатеринбургского областного Комитета этой партии, Михаил Львович в начале своей речи пояснял: «Я приехал защищать людей, которых привык глубоко уважать. Я уважал их, когда сидел с ними рядом на съездах партии, я не менее, если не более, уважаю их и теперь, когда вижу их на скамье подсудимых. Я явился защищать этих людей не только как обвиняемых, но как своих товарищей, вместе со мной преданных одному делу».

Здесь важно отметить, что данный процесс по обвинению партийных соратников Мандельштама в нелегальной деятельности закончился оправданием всех подсудимых. Согласно дошедшему до нас отчету о судебном заседании, после речи адвоката раздались продолжительные аплодисменты присутствовавших.

Характеризуя Мандельштама, его близкий по взглядам соратник и коллега по многим судебным процессам присяжный поверенный Маклаков В.А. в своих мемуарах писал: «В отличие от меня, он был «настоящим политиком». У него было даже пристрастие к «Революции», как к одушевленному существу, наделенному собственной волей».

Из числа процессов, в которых в разные годы участвовал Михаил Львович, следует отметить:

- дело о покушении фельдшера Кочурихина на казанского губернатора Полторацкого (защищал соучастника - Архангельского);
- дело о беспорядках в имении Великого князя Сергея Александровича;
- Гомельский процесс о еврейском погроме;
- защита литератора Дживилегова А.К., обвинявшегося в критике дворянского сословия;
- дело о беспорядках на Барановской мануфактуре, рассматривавшееся Московской судебной палатой весной 1903 года;
- дело о рабочих беспорядках на бумагопрядильной фабрике Хлудовых в Рязанской губернии, слушавшееся осенью 1903 года;

- дело об аграрных беспорядках в Валках, рассматривавшееся в заседании Харьковской судебной палаты;

- дело о еврейском погроме в Кишиневе;

- дело Аничкова и Тырковой по обвинению в покушении на распространение журнала «Освобождение», в статьях которого заключалось порицание существующего строя (Тыркову защищал Мандельштам М.Л., Аничкова – Карабчевский Н.П.);

- суд в октябре 1905 года над Спасским за высказывания о конституционных свободах;

- дело Виктора Васильева, по приговору партии социалистов-революционеров застрелившего из револьвера полицмейстера города Пензы Кандаурова (слушалось в Пензе на выездной сессии Саратовской судебной палаты в 1908 году).

О некоторых делах необходимо рассказать более подробно, чтобы иметь достаточное представление о том, как работали Мандельштам М.Л. и его коллеги, защищая доверившихся им людей.

По делу о манифестации в 1902 году, организованной объединенным комитетом партии социал-демократов и социалистов-революционеров, сопровождавшейся столкновениями с полицией, на проходившем осенью 1903 года процессе в Таганроге, Михаил Львович смело обвинял прокуратуру и суд: «Вы подняли против нас кровавый закон, мы вырвем этот закон из ваших рук и из него сделаем свой собственный оплот».

На процессе о повлекшем человеческие жертвы конфликте между рабочими и администрацией Златоустовских заводов (январь 1904 года) защита доказывала, что рабочие вели себя вполне лояльно и только добивались освобождения своих арестованных товарищей, а следовательно, расстрел рабочих не был вызван поведением толпы и являлся простым убийством мирных рабочих. Произошел расстрел солдатами рабочих, из которых пострадало 128 человек, в том числе 28 было убито и 17 умерло от ран. По итогам судебного разбирательства пятеро подсудимых – наиболее активных участников событий – были приговорены к различным срокам ареста от одного до трех месяцев, а остальные полностью оправданы.

В военном суде слушалось дело Стефании Кондратенко, обвинявшейся в покушении на побег из Пречистенского полицейского дома, представлявшем собой неудавшуюся попытку группы задержанных связать караул, состоявший из жандармских унтер-офицеров. Интересно, что сама Кондратенко на следствии дала довольно оригинальные объяснения своим действиям, заявив, что увидела жандарма в крови и плачущего, и бросилась утирать ему слезы. Однако она была

предана военному суду и за посягательство на представителя власти ей грозила смертная казнь. Благодаря усилиям Мандельштама М.Л. и его коллеги, присяжного поверенного Якулова Я.Б., Кондратенко была оправдана.

В деле социалиста-революционера Каляева И.П. об убийстве им московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, слушавшемся 5 апреля 1905 года в заседании Сената в Москве, подсудимого защищали присяжные поверенные Мандельштам М.Л. и Жданов В.А. Своим защитникам Каляев заявил, что будет требовать казни, ему не нужно смягчение грозящего наказания. На вопрос председательствующего о виновности, он ответил: «Счастлив, что выполнил долг, который лежал на всей России». Каляеву не удалось продолжить свою речь, поскольку он был выведен по распоряжению председателя из зала заседания, и в знак протеста оба защитника Жданов и Мандельштам также ушли из суда, возвратившись только после обратного привода Каляева.

В своей речи в защиту Каляева Мандельштам доказывал, что правительство само толкает людей на террор, а безответственные лица, такие как Великие князья, фактически стоящие вне закона и над законом, не подчинены нормальным властям и не входят в нормальную иерархию, а поэтому не должны занимать ответственных постов.

Каляев был приговорен к смертной казни, прошение о помиловании он не подавал. Приговор привели в исполнение 23 мая 1905 года.

На процессе по делу боевой организации партии эсеров по обвинению в совершении ряда террористических актов – убийстве губернатора Богдановича, убийстве министра внутренних дел Ситягина, покушении на харьковского губернатора Оболенского и ряде других терактов – обвинялся лидер боевиков Гершуни Г.А., его помощники Мельников М.М. и Григорьев Е.К., а также второстепенные участники событий Вейценфельд А.И. и Ремянникова Л.А. Последнюю защищал Мандельштам М.Л., и его подзащитная получила наказание в виде 3х месяцев ареста, тогда как Гершуни был приговорен к повешению, впоследствии замененному пожизненной каторгой, с которой он затем сбежал.

Интересны обстоятельства дела представителей Центрального комитета социал-демократической партии, по которому привлекались к ответственности уже упоминавшийся выше революционер Николай Бауман, его жена Медведева К.П., соратница Ленина – Стасова Е.Д., и несколько других лиц, по статье 126 Уголовного уложения, предусматривающей ответственность за участие в сообществе, заведомо поставившем своей целью ниспровержение существующего в государстве общественного строя.

Именно в связи с этим делом 19 января 1905 года было написано Лениным В.И. адресованное Стасовой Е.Д. и её содержащимся в тюрьме товарищам письмо с упоминанием знаменитых «ежовых рукавиц» применительно к адвокатам. На самом деле Ленин, и как уже имеющий опыт работы адвокатом в статусе помощника присяжного поверенного, и как политик, дает советы по подготовке к предстоящему процессу: «Судом пользоваться как агитационным средством и для этого принимать участие в судебном следствии при помощи адвоката. Показывать незаконность суда и даже вызывать свидетелей». Задачи для адвокатов сформулированы так: «исключительно критиковать и «ловить» свидетелей и прокурора на вопросе проверки фактов и подстроенности обвинения, исключительно дискредитировать шемакинские стороны суда».

Но особо здесь обращает на себя внимание жёсткая установка Ленина: «Брать адвокатов только умных, других не надо», и это дает нам все основания вернуться к личности Мандельштама М.Л., которого, как следует полагать, именно на основании процитированного предписания будущего вождя, пригласил защищать себя подсудимый Бауман Н.Э.

На процессе в августе 1905 года, начавшемся в Московской судебной палате, Михаил Львович и его коллеги добились освобождения тех подсудимых, которые до этого находились под стражей (Бауман, Белянчиков, Заварин и Медведева), после чего Бауман скрылся в подполье, и вскоре – 18 октября 1905 года был убит черносотенцем.

После революционных событий 1905 года Мандельштам М.Л. был заключен в Москве в Таганскую тюрьму, но скоро освобожден под условием убытия в Саратов под гласный трехлетний надзор полиции. Через некоторое время ему удалось выехать за границу в Швейцарию, а после возвращения в Россию Михаил Львович снова приступил к адвокатской практике.

В своих воспоминаниях Мандельштам М.Л. описал один из эпизодов того беспокойного времени. По распространившимся в Москве слухам, при содействии местных властей намечались погромы как по национальному, так и профессионально-политическим признакам (вспомним судьбу Баумана). И в этой связи в охранном отделении возникла мысль пометить квартиры, подлежащие разгрому. Однажды возвращаясь домой, Михаил Львович нашел на двери своей квартиры таинственные кресты. А вскоре «в квартиру входит вооруженный с головы до ног отряд дружины», состоящий из помощников присяжных поверенных и студентов, которые объявили Мандельштаму, что присланы охранять его.

Погромы так и не состоялись, но данный пример решительной солидарности, сплоченности и стремление защитить известного адвоката очень поучителен.

К последующим делам, которыми пришлось заниматься Мандельштаму М.Л., относятся инициированные властями процессы над депутатами Государственной думы (дело о Выборгском воззвании), суд над думской фракцией социал-демократов, уже упоминавшийся суд над Екатеринбургским комитетом партии народной свободы, процесс объединенных организаций большевиков и меньшевиков, проходивший в апреле 1909 года в Московской судебной палате над 48 подсудимыми. В последнем из приведенных дел Мандельштам М.Л. участвовал вместе с присяжными поверенными Муравьевым Н.К., Малянтовичем П.Н., Соколовым Н.Д., Якуловым Я.Б., Ратнером Б.Е., защищая доверителей от обвинения в участии в сообществе, поставившем своей целью ниспровержение государственного строя.

После Октябрьской революции 1917 года Михаил Львович уехал из Москвы в южном направлении, куда постепенно перемещались основные силы конституционно-демократической партии. Мигрируя таким образом, кадеты на регулярно проводившихся собраниях пытались осмыслить происходящее в стране и найти свое место в этих процессах. Но при этом, по мере успехов большевиков на фронтах, им приходилось смещаться всё южнее. И поэтому, если заседания с участием лидеров партии, включая Мандельштама М.Л., сначала в 1919 году проходят в Екатеринодаре (май) и Ростове (сентябрь-октябрь), то потом эти мероприятия перемещаются за пределы России – в Константинополь и Белград (май-июль 1921), а затем в Париж (1921-1922 гг.).

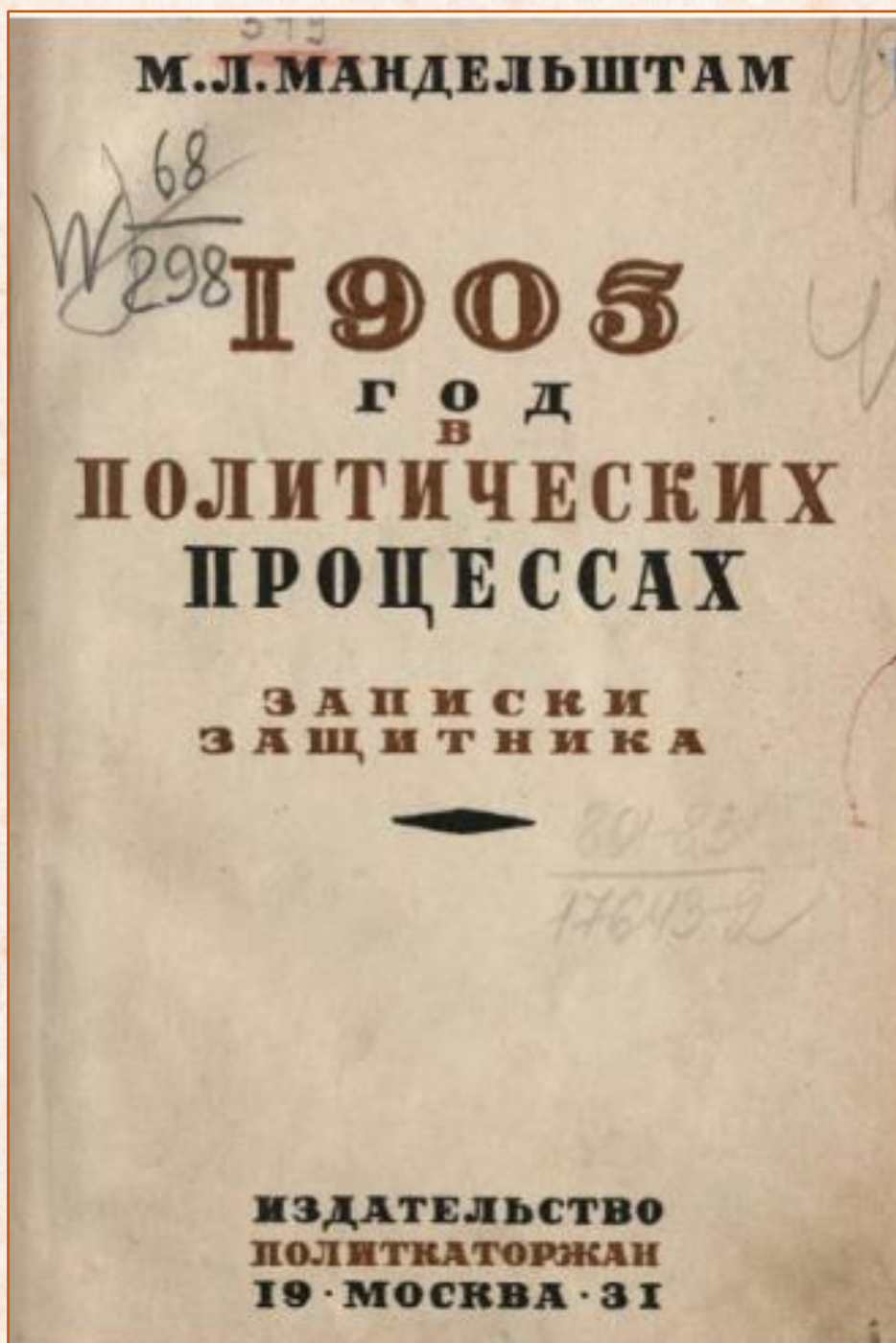
Как зафиксировано в протоколе заседания Парижской демократической группы партии Народной свободы за 23 марта 1922 года, Мандельштам М.Л. сначала сообщил собравшимся, что «в недалеком будущем предполагается съезд русских юристов, инициатива созыва которого из Берлина, ибо здешние юристы не могут взять на себя материальной и моральной ответственности за него, хотя в то же время и образовали подсобную группу по устройству его». А затем сделал доклад о правовых гарантиях, необходимых для восстановления хозяйственной жизни в России.

Судя по докладу, Михаил Львович довольно скептически относился к происходившему в стране советам, заключив, что новая экономическая политика есть, по его мнению, полу-социализм, то есть медленное экономическое умирание. И эта политика только затянет на некоторый короткий срок нынешнюю агонию, но не восстановит экономически Россию.

Как видно из данного примера, находясь в эмиграции во Франции, Мандельштам М.Л. внимательно следил за жизнью в молодой советской республике, и с течением времени начал ей симпатизировать. Будучи человеком активным и не привыкшим к роли стороннего наблюдателя, он стал главным инициатором учреждения «Юридическо-Экономического общества граждан

СССР во Франции», в котором после его создания был избран председателем; возглавлял юридическую консультацию при Рабочем Союзе, был членом советских общественных организаций при парижском полпредстве.

Живя во Франции, Мандельштам М.Л. активно сотрудничал с советским посольством, и с учетом этого обстоятельства ему было дано гражданство СССР. Знания и опыт Михаила Львовича как юриста были востребованы, в частности,

когда он участвовал во французском суде в одном из гражданских процессов в споре между Торгпредством СССР и французским акционерным обществом, где рассматривалось коммерческое дело. В этом разбирательстве Мандельштам фигурировал как официальный представитель Советского правительства.

Но не всё было благополучно в зарубежной жизни Мандельштама М.Л., и в своей книге «1905 год в политических процессах» он вспоминал: «Во время моего пребывания за границей эмиграция вела против меня бешеную кампанию, причем не стеснялась в приемах и печатала заведомую клевету... Они доходили до того, что обвиняли меня в продажности».

Видимо, такие условия, наряду с тоской по Родине и адвокатской профессии обусловили его дальнейшие действия и решения. Из книги Рогаткина А.А. «Очерки истории московской адвокатуры» (Москва, 2006) можно узнать, что еще 27 января 1924 года Мандельштам М.Л. обратился в Президиум Московской коллегии защитников с просьбой о зачислении, причем рекомендовал его бывший коллега по присяжной адвокатуре Малянтович П.Н. Однако на тот момент просьба Михаила Львовича удовлетворена не была.

Объясняя свое непростое состояние, мысли и намерения, Мандельштам рассказывал: *«Будучи за границей, я не соглашался с эмиграцией, которая видела только жертвы и не хотела замечать конечной их цели. ... Для меня было несомненно, что жизнь в СССР – суровая, тяжелая жизнь; но также было несомненно, что во время подлинной революции иной жизни и быть не может. Я счел своим долгом вернуться в СССР, чтобы здесь вместе с трудящимися массами участвовать в тех тяготах, как моральных, так и материальных, которые по необходимости накладывает на народ во время революции перевод стрелки всемирной истории».*

В 1927 году Михаил Львович возвратился в Советский Союз и вскоре был принят в Московскую губернскую коллегия защитников, где к тому времени уже состоял его родной брат Мандельштам Николай Львович. Протекцию Мандельштаму составили Крестинский Н.Н., занимавший высокие посты в Советской России (нарком финансов, полпред в Германии, заместитель министра иностранных дел), а также бывшие присяжные поверенные, поступившие на службу в воссозданную адвокатуру – Соколов Н.Д. и Малянтович П.Н., которые вместе с Муравьевым Н.К. были специально приглашены руководством органов юстиции, чтобы помочь сформировать новую корпорацию защитников.

В качестве ЧКЗ (члена коллегии защитников) Мандельштам М.Л. работал с различными советскими учреждениями и организациями, поскольку в период НЭПа был востребован его юридический опыт и владение иностранными

языками. При этом ему, как и ранее в присяжной адвокатуре, приходилось участвовать в судопроизводстве по уголовным делам.

Так, в 1929 году он принял поручение по делу, получившему известность под названием «Самосуд на станции Гривно». Из дошедших до наших дней ежедневных сводок о происшествиях уголовного характера, зарегистрированных по городу Москве и Московской губернии известно, что обстоятельства были таковы. 6 июня 1929 года в 18 часов 30 минут на станции Гривно Московско-Курской железной дороги стрелок НКПС (*Народный комиссариат путей сообщения*) выстрелом из винтовки убил рабочего Подольского механического завода Тюрина Михаила, пытавшегося бежать, так как он ехал без билета. Рабочие указанного завода и Климовского механического завода, разбив стекла и двери, несмотря на длительную попытку их удерживать силами отряда стрелков и милиции, ворвались на станцию и самосудно убили стрелка камнями.

Укажем также, что в своих воспоминаниях Мандельштам М.Л. упоминает своё участие в «процессе красных директоров», где с ним работал «товарищ по защите ЧКЗ Дружинин», с которым они ранее встречались в 1905 году.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что имел место случай, когда на основании частного определения суда в отношении Мандельштама М.Л. рассматривалось дисциплинарное дело в связи с его обвинением в неправильной политической оценке, данной им в защитительной речи. В своем постановлении, вынесенном 19 июля 1929 года, Президиум коллегии указал (*стилистика сохранена*): «Признавая, что защитник Мандельштам своим выступлением в процессе извратил политическую сущность, вместе с тем, его выступление нельзя признать, как выступление классового врага, а оно в значительной степени обусловлено слабой ориентировкой в общественно-политической обстановке, в силу его отсутствия в Советской России. Учитывая, что защитник Мандельштам в прошлом политический защитник, в 1919 г. организовал побег (от белой контрразведки) члена ВКП, которому грозила смертная казнь, а также и то, что он работал в пользу советской власти среди белой эмиграции – ограничиться запрещением выступать в судебных процессах в течение 6 месяцев».

Поскольку с возрастом здоровье начало подводить Мандельштама (в 1936 году ему исполнилось 70 лет), с учетом его заслуг перед советской властью, за его прежнюю революционную работу и за политические защиты, по представлению общества «Политкаторжан» ему была назначена персональная пенсия.

Между тем, в 1937 году органы НКВД сфальсифицировали дело о якобы существовавшей в недрах московской адвокатуры кадетско-меньшевистской антисоветской террористической организации, состоявшей из бывших присяжных поверенных и руководимой из-за границы экс-министром юстиции Временного правительства Маклаковым В.А. По версии следствия, в ней состояли Тагер А.С., братья Малянтовичи П.Н. и В.Н., Винавер А.М., Вормс А.Э., Муравьев Н.К. и ряд других адвокатов. По замыслу НКВД, которому нужно было найти и продемонстрировать иностранный след в таком деле, а заодно обосновать наличие в организации «кадетских» метастазов, одним из руководителей был Мандельштам М.Л., специально вернувшийся из Парижа для проведения шпионской работы и подготовки актов терроризма.

Хорошо ставшими впоследствии известными методами оперативники и следователи добились от арестованных показаний на Мандельштама М.Л. В сохранившихся протоколах допросов, включенных в книгу «Дела репрессированных московских адвокатов» (Москва, 2020), можно увидеть такие «откровения»:

Тагер А.С.: «Муравьев мне дал указание по приезде в Париж установить связь с Маклаковым и передать ему, что наша нелегальная организация продолжает благополучно существовать и что во главе ее остались: Муравьев, Малянтович и Мандельштам. И, как я уже показал ранее, выяснить отношение различных французских политических группировок к процессам, происходящим внутри СССР, а также на какие из них (группировок) можно рассчитывать в смысле получения помощи в борьбе с большевистской диктатурой».

Вавин Н.Г.: «Малянтович мне сообщил, что Мандельштам направлен сюда заграничной организацией российских меньшевиков с целью держать их в курсе того, что происходило в Советском Союзе».

Малянтович В.Н.:

«Вопрос: Расскажите следствию, кто из участников вашей антисоветской организации вам известен?

Ответ: Мне известны как участники названной организации следующие лица: П.Н. Малянтович, Н.К. Муравьев, Б.М. Овчинников, М.Л. Мандельштам, В.П. Денике, А.М. Долматовский, А.С. Тагер, А.М. Винавер, М.А. Рязанский, Сапгир (имя и отчество не помню), Пятецкий, Шапиро Лев Григорьевич, членов коллегии защитников и других лиц постараюсь припомнить в дальнейшем в процессе хода следствия».

Какие показания по этому делу давал сам Мандельштам М.Л., неизвестно. Он был арестован 9 июня 1938 года.

В итоге, по некоторым данным, по меньшей мере 70 человек были осуждены по делу о «контрреволюционной антисоветской организации в МКЗ». Большинство из них расстреляно.

Получив информацию из «карающего органа революции», Президиум Московской городской коллегии защитников на своем заседании 19 февраля 1939 года исключил из московской коллегии ЧКЗ Мандельштама М.Л. «ввиду ареста органами НКВД».

Он скончался в Бутырской тюрьме 5 февраля 1939 года в возрасте 73 лет, по официальной версии - от порока сердца.

Уже в наши дни, в рамках программы по реабилитации жертв политических репрессий, Прокуратура СССР 18 июня 1990 года уголовное дело в отношении Мандельштама Михаила Львовича прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления.

Овчинников Борис Михайлович

родился 4 августа 1885 года.

Основные вехи его биографии освещены в подготовленной исследователем и журналистом Шабельниковым Д.Б. книге «Дела репрессированных московских адвокатов», вышедшей в Москве в 2020 году, откуда мы и позаимствуем их с некоторыми сокращениями, снабдив по необходимости своими комментариями.

Отец героя нашего очерка, Михаил Михайлович Овчинников, был наставником математики и физики Вольской учительской семинарии в Саратовской губернии и умер через год после рождения сына от тяжелой болезни в возрасте 34 лет.

Борис Михайлович родился в уездном городе Сарапуле (тогда Вятской губернии, сейчас это Удмуртия), но гимназию окончил в Астрахани в 1903 году, поступив в том же году на юридический факультет Императорского Московского университета.

Уже в 1906-м он входит в студенческую фракцию недавно созданной Партии народной свободы. В 1909 году Овчинников, окончив университет, становится помощником присяжного поверенного — нам это известно благодаря сохранившимся в архиве Московского охранного отделения документам, согласно которым в августе 1909 года у Овчинникова был произведен обыск, а сам он несколько месяцев провел под стражей (без дальнейших последствий).

Новоиспеченный адвокат Овчинников сразу же окунается в «политическую защиту». Самым известным его дореволюционным процессом стал суд по обвинению Михаила Фрунзе, энергичного большевистского организатора и ровесника Овчинникова, в революционной деятельности и покушении на убийство полицейского. Десятилетие спустя результатом этого знакомства стала охранный грамота (в буквальном смысле, хотя назывался этот документ «аттестацией»), на время оградившая бывшего кадета Овчинникова от потенциальных репрессий со стороны советской власти.

Комментарий: В нескольких судебных процессах над Фрунзе его защищали состоящие в списках округа Московской судебной палаты москвичи — помощник присяжного поверенного Овчинников Борис Михайлович, присяжный поверенный Якулов Яков Богданович, а также присяжный поверенный Эрн

Александр Александрович из Владимира. Известный адвокат Муравьев Н.К. писал: "Якулов стал одним из адвокатов, которые, по меткому адвокатскому выражению, не выходили из фрака, защищая почти ежедневно. Он один из немногих адвокатов, кто на своих плечах вынес всю тяжесть реакции 1907-10 гг., занимаясь политической защитой. Следует особо отметить героическую борьбу Якулова за жизнь Фрунзе, дело которого пришло к Якулову уже с вынесенным смертным приговором. Два года продолжалась эта борьба, и наш коллега победил".

Правда, существует и иная точка зрения - основная заслуга в итоговой замене Фрунзе смертной казни на каторжные работы принадлежит Эрну А.А., который для этого воспользовался своими полезными знакомствами.

По иронии судьбы уже в 1918 году Эрн как активист кадетской партии был арестован новыми советскими властями, но затем по причине личного заступничества Фрунзе не только освобожден, но и взят на ответственную работу окружным юрисконсультom Ярославского и Харьковского военных округов, затем начальником следственного отдела штаба, позже консультантом Народного комиссариата юстиции УССР.

Однако уже после смерти Фрунзе, 17 сентября 1930 года Эрн был арестован по ложному обвинению в финансировании контрреволюционной белогвардейской организации «Спасение Родины и революции» и участия в ней. А затем решением «тройки» при полномочном представительстве ОГПУ по Ивановской промышленной области от 19 октября 1930 года приговорен к расстрелу, который, с учетом прежних заслуг Эрна А.А., заменен на 10 лет лишения свободы.

17 июня 1931 года бывший присяжный поверенный Эрн А.А. – защитник знаменитого революционера Фрунзе - скончался в Соловецком лагере особого назначения.

Вернемся теперь к биографии Овчинникова, подчеркнув при этом, что его работу по делу Фрунзе никто не отрицает, хотя он и был на вторых ролях по сравнению с более взрослыми и опытными коллегами.

В 1912 году Овчинников становится присяжным поверенным. К 1916 году под его началом работает трое помощников. О каких-то еще известных процессах с его участием информации обнаружить не удалось. Политику Овчинников тоже не забывает: в показаниях он упоминает о своих выступлениях в «предвыборной кампании в государственную думу второго и третьего созывов». После Февральской революции, в мае 1917 года, Борис Михайлович

был избран одним из 65 членов ЦК Партии народной свободы, а в июне стал гласным Московской городской думы от той же партии.

О дальнейших событиях не известно ничего — кроме того, что в какой-то момент семья Овчинниковых (две дочери, Ирина и Инна, родились в 1911 и 1914 годах) оказывается в Крыму. Логично предположить, что они уехали из Москвы на юг сразу после октября 1917 года или позже — до некоторого времени это было вполне возможно. Большевики под командованием все того же Фрунзе заняли Крым в ноябре 1920 года, а в мае 1921-го, когда ужасающий красный террор там почти закончился, Фрунзе выдает Овчинникову свою «аттестацию». Это, вероятно, помогло Овчинникову найти в Крыму работу — как пишет в своем письме Маленкову вдова Бориса Михайловича, семья оставалась в Ялте и Симферополе до 1930 года в связи с плохим состоянием ее здоровья, а Овчинников сначала работал нотариусом, а затем вступил в коллегия защитников Крымской АССР.

Комментарий: Здесь мы можем сделать некоторые уточнения, опираясь на сведения, включенные в хранящийся в архиве «Трудовой список» (прообраз трудовых книжек) на основании представленных самим Овчинниковым документов.

В «Списке» отмечено, что по окончании университета в 1908 году и по 1920 год включительно Борис Михайлович «занимался адвокатурой», причем в царское время был «политическим защитником». Дата начала работы адвокатом указана как 28 мая 1908 года.

1 января 1921 года Овчинников назначен правозащитником при Народном Суде Алупки. В связи с упразднением коллегии правозащитников 24 февраля 1921 года принят заведующим Консультационным Бюро с исполнением обязанностей юрисконсульта Алупкинскому Ревкома, после чего 16 ноября 1921 года переведен на должность обвинителя по городу Ялте и уезду.

С 19 февраля 1922 года зачислен в Ялтинскую коллегия защитников, но уже 23 февраля 1922 года назначен народным нотариусом 2-ой Нотариальной конторы города Ялты. 26 февраля 1925 года поступил в Крымскую коллегия защитников, в связи с чем был освобожден от должности нотариуса.

7 августа 1929 года по собственному желанию выбыл из Крымской коллегии защитников и затем с 16 августа 1929 года был прикреплен к Бюро жалоб Рабоче-Крестьянской инспекции Крыма для участия в расследованиях и подготовки юридических заключений. 13 декабря 1929 года Народным комиссариатом торговли СССР назначен юрисконсультом и ответственным секретарем Дирекции НИИ Молочной торговли и промышленности. 30 ноября 1930 года был освобожден от занимаемой должности по сокращению штата.

28 мая 1931 года назначен консультантом по правовым вопросам в Государственном Малом театре в городе Москве.

Из приведенного перечня мест работ Овчинникова следует, что упомянутую выше «охранную грамоту» он получил от Фрунзе М.В. в период, когда трудился на посту юрисконсульта Революционного комитета в г. Алушке. Содержание этого документа таково:

Р.С.Ф.С.Р.

Командующий всеми
вооруженными сила-
ми на Украине
6 мая 1921 года
№ 1066
г. Харьков

Адрес для телеграмм:
"Командвойскуп".

Копия. 72

АТТЕСТАЦИЯ.

Дана сия тов. ОВЧИННИКОВУ в том, что зная его поч-
ти в продолжении 12 лет на поприще юриста - адвоката, с
успехом защищавшего в политических процессах обвиняемых,
царским правительством, в том числе и меня, - считаю, что
наибольшую пользу тов. Овчинников может принести Респуб-
лике лишь при использовании его труда по специальности, а
поэтому всем военным и гражданским учреждениям предлага-
ется бережное отношение к личности тов. Овчинникова и ни-
каких репрессий и принудительных выселений и работ по от-
ношению к нему не предпринимать.

(Печать.)

Командующий всеми
вооруженными силами Украины
и Крыма и уполномоченный
РСФСР

(Подписал) - М. Фрунзе.

Копия снята для представления во ВЦИК.

Осенью 1929 года Овчинниковы переезжают в Москву, и, по-видимому, с 1930 или 1931 года Борис Михайлович числится членом МКЗ. О каких-то крупных процессах с его участием опять же неизвестно. Как видно из материалов дела, одно время Овчинников работал в Народном комиссариате внутренней торговли, а приблизительно с 1933 года — юристом в Государственном академическом малом театре.

Есть основания предполагать, что Овчинников тесно общался с кругом «старой» адвокатуры (бывшими «общественниками», многих из которых он знал еще до 1917 года).

Комментарий: Попытки попасть в московскую адвокатуру Борис Михайлович стал предпринимать, проработав некоторое время юрисконсультom в столичном Государственном Малом театре. Сохранились

соответствующие ходатайства руководства театра, адресованные в президиум городской коллегии, датированные осенью 1932 года.

Заявление о приеме он подал 17 июля 1933 года. Среди рекомендовавших Овчинникова Б.М. для зачисления в Московскую коллегию защитников был известный адвокат Коммодов Н.В., указавший, что знает Овчинникова в течение 20 лет. «Его высокая квалификация знания и природные способности ставят его в ряды лучших представителей старой адвокатуры. Всемерно рекомендую и в профессиональном, и моральном смысле, и прошу принять его в члены Коллегии».

Борис Михайлович заручился и поддержкой матери умершего в 1925 году Фрунзе – Мавры Ефимовны Фрунзе. Ниже приводится её обращение на имя председателя Президиума Московской коллегии защитников Брука С.П.:

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МОСКОВСКОЙ КОЛЛЕГИИ ЗАЩИТНИКОВ
тов. Бруку.

Уважаемый товарищ,

Переехавший в Москву из Крыма тов. Овчинников Б. М. просит о зачислении его в Московскую Коллегию Защитников, которой Вы руководите. Зная Бориса Михайловича лично и как защитника моего покойного сына, и зная отзывы сына о личности Б.М. Овчинникова и о его работе, я со своей стороны хотела бы поддержать просьбу тов. Овчинникова.

Считаю, что его опыт и знания будут полезны и здесь, в Москве в работе по специальности.

М.Фрунзе.

М.Е.Фрунзе
5-й Дом Советов, кв.99

В анкете поступающего в члены Коллегии защитников Московской области, составленной в июле 1933 года, Борис Михайлович указал, что он с 17-летнего возраста живет исключительно на личный заработок, до революции постоянно участвовал в политических защитах в царских судах, по состоянию здоровья от службы в армии был освобожден. До 1917 годы был кадетом, но «после Октябрьской революции порвал», затем «бессменно стоит на советской

Овчинников Б.М.

платформе». Проверку (чистку) прошел без взысканий или ограничений в Коллегии защитников в Крыму. В мае 1933 года прошел регистрацию юрисконсультов при Московской прокуратуре.

В личном деле Овчинникова Б.М. имеется записка, датированная 22 августа 1933 года, где указано, что он являлся «защитником М.В. Фрунзе, имеющий его аттестацию и ряд рекомендаций, очень желателен в МОКЗ».

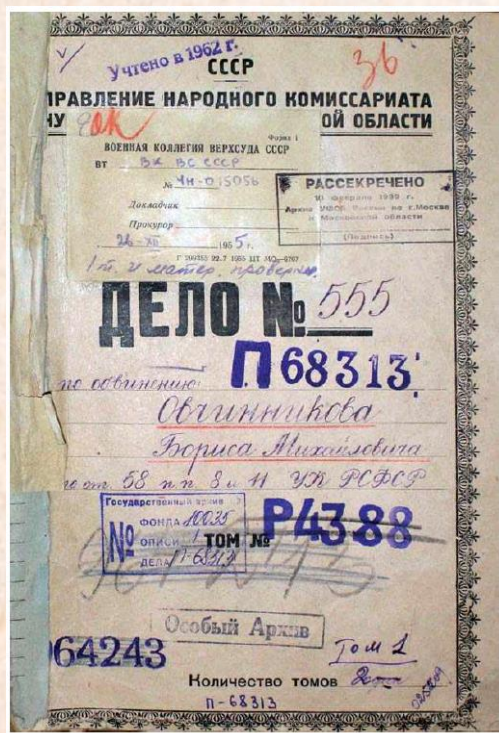
В результате, согласно протоколу заседания Рабочего Президиума Московской областной коллегии защитников от 25 декабря 1933 года, Овчинников Б.М. был зачислен как лицо, имеющее стаж юридической работы 25 лет и положительные отзывы.

Надо ли говорить, что как опытный юрист, Борис Михайлович был весьма востребован, о чем свидетельствуют регулярные отчеты о его заработках, разрешение президиума заняться частной практикой, отчетные ведомости о проделанной работе. Так, за период I-IV кварталы 1937 года он дал 29 консультаций, провел 26 уголовных и 2 жилищных дела, в подавляющем большинстве по соглашениям.

Но, поскольку в недрах НКВД уже раскручивалось дело об антисоветской эсеровско-меньшевистской террористической организации, якобы возникшей в недрах городской коллегии защитников, 21 марта 1938 года Овчинников Б.М. был арестован.

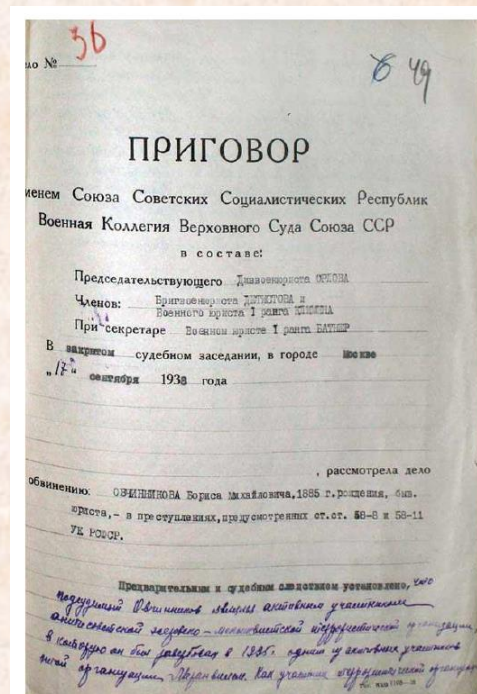
В личном деле адвоката хранится заявление от 25 марта 1938 года жены Овчинникова Ольги в Президиум МГКЗ, где она пишет, что ее муж был арестован, в связи с чем она просит выдать ей из его личного дела два документа: аттестацию, подписанную М.В. Фрунзе и личную рекомендацию в коллегию от его матери: «Означенные документы необходимы мне для возбуждения ходатайства о его реабилитации». Оригиналы документов были выданы, но в тот же день 25 марта 1938 года Решением Президиума Овчинников Б.М. вместе с еще семью адвокатами был отчислен из членов Коллегии «как выбывший из состава МГКЗ».

Далее вновь предоставим слово автору книги «Дела репрессированных московских адвокатов», хорошо знакомому с документами из уголовного дела Бориса Михайловича.

Вряд ли возможно с точностью установить, чем был вызван арест конкретно Овчинникова, учитывая, что в феврале-марте 1938 года Управлением НКВД по Московской области были арестованы более 50 членов МКЗ. Арест Овчинникова был санкционирован 17 марта; до него, в конце февраля, были арестованы и допрошены Сапгир и Меранвиль; оба они упоминают Овчинникова в числе участников «эсеровско-меньшевистской контрреволюционной организации». Немного позднее, когда уже следственное управление НКВД СССР занялось разработкой самых известных «старых» адвокатов (арестованного еще в ноябре 1937 года Малянтовича, Мандельштама, Долматовского, Тагера и других),

организация превращается в «кадетско-меньшевистскую», где руководителями «кадетского» направления были назначены Мандельштам и Овчинников — других известных бывших кадетов в МКЗ просто не нашлось. О ходе следствия и суда читатель может составить представление самостоятельно. Отметим лишь, что, если судить по протоколам допросов и очных ставок, Борис Михайлович «признался» во всем, чего хотело от него следствие, на первом же допросе 25 марта, через 4 дня после ареста, отказавшись от всех своих показаний только в суде, 17 сентября. На Военную коллегию Верховного Суда СССР это не произвело никакого впечатления (в подавляющем большинстве случаев это вообще не играло никакой роли), и Овчинников был расстрелян в тот же день.

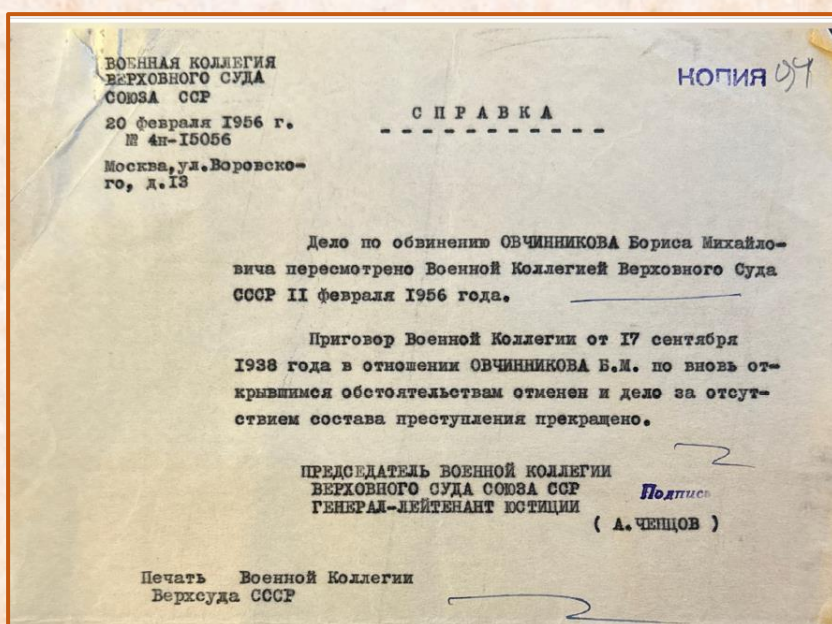

В письме на имя Маленкова, написанном в 1954 году, вдова Бориса Михайловича (которая не знает точно, но явно догадывается о его гибели) пишет, что «следователи НКВД — садисты избивали этого пожилого, почтенного и уважаемого человека, вынуждая у него признание, и он, совершенно замученный пытками и видя всю безвыходность своего положения, подписал показания,

Овчинников Б.М.

давая их умышленно как можно неправдоподобнее и, как он объяснял своим товарищам по камере, надеясь, что в конце концов, проверяя его дело, легко можно будет убедиться в полной их фантастичности и выдуманности, как и большинство дел того времени». Невозможно проверить подлинность этих сведений (сообщенных О.А. Овчинниковой, судя по всему, одним из выживших сокамерников мужа), но, судя по верности информации относительно обвинения Овчинникова в подготовке покушения на Микояна, они, скорее всего, соответствуют действительности.

Следует отметить добросовестную работу Главной военной прокуратуры, которая за пять месяцев после получения обращения Овчинниковой провела расследование по делу, запросила архивную информацию, опросила коллег Бориса Михайловича и пришла к заключению о его невиновности. Это подтвердила и все та же Военная коллегия Верховного Суда, отменив в феврале 1956 года приговор и прекратив дело за отсутствием Овчинникова состава преступления.

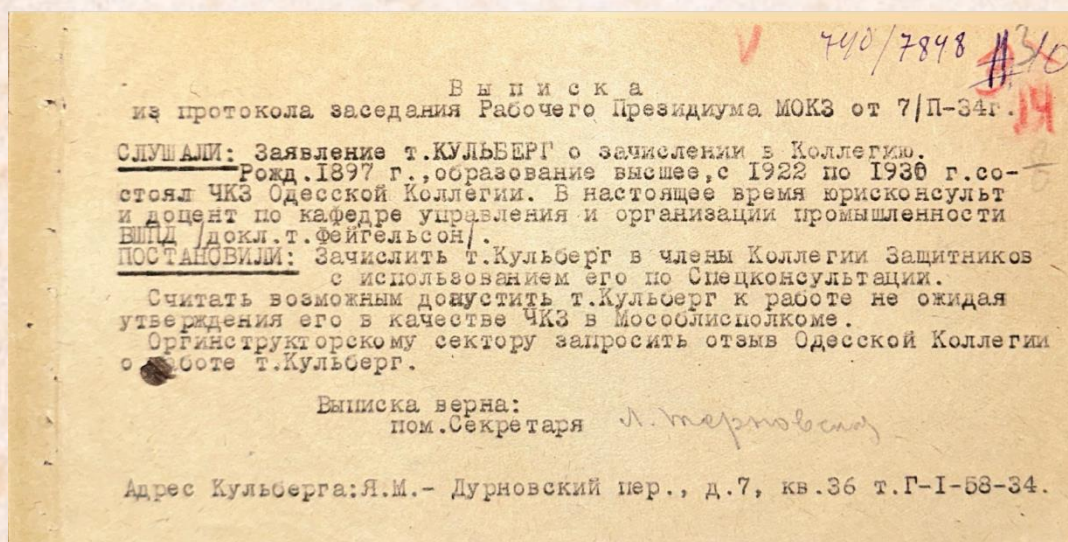
Кульберг Яков Моисеевич родился 13 мая 1897 года в городе Одессе в семье бухгалтера. В 1917 году окончил гимназию, а затем, в 1922 году, Одесский юридический институт. При этом в июне 1923 года 26-летний Яков «подвергался испытаниям в квалификационной комиссии и защищал квалификационную работу: «Несменяемость судей», что подтверждено удостоверением, выданным Правлением Одесского института народного хозяйства».

Кроме того, с 1929 по 1931 годы Кульберг экстерном учился в Промышленном институте, где в дополнение к профессии юриста получил специальность «экономист».

В 1918 году работал юрисконсульт в Отделе военных заготовок ВСНХ. В период с 1921 по 1922 годы служил добровольцем в Красной Армии. С 1922 по 1930 годы являлся членом Одесской коллегии защитников. С 1931 по 1934 годы трудился доцентом по кафедре управления и организации промышленности в Высшей школе профдвижения в Москве. После чего перешел на должность старшего консультанта в Госарбитраж при СНК СССР.

В своей анкете за 1 февраля 1934 года члена Коллегии защитников Московской области Яков Моисеевич указал, что он владеет французским и английскими языками, имеет научные работы, а также, что в 1929 и в 1930 гг. «благоприятно» прошел чистки во время проживания и работы в городе Одессе.

С 1934 по 1941 годы Кульберг Я.М. состоял в Московской коллегии адвокатов.

Кульберг Я.М.

Следует отметить, что в практической работе у Якова Моисеевича не все проходило гладко. В его личном деле имеется выписка из протокола заседания Президиума МГКА от 25 декабря 1940 года с изложением «Доклада об итогах обследования качества работы адвоката Кульберга». По сообщению докладчика, у Кульберга Я.М. были выявлены нарушения в части хранения досье по проведенным делам, их неполнота, некоторые нарушения финансовой дисциплины, а также не всегда правильная оценка ситуации по делам, находившимся в производстве адвоката. По мнению докладчика, «такое положение позволяет сделать вывод об элементах халтуры в деятельности т. Кульберга». Кроме того, имел место конфликт между адвокатом Кульбергом и заведующим консультации Горбулёвым. После того, как Яков Моисеевич дал свои пояснения по поводу предъявленных претензий, состоялись прения, в которых обсуждался вопрос об исключении Кульберга Я.М. из рядов коллегии.

Однако за него вступились авторитетные адвокаты. Коммодов Н.В. заявил, что знает Кульберга Я.М. в течение 15 лет, и его деятельность известна с положительной стороны, а сам он является квалифицированным и культурным адвокатом. С этой точкой зрения согласился и Брауде И.Д., указав, что Кульберга Я.М. из коллегии исключать нельзя, учитывая его высокую квалификацию.

В результате Президиум, признав ряд нарушений в работе Кульберга Я.М., отстранил его от адвокатской деятельности сроком на 3 месяца. Но по указанию Народного комиссара юстиции РСФСР Горшенина решение Президиума МГКА было изменено, срок отстранения от работы установлен в 1,5 месяца, в связи с чем Кульберг Я.М. был допущен к выполнению обязанностей адвоката уже с 7 февраля 1941 года в юридической консультации № 2 города Москвы.

В связи с началом Великой Отечественной войны Яков Моисеевич был эвакуирован из Москвы, но здесь произошло досадное недоразумение. Из юридической консультации № 2 в Президиум МГКА 29 августа 1941 года поступил «Список неработающих адвокатов» с пометкой напротив фамилии Кульберг Я.М., что тот выбыл с первых чисел июля «неизвестно куда». На документе стоит резолюция «Исключить из состава МГКА как самовольно оставивших работу...».

Между тем, отправленный вместе с семьей в эвакуацию Кульберг Я.М. уже 5 августа 1941 года был принят в Саратовскую областную коллегия адвокатов и направлен в юридическую консультацию Волжского района. Затем с октября 1941 года пребывал в Таджикской ССР, однако здесь поступить в местную адвокатуру ему сразу не удалось, и только после вмешательства Наркомата юстиции он был принят членом Ленинабадской областной коллегии адвокатов,

где проработал с 30 мая по 25 июня 1942 года, после чего был отозван для работы в Москву.

По приезду в столицу, Яков Моисеевич сразу же обратился в Московскую городскую коллегия адвокатов с заявлением о необходимости изменения ошибочной формулировки о якобы самовольном оставлении им юридической консультации в 1941 году, что и было сделано.

Тем не менее, с момента прибытия из эвакуации в Москву до мая 1944 года Кульберг Я.М. работал начальником юридического отдела на закрытом заводе Народного комиссариата авиационной промышленности СССР.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

Москва, почт. ящ. № 299 ЗАВОД № 45 Расчет. счет № 113001 Московск. отделение Госбанка

Ваш индекс Дата 23. V. 44 Наш индекс // Дата 23. V. 44

Председателю Оргбюро Московской коллегии Адвокатов тов. ГОРБУНОВУ Я.С.

Завод № 45 НКАП просит Вас восстановить т. Кульберга Я.М. в Московской коллегии адвокатов с сохранением за т. Кульбергом юридического обслуживания завода.

ЗАМ. ДИРЕКТОРА ЗАВОДА ПОТРУДУ

В.З. 2/экз 23/V. 44г.

3Т-123 Ф.1-11

По заявлению Кульберга Я.М. от 24 мая 1944 года он был восстановлен в членах МГКА.

Чуть ранее, Яков Моисеевич 12 ноября 1943 года защитил в Институте права Академии наук СССР кандидатскую диссертацию на тему «Юридическое значение мотива преступления». Только в период 1943 - 1952 гг. Кульбергом Я.М., как явно тяготеющим к науке, были сделаны обстоятельные доклады, в том числена таком высоком уровне как Институт права Академии наук СССР, на темы «О пределах исследования личности в уголовном процессе», «Учение о мотиве преступления», «Учение о причинной связи в уголовном праве»,

Кульберг Я.М.

«Позиция адвоката в советском уголовном процессе», «Учение о соучастии в советском уголовном праве», «К вопросу о разграничении преступления и дисциплинарной ответственности». В числе опубликованных научных работ Якова Моисеевича статьи «Арбитражный процесс» (журнал «Арбитраж», 1935), «О судебном следствии» (журнал «Социалистическая законность», 1938), «О ревизионном пересмотре приговоров» («Вестник Советской юстиции», 1939), «О признании обвиняемого» (журнал «Социалистическая законность», 1942).

Кроме того, им была подготовлена брошюра «О правах обвиняемого в уголовном процессе» (1950) и работа «Проблемы уголовной ответственности юридических лиц» (1952).

В 1948 году Кульберг возглавил секцию уголовного права и процесса МГКА.

В характеристике от 11 июня 1947 года о Якове Моисеевиче сказано, что он является адвокатом высокой квалификации, всесторонне образован, имеет научные работы. Ведет исключительно уголовные дела, принимал участие в больших процессах. Много работает над собой. Судебные выступления высокого качества. Отлично владеет словом.

В характеристике от 12 июня 1950 года о Якове Моисеевиче говорится, что он имеет глубокие теоретические познания и большой опыт уголовной защиты. Одновременно с адвокатской деятельностью ведет педагогическую и научную работу в области уголовного права и процесса. К работе относится весьма добросовестно, энергичен, трудолюбив, дисциплинирован. Принимает деятельное участие в работе по пропаганде советского права и по повышению теоретического уровня адвокатов консультации.

Кульберг Я.М. принимал активное участие в работе научного студенческого кружка юридического факультета МГУ по изучению культуры судебной речи наряду с такими известными адвокатами как Казначеев С.К., Яхнич Л.М., Ветвинский Л.А. Проводил занятия на Высших курсах усовершенствования адвокатов, по результатам которых было отмечено высокое качество прочитанных им лекций.

О рабочей нагрузке Кульберга Я.М. говорят цифры, приведенные в очередной его характеристике от 29 января 1953 года: за 1952 год им проведено уголовных дел по первой инстанции – 36, уголовных дел по второй инстанции – 32, гражданских дел по первой инстанции – 2.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года Кульберг Я.М. был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; в 1948 году был награжден медалью «В память 800-летия Москвы».

Кульберг Я.М.

По итогам проведения теоретической конференции молодых адвокатов и стажеров Президиумом МГКА 6 января 1950 года была объявлена благодарность организаторам указанной конференции, включая Кульберга Я.М.

Юридическая консультация № 1 Свердловского района и Президиум МГКА торжественно отметили 70-летие со дня рождения Якова Моисеевича, отмечавшееся в мае 1967 года, в связи с чем ему была объявлена благодарность за долготелную работу в коллегии и вручен ценный подарок.

Вскоре после этого, 16 июня 1967 года Якова Моисеевича не стало.

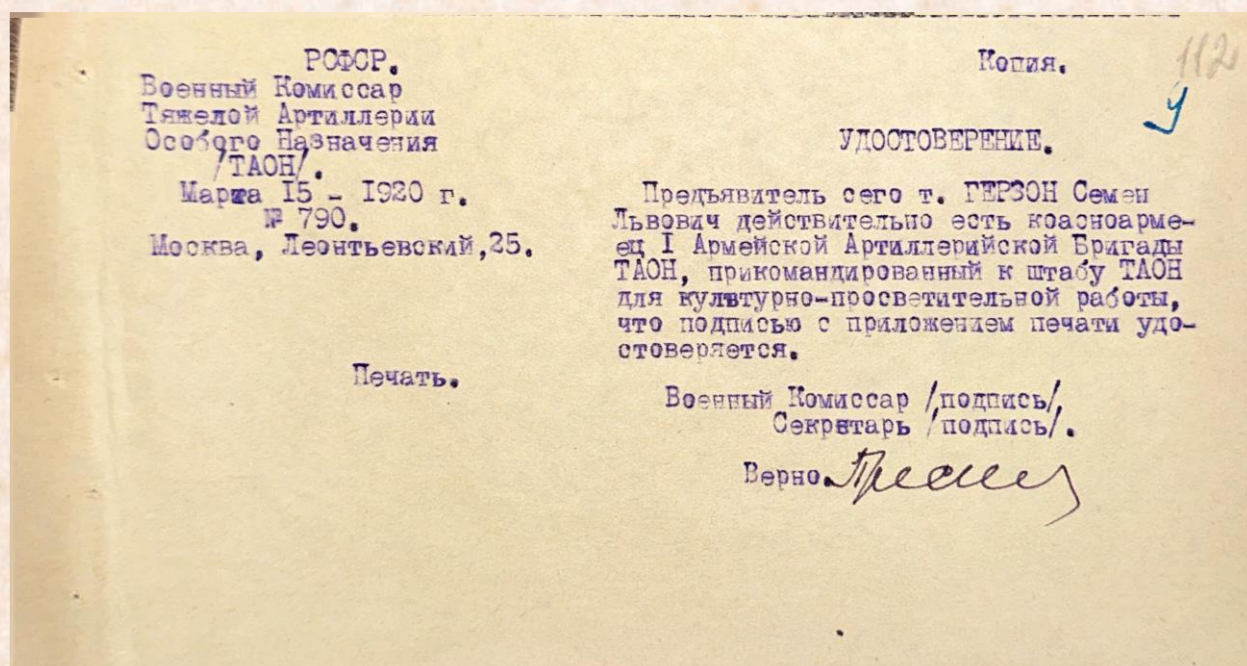
Кульберг Я.М.

Герзон Семен Львович родился 4 октября 1893 года в городе Одессе. Отец, по профессии химик, служил инженером на мыловаренных и парфюмерных фабриках, мать – домашняя хозяйка.

В 1904 году с семьей переехал в Москву. В 1912 году окончил 6-ю Московскую Гимназию. В том же году получил музыкальное образование в Московском Филармоническом училище, в связи с чем имел регулярный заработок как артист оркестра. В сентябре 1917 года окончил юридический факультет Московского университета, после чего был принят в качестве помощника присяжного поверенного в адвокатуру. В разной степени владел французским, немецким и английским языками.

После Октябрьской революции около года работал консультантом организации «Центротекстиль», а затем с 1919 по 1921 годы служил в Красной Армии – первоначально в Отряде Особого назначения при Военкоме г. Москвы, а затем при Штабе Тяжелой Артиллерии особого назначения. В последнем случае привлекался для военной юридической работы, поскольку при Штабе был военный трибунал.

В 1921 году демобилизовался и работал артистом оркестра в ряде московских театров. В феврале 1923 года подал документы для принятия в члены Московской Губернской Коллегии Защитников, и после положительного решения вопроса был направлен для работы в Подольский уезд.

Будучи членом Коллегии защитников, по совместительству работал в 1926-1928 гг. юрисконсультom в различных учреждениях.

В московской городской коллегии был ученым секретарем, заместителем Председателя, а с 1924 года – Председателем Цивилистической секции МГКА. Активно занимался теорией гражданского права и процесса. В период 1944-1947 гг. им были в соавторстве написаны такие книги как «Наследование и нотариат», «Адвокат в судебном заседании по гражданскому делу», «Обжалование и пересмотр решений по гражданским делам». Уже в 1923 году в журнале «Еженедельник советской юстиции» № 14 вышел подготовленный Семеном Герзоном обзор советского законодательства за время с 26 марта по 7 апреля 1923 года.

Как весьма подготовленный правовед регулярно читал лекции на курсах усовершенствования адвокатов.

В характеристике от 3 июля 1949 года Семен Львович указан как крупный специалист в области гражданского права, автор ряда печатных трудов; он ведет активную консультационную работу и большое количество судебных дел.

Награжден медалью «За оборону Москвы» (20.06.1943), «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны» (20.09.1946), медалью «В память 800-летия Москвы» (27.09.1948).

В связи с празднованием 40-летия Октябрьской Социалистической революции Президиум МГКА 14 октября 1957 года утвердил список старейших столичных адвокатов для представления в министерство юстиции на предмет награждения правительственными наградами. В их числе Герзон С.Л. – член МГКА с 1923 года.

В характеристике, выданной руководством юридической консультации № 1 Свердловского района г. Москвы 1 июля 1961 года, говорится, что Герзон С.Л. является юристом высокой квалификации, хорошо знающим все отрасли

Герзон С.Л.

советского права, работу осуществляет главным образом по гражданским делам, представительство по которым в судебных инстанциях проводит на высоком уровне. Практика консультационной работы Герзона С.Л. популяризируется среди адвокатов как образцовая. Он состоит членом подкомиссии Комиссии законодательных предположений Совета Союзов и Совета национальностей Верховного Совета СССР по выработке проекта Основ гражданского судопроизводства СССР. Здесь же отмечено: «Знание иностранных языков и знакомство с литературой по международному праву т. Герзон использует для пропаганды советского права за рубежом».

В мае 1962 года Семен Львович написал заявление в Президиум МГКА об отчислении его из состава коллегии с 1 июня в связи с уходом на пенсию, после чего ему была объявлена благодарность за многолетнюю безупречную профессиональную и общественную работу с выдачей денежного пособия.

Казначеев Сергей Константинович

родился 8 августа 1895 года в городе Москве.

В 1912 году окончил реальное училище. С 1916 по 1918 годы служил в армии в чине подпоручика, воевал на Западном фронте в 57-м Сибирском стрелковом полку; с 1918 по 1922 годы был следователем Юридического отдела Штаба Московского военного округа в Рабочей Крестьянской Красной Армии (РККА). Демобилизован в 1922 году.

В 1919 году окончил Московский институт Народного хозяйства им. Карла Маркса по специальности «юрист» и с 9 февраля 1923 года работал в Московской губернской коллегии защитников.

Начиная с 1933 года неоднократно избирался в Президиум МГКА, где возглавлял секции уголовного права и процесса, гражданского права и процесса, секции культуры речи и литературы. В его характеристике от 4 июня 1952 года указано, что за время его руководства этой работой посещаемость секции адвокатами МГКА значительно увеличилась.

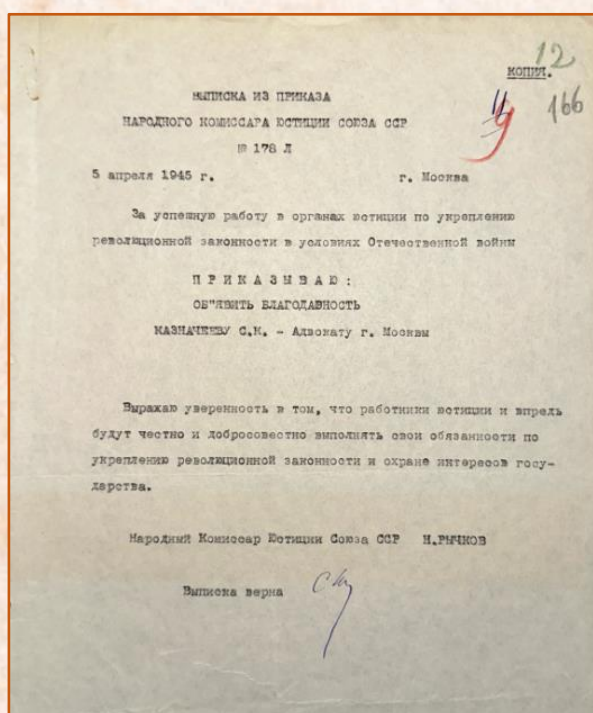
Кроме того, Казначеев участвовал в работе подкомиссии по разработке Уголовно-процессуального кодекса при Комиссии законодательных предположений Верховного Совета Союза СССР.

На протяжении многих лет, начиная с 1927 года, выступал в качестве защитника на крупнейших судебных процессах, широко освещавшихся в прессе. В октябре 1947 года был командирован в Берлин для участия в суде над нацистскими преступниками из концлагеря «Заксенхаузен».

В характеристике Казначеева С.К., составленной руководством Центральной юридической консультации МГКА, отмечалось, что он является одним из ведущих и известных адвокатов высокой квалификации, большим мастером в ведении защиты по уголовным делам; положительные черты работы Казначеева – результат большой и упорной подготовки к каждому делу. Она дает ему возможность быть активным участником в деле с самого начала процесса и отстаивать с большой принципиальностью ту защитительную позицию, которую он признает правильной. Проведение им судебного следствия характеризуется продуманностью и целеустремленностью допроса, краткостью и ясностью вопросов, корректностью в отношении допрашиваемого. При этом Казначеев чрезвычайно экономно пользуется защитительными средствами, избегая

Казначеев С.К.

лишних вопросов и слов. Судебные речи Казначеева литературны, обоснованы, доходчивы. Статьи Сергея Константиновича по различным вопросам, связанным с адвокатской деятельностью, печатались в журналах «Социалистическая законность» и «Советская юстиция». Неоднократно он делал доклады на кафедре уголовного процесса Московского государственного университета. Принимал активное участие в работе научного студенческого кружка по изучению культуры судебной речи юридического факультета МГУ.

За свою работу Казначеев С.К. награждался медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «В память 800-летия Москвы». Приказом Наркома юстиции СССР от 05.04.1945 года №178 Казначееву С.К. была объявлена Благодарность за успешную работу в органах юстиции по укреплению революционной законности в условиях Отечественной войны.

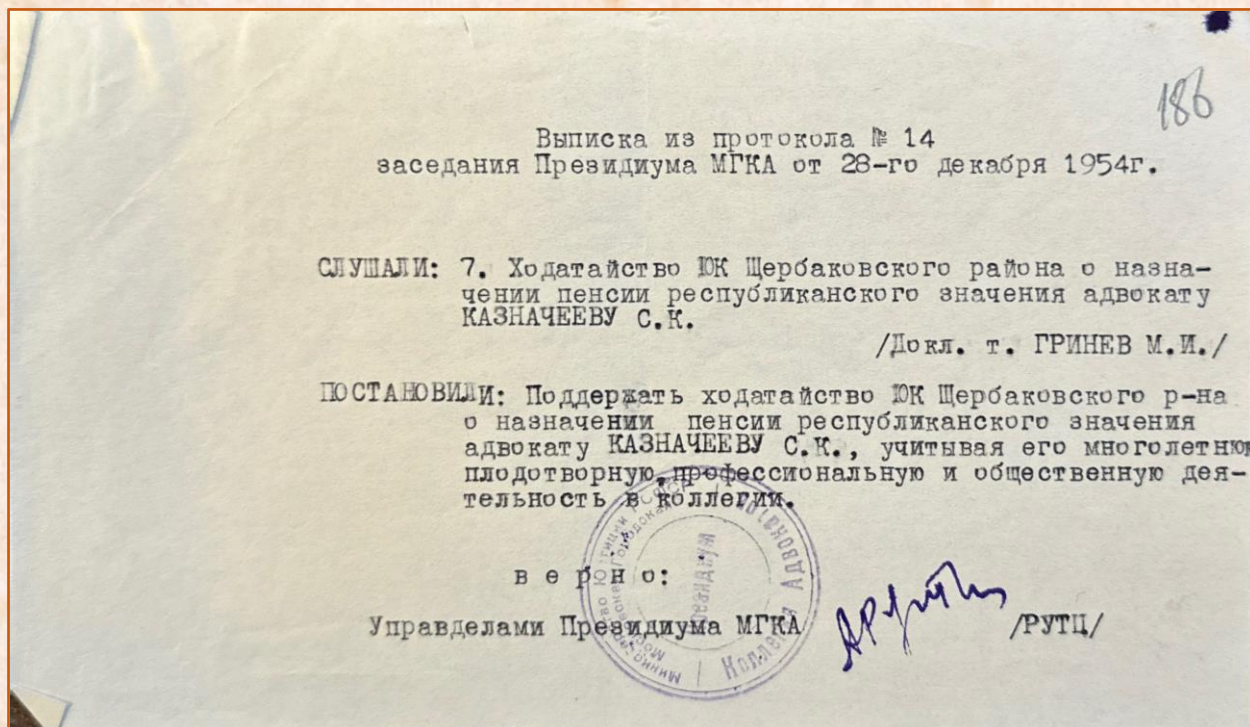
В личном деле Казначеева С.К. находится составленный им 23 декабря 1945 года список дел, где он принимал участие, среди которых рассматривавшиеся Верховным Судом СССР дело «английских шпионов» (1927 год), «дело о поджоге Дубровского комбината агентами финской фашистской организации «Суэлус-Кунт» (1928 год), дело бывших сотрудников концессии «Лена-Гольдфильс» (1930 год), дело о покушении на советника германского посольства фон-Твардовского (1932 год), дело о вредительстве на электростанциях СССР (1933 год), дело антисоветского троцкистского центра (1937 год).

Кроме того, Сергей Константинович участвовал в процессах о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Краснодарского края в период их временной оккупации (1943 год); о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Харьковской области (1943 год); о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории в Смоленской области (1945 год); об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии (1945 год), а также в целом ряде иных судебных процессов, слушавшихся в Верховном Суде РСФСР, Московском городском суде и военных трибуналах.

Казначеев С.К.

При этом нельзя не отметить, что даже по делам, где превалировала политическая составляющая обвинений, Казначеев С.К., как и многие его коллеги, не только принципиально относился к оценке представленных обвинением доказательств, но и находил слова, взывающие советскую юстицию к милосердию. К примеру, в так называемом «деле о польском подполье», он закончил свою речь, обращаясь к судьям, так: *«Я считаю, что на данном историческом этапе, когда окончательно очищается воздух от миазмов фашистской заразы, когда, обогренная кровью миллионов, строится новая Европа, когда на основе принципов, провозглашенных руководителями трех великих Объединенных наций, рождается там новая жизнь, — ваш приговор должен отличаться особой гуманностью. В этом его глубокий политический смысл, и я думаю, что каждое слово вашего гуманного приговора будет резонировать на весь мир, и каждый честный человек в мире оценит великую гуманность советского правосудия».*

Военная коллегия Верховного Суда СССР назначила подзащитным Казначеева довольно небольшие наказания: Пужаку 1,5 года, а Хацинскому – 4 месяца лишения свободы.

Учитывая высокие заслуги адвоката Казначеева С.К., Президиум МГКА на своем заседании 28 декабря 1954 года постановил возбудить ходатайство перед Министерством юстиции СССР о назначении Сергею Константиновичу пенсии республиканского значения. Постановлением Совета министров РСФСР от 21 апреля 1955 года № 543 Казначееву С.К. пожизненно была назначена такая пенсия.

Казначеев С.К.

В связи с тем, что 8 августа 1955 года Казначееву С.К. исполнялось 60 лет со дня рождения, Президиум МГКА обратился к Министру юстиции СССР с просьбой отметить заслуги выдающегося советского адвоката Сергея Константиновича Казначеева награждением его орденом. Здесь же было отмечено, что на протяжении нескольких десятилетий Казначеев С.К. «по назначению высших органов, принимал участие в качестве защитника почти во всех крупнейших судебных процессах, имевших международный резонанс и широко освещавшихся в отечественной и зарубежной печати... В ответственных судебных процессах военного и послевоенного времени т. Казначеев не только принимал участие в качестве защитника, но и руководил работой других адвокатов, привлеченных к участию в этих процессах... Являясь общепризнанным мастером Советской уголовной защиты, С.К. Казначеев пользуется в адвокатуре совершенно исключительным и заслуженным авторитетом... Адвокаты Ленинграда, Киева, Ростова и других городов постоянно обращаются к тов. Казначееву за советами по разным вопросам. От Президиумов периферийных коллегий поступают запросы о присылке им речей С.К. Казначеева для изучения... Отдельные выдержки из речей С.К. Казначеева помещены в учебных пособиях для адвокатов и студентов».

В ответ на обращение Президиума МГКА Министерство юстиции Союза ССР ограничилось объявлением Казначееву С.К. в связи с его 60-летием благодарности и награждением ценным подарком.

12 августа 1955 года состоялось организованное Президиумом МГКА торжественное заседание, посвященное чествованию адвоката Казначеева С.К. в связи с его 60-летием.

11 сентября 1956 года Казначеев С.К. скончался.

Бриккер Михаил Борисович

родился 15 марта 1910 года в г. Бельске Гродненской области.

С 1928 по 1931 годы учился на Рабфаке. С 1931 по 1933 годы занимался хозяйственной работой в Главном управлении гражданского воздушного флота. В 1933 году поступил на Высшие курсы Советской защиты при Президиуме Московской областной коллегии защитников, которые закончил в 1936 году. Согласно диплому, выданному Бриккеру М.Б. 4 июля 1936 года, он на «отлично» сдал государственные экзамены, в связи с чем ему была присвоена квалификация члена коллегии защитников. За «умение ориентироваться в теории советского права», продемонстрированное перед

квалификационной комиссией, ряд отличников – выпускников курса советской защиты, включая комсомольца Бриккера М.Б., были поощрены приказом № 204 по Народному Комиссариату Юстиции РСФСР от 4 июля 1936 года.

После завершения курсов Бриkker М.Б. успел поработать юрисконсультom Военпромторга, после чего с 3 июня 1937 года был принят в члены Московской городской коллегии адвокатов, откуда выбыл 27 августа 1941 года в связи с переездом совместно со своей семьей в эвакуацию в г. Молотов (сейчас Пермь), где трудился юристом в тресте «Камлеспромторг».

С 26 мая 1943 года по 19 марта 1946 года находился в действующей армии. Служил старшиной минометной батареи и участвовал в боях на Центральном и Белорусском фронтах в составе 757-го стрелкового полка 222-й стрелковой дивизии. Был дважды серьезно ранен. Награжден Орденом Красной Звезды и медалями «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Приказами Верховного Главнокомандующего Бриккеру М.Б. неоднократно объявлялись благодарности за участие в боевых действиях.

В приказе по 222-й стрелковой Смоленской Краснознаменной дивизии 33-й армии Первого Белорусского фронта от 5 февраля 1945 года № 06/н сказано, что Бриkker Михаил Борисович – старшина батареи 757-го стрелкового Неманского полка в числе других бойцов награждается Орденом Красной Звезды от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение

Бриккер М.Б.

боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество.

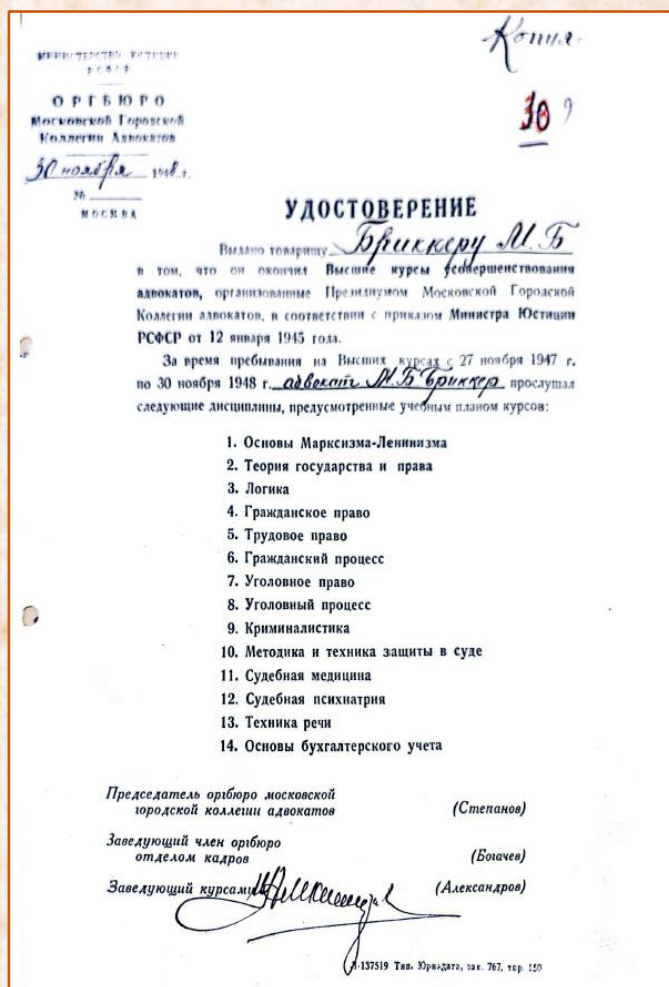
После мобилизации из Советской армии в связи с полученной инвалидностью Бриккер М.Б. вернулся в г. Москву, где 2 апреля 1946 года вновь поступил в Московскую городскую коллегию адвокатов. Без отрыва от работы он с 27 ноября 1947 года по 30 ноября 1948 года обучался на Высших курсах усовершенствования адвокатов, организованных Президиумом Московской городской коллегии адвокатов. За время обучения на Высших курсах премиривался как отличник учебы.

Бриккер М.Б. состоял внештатным научным сотрудником Всесоюзного Юридического Института, писал научные труды и публиковался в таких авторитетных журналах как «Социалистическая законность» и «Советская юстиция».

Работал в юридических консультациях Кировского, Ленинского, Куйбышевского и Октябрьского районов города Москвы.

Бриккер М.Б. вел как уголовные, так и гражданские дела, обслуживал различные предприятия и организации, занимался обучением молодых адвокатов. В период работы в юридической консультации № 2 Кировского района города Москвы Бриккер М.Б. являлся председателем Методического совета консультации и руководителем группы лекторов, а также членом бюро секции государства и права районного отделения Общества по распространению политических и научных знаний.

Профессиональная биография Бриккера М.Б. отличительна тем, что дважды его касался вопрос об отчислении из адвокатуры. Первый раз, когда Бриккер М.Б. в августе 1941 года подал заявление в Президиум МГКА об отчислении в связи с убытием на работу в г. Молотов, он был исключен из Коллегии, как самовольно оставивший работу. Уже после возвращения из рядов

Бриккер М.Б.

действующей армии в 1946 году, Бриккер М.Б. обратился в МГКА с просьбой не только восстановить его в адвокатуре, но и изменить формулировку постановления Президиума на другую – «в связи с выездом из гор. Москвы по эвакуации», что и было сделано.

Позднее, 22 мая 1951 года аттестационная комиссия Президиума МГКА отказалась аттестовать Бриккера М.Б., в связи с чем встал вопрос об исключении его из коллегии. Причиной этому явились два случая – получение якобы завышенного гонорара от рабочего-шофера, а также использование «недопустимого для советского адвоката метода вербовки клиентов посредством непосредственных связей с адвокатами других областных коллегий». Однако повторное изучение данных обстоятельств показало их несоответствие действительности, что наряду с вмешательством заместителя Министра юстиции РСФСР привело к отмене решения аттестационной комиссии.

В 1987 году руководство юридической консультации № 13, где в то время трудился Бриккер М.Б., в связи с 50-тилетием его работы в столичной адвокатуре, поставило перед Президиумом МГКА вопрос об инициировании присвоения ему звания «Заслуженный юрист РСФСР».

Бриккер М.Б. проработал адвокатом до сентября 1988 года, когда в связи с резким ухудшением состояния здоровья подал заявление о выходе на пенсию.

6 сентября 1988 года Президиум МГКА удовлетворил заявление Бриккера М.Б. и одновременно вынес решение о занесении его имени в Книгу Почета коллегии.

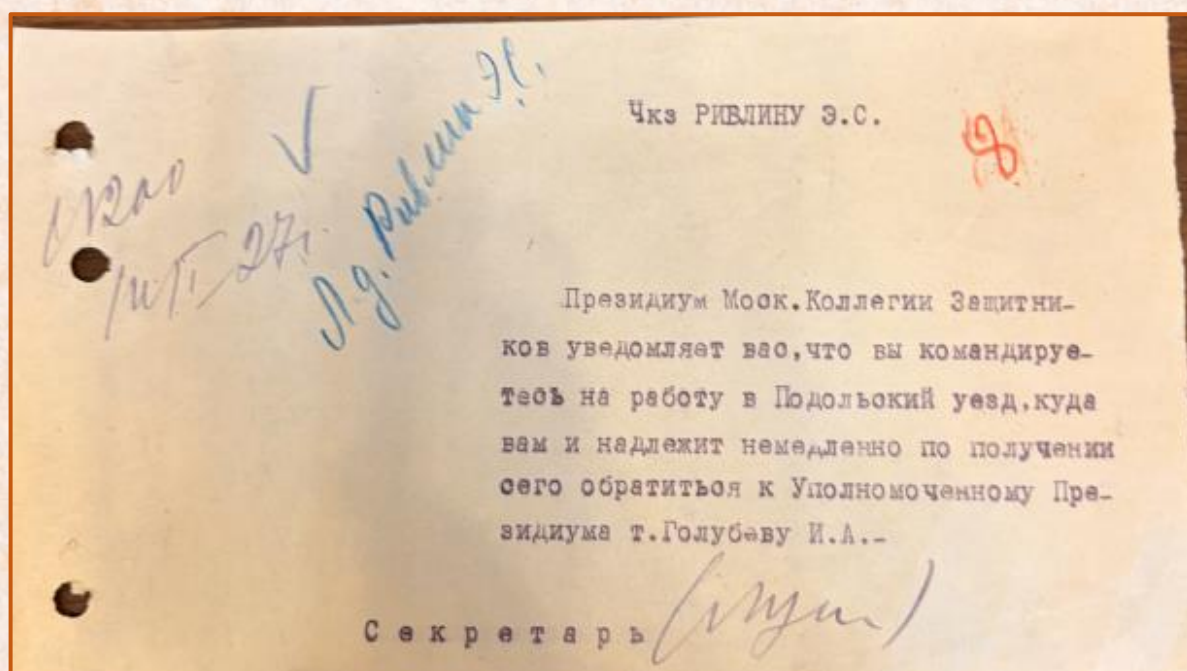
Ривлин

Эммануил

Соломонович родился 24 июня 1905 года в Полоцке. В 1921 году окончил Единую Трудовую школу, работал делопроизводителем в воинских подразделениях и инструктором по культпросветчасти в Высшей Военной Школе Туркестанского фронта. После переезда в Москву работал на разных низовых должностях в Наркомтруде, по рекомендации которого был принят в число студентов Правового отделения факультета общественных наук Первого Московского государственного университета. В период с 1922 по 1926 годы обучался на факультете Советского права МГУ, где по завершении получил высшее юридическое образование и специальность «судебный работник».

При завершении учебы в университете избрал тему дипломной работы «Советская адвокатура», которая вскоре стала основой для его книги.

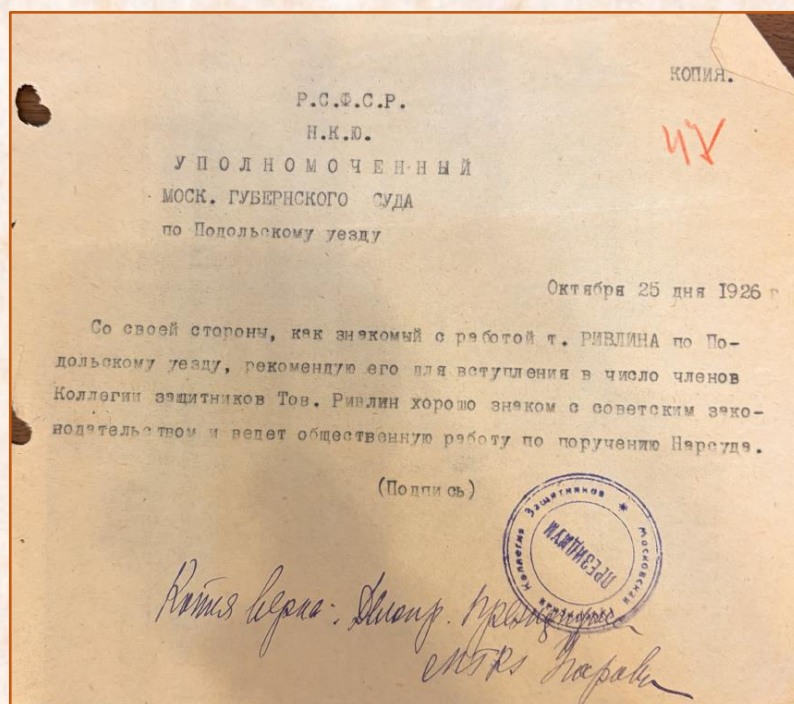
Получив высшее образование, Ривлин Э.С. около года работал в тресте Мосстрой старшим юрисконсультom, после чего был принят в число членов

Ривлин Э.С.

Московской коллегии защитников. В качестве члена коллегии защитников (ЧКЗ) с 1926 по 1928 годы сначала работал в г. Подольске Московской области.

Стал активно заниматься научной работой в Институте Права Академии наук, где являлся членом сразу двух секций – уголовного права и судебного права. Регулярно писал статьи по вопросам деятельности адвокатуры, проблемам уголовного законодательства и уголовного процесса, печатавшиеся в таких журналах как «Советская юстиция», «Советское государство и право», «Еженедельник Советской юстиции» и ряд других.

В 1926 году, когда Ривлину Э.С. был всего 21 год, московским издательством «Правовая защита» тиражом 3.000 экземпляров была выпущена его книга «Советская адвокатура», до настоящего времени пользующаяся популярностью среди специалистов в области истории и теории адвокатуры. В ней Ривлин Э.С. не только осветил состояние законодательства об адвокатуре на тот момент, но и дал исторический очерк о зарождении и деятельности присяжной адвокатуры, уделил особое внимание сути и значению дисциплинарной ответственности членов коллегии защитников, и вслед за маститами дореволюционными авторами посвятил отдельную часть своего произведения «вечным» вопросам адвокатуры.

Это удивительно, но университетское образование и только первые шаги в коллегии защитников позволили молодому автору создать столь обстоятельный труд!

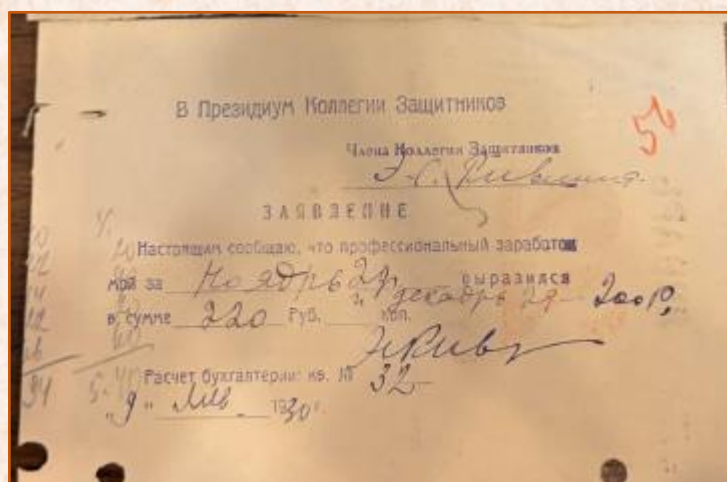
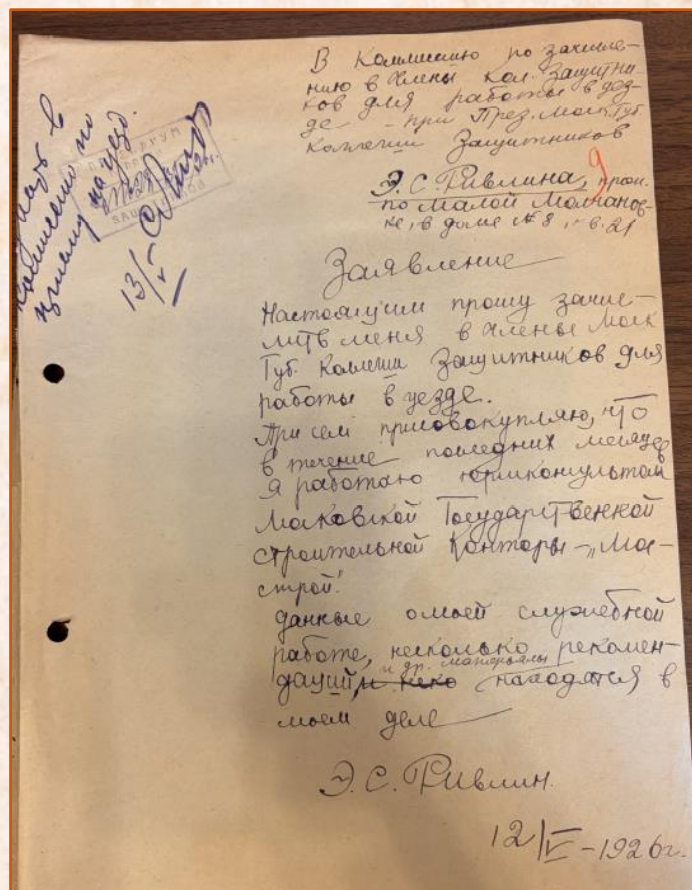
Предваряя свою книгу разделом «от автора», Ривлин Э.С. писал, что в жизни адвокатуры накопилось немало серьезных проблем, и он, вступив в состав адвокатуры, «поставил перед собой ряд вопросов – о существовании моей деятельности как защитника. Свои мысли я фиксировал, затем углублял, в систематизированном виде они и вылились в настоящее исследование».

Вполне современными выглядят и сегодня его утверждения о необходимости реальной состязательности на стадии предварительного следствия, обязательного допуска избранного подсудимым защитника в суде, четкая регламентация порядка и размера вознаграждения защитника, определение функций органов самоуправления корпорации, правил прохождения стажировки кандидатами в адвокаты, равномерное распределение членов сообщества на территории страны.

Провозгласив, что «Задача защиты, единственный смысл ее существования – оказывать всемерное содействие суду в деле нахождения судебной правды», Ривлин Э.С. в завершение книги прозорливо записал, что ещё очень много вопросов будут возникать в жизни советской адвокатуры и, надо полагать, что «органами самоуправления Коллегии защитников, руку об руку с научной мыслью, они будут разрешаться вполне правильно».

Тогда же, в 1926 году, издательство «Правовая защита» анонсировало готовящуюся к печати работу Ривлина Э.С. под названием «Хозяйственные преступления. (Социально-догматическое исследование)», однако обнаружить это издание не удалось.

В июле 1942 года Ривлин Э.С. на заседании Ученого совета Первого государственного юридического института НКЮ СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ложный донос в истории русского права». Позже, 26 февраля 1944 года, Высшей аттестационной комиссией Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК

Ривлин Э.С.

СССР ему было присвоено ученое звание «доцент». Без отрыва от адвокатской деятельности Ривлин Э.С. преподавал в нескольких московских вузах, в том числе был утвержден в качестве доцента по кафедре теории и истории государства и права Московского Государственного юридического института. Активно занимался научной деятельностью, сотрудничая с Государственным институтом по изучению преступности, Институтом уголовной политики Прокуратуры СССР и Институтом права академии наук СССР.

Во время Великой Отечественной войны, в период с 1941 по 1943 годы, находясь в эвакуации, состоял в Алма-Атинской коллегии адвокатов, откуда был отозван Народным комиссариатом юстиции СССР для работы в городе Москве, в связи с чем решением Оргбюро МГКА от 30 августа 1943 года восстановлен в членах столичной коллегии.

За длительное время работы в составе московской адвокатуры Ривлин Э.С. состоял в юридических консультациях Дзержинского, Киевского и Щербаковского районов. Согласно направленной 1 июля 1948 года в Оргбюро МГКА справки из юридической консультации №1 Киевского района, товарищ Ривлин Э.С. в течение работы с 1943 года в данной консультации занимался повышением квалификации молодых адвокатов, в том числе систематически читая лекции по уголовному процессу. Из характеристики за 7 июля 1951 года следует, что адвокат Ривлин Э.С. к своей работе относится добросовестно, трудолюбив и дисциплинирован. Является членом консультативного совещания по уголовным делам и принимает участие в его работе. В 1950 году провел 55 уголовных дел.

В этот период времени две его сестры – Ривлина Р.С. и Лозинская Р.С. тоже являлись членами Московской городской коллегии адвокатов.

В 1956 году под эгидой Московской городской коллегии адвокатов был издан сборник «Защитительные речи советских адвокатов» под редакцией и с предисловием известного ученого-процессуалиста, профессора Строговича М.С. Такой первый за советское время сборник составил и подготовил к печати Ривлин Э.С. В него включены речи известных московских адвокатов Россельса В.Л., Брауде И.Д., Казначеева С.К., Кульберга Я.М., и ряда других.

В этот сборник вошел и текст выступления самого Ривлина Э.С., прозвучавшего на процессе, проходившем в Московском городском суде с 25 декабря 1953 года по 23 февраля 1954 года. К уголовной ответственности по обвинению в хищении кожи с фабрики привлекалось 25 обвиняемых. Одним из них был подзащитный Ривлина Э.С. - Грачев, скупавший незаконно приобретенную им кожу. В своей речи адвокат Ривлин Э.С., активно и аргументированно споря с прокурором, убедил судебную коллегия о

существенном завышении объема предъявленного Грачеву обвинения, в результате чего тот получил сравнительно небольшое наказание.

В декабре 1963 года редакция журнала «Социалистическая законность» обратилась в Президиум МГКА с просьбой делегировать адвоката Ривлина Э.С. в общественно-редакционный совет этого весьма авторитетного среди юристов издания, что и было сделано.

Длительное время Ривлин Э.С., как авторитетный ученый и опытный практик, являлся членом Ученого Совета Общественного института усовершенствования адвокатов.

Проработав 56 лет в адвокатуре, Эммануил Соломонович 1 апреля 1982 года вышел на пенсию.

В этом очерке будет рассказано о двух сыновьях знаменитого отца – присяжного поверенного Плевако Ф.Н. Так получилось, что родители обоих назвали Сергеем, но была ещё одна общая черта у сводных братьев – приверженность профессии юриста, в чём наверняка сказалось влияние Фёдора Никифоровича. Хотя у них не было столь шумных побед на адвокатском поприще, братья, каждый на своём месте, внесли свой посильный вклад в практику юриспруденции. Возможно, они могли бы сделать больше, но ореол отца – действительного статского советника, депутата Государственной Думы III созыва от партии «октябристов», выражавшей интересы крупной буржуазии – упорно витал над братьями Плевако после прихода к власти большевиков, и создавал им проблемы при попытках устроиться на работу по специальности, в том числе в адвокатскую корпорацию.

Плевако С. Ф.

Биографические описания и документальные свидетельства профессиональных путей каждого из братьев довольно скромны⁷, поэтому далее мы будем опираться преимущественно на сведения из информационного ресурса Юридического факультета МГУ под названием «Династии русских юристов - питомцев Императорского Московского университета»⁸ и материалы из личного дела Плевако С.Ф. (старшего).

Плевако Сергей Федорович

(старший) родился 27 марта 1877 года в Москве. Его матерью была Александра Ефимовна Филиппова (1854 - 1914) – гражданская жена Плевако Ф.Н., дочь штатного смотрителя уездного училища, статского советника Филиппова Е.Ф., трудившаяся учительницей в Тверской

⁷ Исключение составляют книги Михаила Федорова «Дети Плевако» (М., 2023) и «Федор Плевако и его семья в истории России» (М., 2025).

⁸ <https://www.law.msu.ru/uploads/files/%D0%94%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B8%20%D1%8E%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%20%D0%98%D0%9C%D0%A3.pdf>

губернии. Отношения между родителями маленького Сережи не сложились, и семья скоро распалась.

Первоначально Сергей обучался в Вяземской гимназии, но курса не закончил, так как Александра Ефимовна от отца ребенка нужного содержания не получала, а собственных средств на обучение сына не хватало. Вынужденный зарабатывать самостоятельно, юноша с 1896 работал корректором в типографии Родзевича И.И., а также в редакциях московских ежедневных газет - общественно-политической «Курьер» и театральной «Новости сезона». В 1897 был корреспондентом на Всемирной выставке в Стокгольме. В 1899 принимал участие в созданном по инициативе Горького А.М. отряде по оказанию помощи голодающему населению Казанской губернии.

В 1901 году, желая продолжить образование, Сергей подвергся в 6-й московской гимназии испытанию за полный гимназический курс и получил свидетельство зрелости со средним баллом «3,7». После этого 14 июля 1901 года Плевако С.Ф. подал прошение ректору Московского университета и был зачислен на юридический факультет.

В 1902 году студент Плевако получил разрешение на брак с учительницей земской школы деревни Беляево Московского уезда Софьей Дмитриевной Макаревской. Её дядя, частный поверенный Макаревский М.Н., обязался содержать молодых супругов до получения Сергеем университетского образования.

Плевако С.Ф. (старший) в студенческие годы входил в марксистский кружок, и в 1905 году за участие в студенческих волнениях был дважды арестован, но из университета не исключен, отсидевшись несколькими сутками карцера.

Сергей окончил в 1906 году университет и был принят помощником к отцу, а после его смерти - к присяжному поверенному Александру Робертовичу Ледницкому. С октября 1906 года стал присяжным стряпчим Московского коммерческого суда, а с 1911 года - присяжным поверенным округа Московской судебной палаты.

Сергей Фёдорович оставил интересные воспоминания о том, как ему пришлось делать первые шаги на адвокатском поприще, опубликованные уже в наши дни:

«Отец пожелал, чтобы я принял фактическое участие в работах его юридического кабинета, возложив на меня обязанности приема посетителей и предварительных с ними переговоров. Обязанности эти были сложны и ответственны, в особенности, если принять во внимание, что в приемные дни по вторникам, четвергам и субботам около дома отца, на Новинском бульваре,

собиралась целая толпа алчущих и страждущих увидеть его, поделиться с ним своим горем, получить от него совет и помощь.

...В приемные дни его квартира сильно напоминала собою толкучку, наполняясь десятками людей всех «племен, партий и состояний»; правда, мы, помощники, сбивались с ног в тщетном старании «процедить» публику и избавить отца от разговоров по пустым поводам и вовсе без повода, а также от просителей материальной помощи, которые давно облюбовали отца, как своего рода «дойную корову», заставляя его прибегать к самым неожиданным фокусам для того, чтобы избежать встречи с этими назойливыми господами... но работы все же у меня и моих товарищей было много. Отец требовал, чтобы мы неизменно выслушивали каждого, каждому давали более или менее обстоятельный совет и даже записывали посетителей в общую книгу. Это занимало много времени, заставляло сплошь и рядом обращаться к отцу. Справедливо будет сказать, однако, что случаи последнего рода для нас, для помощников, были в высшей степени поучительны и полезны. ... Мне приходилось не раз участвовать на консультациях, где в качестве советников фигурировали виднейшие московские адвокаты и даже юристы-теоретики»⁹.

Как присяжный поверенный, Плевако С.Ф. (старший) входил в группу «молодой адвокатуры», вел уголовные и политические дела, выступал в Военно-окружном суде. По воспоминаниям судебной журналистки Козлининой Е.И., Сергей Плевако «является адвокатом далеко не заурядным и представляет крупную силу, с которою его противникам приходится серьезно считаться. Тонко анализируя психологию своего клиента, он умеет создать благоприятное для него настроение судей и, никогда не инсинуируя потерпевшего, легко добивается милосердия, а эта симпатичная черта присуща далеко не многим».

Сергей Плевако также занимался литературной деятельностью, писал стихи, был сотрудником журналов «Право» и «Юрист». Будучи редактором газеты «Утро России», неоднократно привлекался к судебной ответственности за публикации, не нравившиеся властям. Например, за напечатанный в газете рассказ опального графа Толстого Л.Н. «Два закона» о солдате, который отказался от присяги по религиозным убеждениям.

В 1915-1916 годах выполнял обязанности редактора журнала «Сельская жизнь». С 1916 года был секретарем комитета Московского общества любителей художеств, которое сотрудничало с Московским университетом и Румянцевским

⁹ Плевако С.Ф. Последние годы жизни Плевако Ф.Н. (из воспоминаний). – Н. Новгород, 2013. С. 13, 19-20.

музеем. В 1917 Сергей Плевако был избран товарищем председателя Общества попечения об учащихсЯ детях Сухареvского района.

Личный листок по учету кадров

Фамилия Плевако имя Сергей отчество Федорович

1. Пол муж. 2. Год и м-ц рождения 27.12.1877 3. Место рождения (по сущ. администр. делению) Москва 4. Национальность русс.

5. Соц. происхождение: б) бывш. сословие (звание) родителей из крестьян в) основное занятие родителей до Октябрьской революции учетский , после Октябрьской революции учетчик с 1914 г. 6. Основная профессия (занятие) к моменту вступления в партию юрист стаж с 1906 г. 7. Соц. положение бедноты 8. Партийность член ВКП(б) 9. Какой организацией принят в члены ВКП(б) партия 10. Партиз. стаж нет № партиз. билета нет или № к/карт. нет 11. Стаж пребывания в ВЛКСМ с 1920 г. по 1926 г. 12. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) нет 13. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет с какого и по какое время нет и причины исключения или выбытия нет 14. Участвовал ли в оппозициях (каких, когда, где) нет 15. Членом какого профсоюза состоит и с какого года Синдикат с 1920 г. 16. Образование высшее

трудился юристом-консультантом при Отделе кредита Правления Государственного банка.

Помимо этого, в 1919 - 1920 годах Сергей Федорович являлся членом Коллегии правозаступников, и в этом качестве ему выпало непростое испытание в ноябре 1918 года участвовать в одном из громких и показательных первых процессов, организованных советской властью – по делу о контрреволюционном заговоре Локкарта, Рейли, Гренара, Вортимона, и целого ряда иных лиц, общим числом 24 человека. Из них четверо было предано суду в заочном порядке.

Плевако С.Ф. предстояло участвовать в деле в команде опытных и авторитетных адвокатов, в числе которых были Муравьев Н.К., Тагер А.С., Якулов Я.Б. В результате он вполне успешно справился со своей задачей, защищая от обвинения в сборе шпионских сведений о Красной Армии сотрудника Центральной коллегии по делам пленных и беженцев Наркомата по военным делам Иванова Л.А., для которого обвинитель Крыленко Н.В. предлагал применить меру наказания в виде смертной казни. В отличие от четырех подсудимых, объявленных приговором вне закона, и двоих, приговоренных к расстрелу, Иванов получил 5 лет тюремного заключения.

В автобиографии, составленной 9 июня 1939 года, Плевако С.Ф. указал, что в 1918 году работал инспектором Прототдела Моссовета, с 1 сентября 1918 года до 1920 года – юрисконсульт и заведующим юридической частью Народного комиссариата Госконтроля. В 1920 - 1921 годах состоял в московском комитете государственных сооружений, с 1 ноября 1921 года до мая 1926 года

**ИЗ СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»
О СЛЕДСТВИИ ПО ДЕЛУ
КОНТРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАГОВОРА ЛОККАРТА
26 ноября 1918 г.**

Назначенное слушанием на 25 ноября дело Локкарта отложено на 28 ноября ввиду ходатайства защиты о предоставлении возможности обвиняемым, не владеющим русским языком, ознакомиться со следственным материалом на своем языке. Трибунал это ходатайство удовлетворил и постановил перевести заключение Обвинительной коллегии на французский, английский и чешский языки для вручения обвиняемым.

В деле выступят 14 защитников: граждане Полети, Вебер, Кажелак, Гольдман, Кармель, Липскеров, Плевако, Тагер, Трестар, Кобяков, Михайловский, Сороколетов, Якулов и Савари.

Обвиняемые Локкарт, Гренар, Рейли и Вортимон от суда скрылись и будут судимы заочно. Суть дела Локкарта, как это уже раньше сообщалось в «Известиях», заключается в следующем.

В августе нынешнего года английский посланник Локкарт и французский генеральный консул в Москве Гренар

В сентябре 1926 года Сергей Федорович вступил в Коллегию защитников и работал затем в консультации при Московском доме крестьянина, при редакции «Крестьянская газета», в Центральной консультации при Московском губернском суде и в Бронницком районе Московской области. По его объяснениям, он по причинам материального порядка в 1927 году поступил на службу в Госсельсклад, в связи с чем добровольно выбыл из адвокатской коллегии.

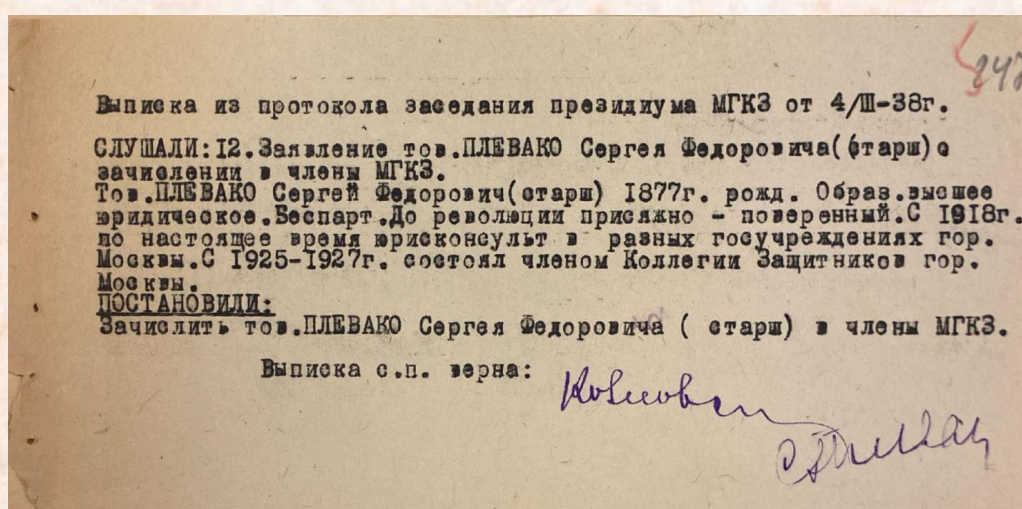
В 1928-1930 годах в связи с заболеванием не работал и получал пенсию по инвалидности. Осенью 1930 года поступил на работу в научный институт «Экспортсвязь», где трудился до его ликвидации 1 января 1933 года. С января 1933 года работал юрисконсультom в Московском тресте розницы и общественного питания (Мостроп), с января 1934 года – юрисконсультom на автобазе № 1 Управления торговли города Москвы.

Желая снова вернуться в адвокатуру, Плевако С.Ф. направил в Президиум МОКЗ заявление от 1 декабря 1934 года с просьбой вновь принять его в члены Коллегии и направить на работу в одну из московских консультаций. Поручителем за Плевако С.Ф. выступил ЧКЗ Братенши А.М. (1880-1938), указавший, что они знакомы с 1912 года, когда вместе участвовали в крупном политическом процессе, проходившем в г. Иваново-Вознесенске. «Уже тогда, будучи совсем молодым защитником, тов. С.Ф. Плевако обнаружил качества, необходимые для серьезной и достойной защиты, – писал Братенши. – Считаю его вполне заслуживающим принятия в ряды советской адвокатуры».

Однако решение этого вопроса сильно затянулось, и вот уже 29 июня 1935 года Сергей Федорович направляет в Президиум Московской коллегии защитников еще одно, на нескольких страницах, заявление с просьбой разрешить наконец его ходатайство о восстановлении в качестве ЧКЗ, указывая, что проблема «имеет уже двухлетнюю давность». Здесь же он напомнил, что состоял в прежние годы в коллегии и «выбыл вследствие поступления на службу».

В том же обращении Плевако С.Ф. написал, что еще летом 1934 года ему поступало письменное уведомление из Президиума, что единственной и основной причиной неразрешения его ходатайства является переполненность коллегии. В этой связи он сообщил, что не стремится работать именно в Москве, и не возражает против направления его в Подмоскoвье. Плевако С.Ф. просит «извлечь из архива мое заявление и рассмотреть его», ссылаясь, что в области защиты он работает с 1906 года, был активным участником судебно-политической защиты, провел большое количество дел в военных судах дореволюционного периода. И ему «хотелось бы вернуться к тому делу, которое стало основным в моей жизни и оторванность от которого вызывает во мне чувство глубокого огорчения».

Но только в марте 1938 года Сергею Федоровичу удалось снова поступить в Московскую коллегию защитников, продолжая оставаться юрисконсультom автобазы, хотя и ненадолго. В уже упоминавшейся автобиографии, составленной 9 июня 1939 года, Плевако С.Ф. указал, что повторно вступил в Коллегию защитников, и с апреля по ноябрь 1938 года работал в коллективе № 54. Однако «после ликвидации коллектива остался пока вне рядов Коллегии».

Между тем Совет народных комиссаров СССР принял 16 августа 1939 года Постановление № 1219, утвердившее новое Положение об адвокатуре СССР. В него была включена статья 13, оговорившая, что «Члены коллегии адвокатов не могут состоять на службе в государственных и общественных учреждениях и предприятиях». По сути, такой нормой вводился запрет на распространенную и вполне легальную до этого практику работы адвокатов юридическими консультантами в разного рода организациях и предприятиях. А учитывая, что государственная собственность в то время была преобладающей, то руководители коллегий очень быстро после принятия Постановления стали принимать самые простые для подобной ситуации решения: отчислять адвокатов, которые трудились юрисконсультами, как это делал в числе многих других коллег и Плевако С.Ф. (старший).

По указанной причине Президиум МГКА 3 октября 1939 года постановил очистить коллегию сразу от 204 человек, названных в документе «адвокатами-юрисконсультами». Среди них оказался и Сергей Федорович... В адвокатуре сталинского периода, основанной на административно-командных началах, талантливому юристу не нашлось места.

Отторжение Сергея Плевако корпорацией, куда он так стремился, и которой верой и правдой служил его знаменитый отец Федор Никифорович, а также ряд семейных невзгод предыдущих лет сильно подкосили здоровье героя

нашего повествования. В 1935 году умерла его жена Ляпунова В.А. В 1934 году был арестован, осужден на 10 лет лишения свободы и сгинул в лагерях сын Михаил.

В таких условиях, поработав еще некоторое время юрисконсультom, Плевако С.Ф. (старший) умер в подмосковном Томилино от сердечного приступа 30 января 1943 года.

Плевако Сергей Федорович

(младший) родился 14 октября 1886 года в Москве.

Сын второй жены Плевако Ф.Н. - Марии Андреевны (1850-1914), вдовы фабриканта Демидова В.В. Обучался в нескольких частных гимназиях, в августе 1906 года поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, но в сентябре 1907 года перевелся на юридический факультет. В марте 1912 подал прошение о допуске к государственным экзаменам, и сдал их успешно на весенней сессии. 1 июня 1912 года был удостоен диплома 1-й степени.

10 ноября 1912 года стал одним из 18-ти помощников московского присяжного поверенного Тесленко Н.В., известного политического защитника, члена Государственной Думы в 1907-1912 г.г.

В 1915 году Сергей Федорович был принят на должность нотариуса и служил в этом качестве до февраля 1916 года, когда был мобилизован и стал гражданским чиновником военного ведомства в Москве.

После октябрьской революции 1917 года семья Плевако С.Ф. (младшего), в которой было четверо детей, спасалась от голода на даче в подмосковной Александровке, недалеко от Подольска. В этом городе в дальнейшем продолжил трудиться Сергей Фёдорович: с 25 ноября 1918 года секретарем правления Райкоопсоюза; 30 июля 1920 года перешел на работу в Подольский патронный завод заведующим юридическим отделом, откуда 23 июня 1921 года уволен по сокращению штатов. С ноября 1921 до декабря 1922 работал председателем месткома, юрисконсультom в разных организациях.

Плевако С.Ф. мл.

В 1929 семья переезжает в подмосковную Малаховку, где с 18 июля Плевако С.Ф. начал службу в Кредитбюро сотрудником по взысканиям. 18 июня 1930 года перешел на работу в Союзсемтрест, с августа 1930 по февраль 1934 года работал экономистом, заведовал отделом кадров, руководил юротделом в управлении Электровозстроя. В должности старшего юриста завода Автотракторного электрооборудования (АТЭ) он проработал с 1 декабря 1935 по 8 декабря 1936 года.

4 ноября 1937 года юрисконсульт Плевако обратился в Президиум МКЗ с просьбой принять его в коллегия защитников, «т.к. юрисконсультская работа удовлетворяет материально, но не приносит нравственного удовлетворения, ощущения большей пользы для общества». За Плевако С.Ф. (младшего) при поступлении его в Московскую коллегия защитников поручился ЧКЗ Цуринов В.И. В своей записке он писал: *«Бывшего помощника присяжного поверенного С.Ф. Плевако (младшего) знаю с 1910 года. Более близко сталкивался с ним по профессиональной работе с 1912 года, неоднократно выступая с ним в процессах, как в г. Москве, так и в провинции. Считаю долгом засвидетельствовать, что С.Ф. Плевако всегда был носителем традиций лучшей части адвокатуры. С.Ф. Плевако является хорошо подготовленным юристом, в то же время проявляя в делах и в жизни высокие нравственные качества. Мое общение с Плевако С.Ф. за все эти года не прерывалось и продолжается до настоящего времени. Вступление его в ряды членом Московской коллегии защитников можно было бы только приветствовать».*

20 февраля 1938 года Сергей Фёдорович был зачислен в Московскую коллегия защитников и направлен в консультацию № 25.

С началом Великой Отечественной войны он перешел на службу в учреждение военного снабжения. 1 сентября 1941 года был необоснованно исключен из МГКА как «самовольно оставивший работу», но вскоре Президиум коллегии изменил формулировку об отчислении на «в связи с переходом на другую работу».

Когда вскоре его учреждение было эвакуировано из Москвы, сам Плевако С.Ф. остался в городе, и уже 25 октября 1941 года вернулся в коллегия, где продолжил работать в юридической консультации Октябрьского района. В декабре 1942 года по личной просьбе переведен в Москворецкую консультацию на Большой Ордынке, находившуюся недалеко от его дома.

После окончания Великой Отечественной войны Сергей Федорович направлялся несколько раз для участия в качестве защитника в судебных процессах, связанных с расследованием преступлений военного времени.

№ 104. ИЗ ОТЧЕТА ТАСС О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ
ОБ ОРГАНИЗАТОРАХ, РУКОВОДИТЕЛЯХ И УЧАСТНИКАХ
ПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ В ТЫЛУ КРАСНОЙ АРМИИ
НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ, ЛИТВЫ И ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ
БЕЛОРУССИИ И УКРАИНЫ,
21 июня 1945 г.¹

Леопольд Окулицкий, последний командант Армии Крайовой

Приговор

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе:

Председательствующего — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР генерал-полковника юстиции Ульрих В. В.

Членов Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР: генерал-майора юстиции Дмитриева А. Д., полковника юстиции Дегистова И. В. при секретарях: полковнике юстиции Батнере А. А. и полковнике юстиции Кудрявцеве Л. Н. с участием представителей государственного обвинения:

Главного Военного Прокурора Красной Армии — генерал-майора юстиции Афанасьева Н. А. и государственного советника юстиции 2 класса — Руденко Р. А. и представителей Московской коллегии адвокатов:

Брауде И. Д., Михальского В. И., Миловидова Н. Н., Казначеева С. К., Марквичу В. П., Оцен М. А. и Плевако С. Ф. — в открытом судебном заседании в городе Москва 18–21 июня 1945 года рассмотрела дело по обвинению: [...]

Один из таких процессов проходил в июне 1945 года в Москве по делу, получившему название «Об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины» О нём рассказано в очерке, посвященном еще одному участнику этого события — московскому адвокату Миловидову Н.Н. По итогам судебного разбирательства доверитель Сергея Федоровича — обвинявшийся в активном

участии в работе польского антисоветского подполья Стемлер-Домбский М.Г. был полностью оправдан.

В другом случае Плевако С.Ф. участвовал в судебном процессе по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР, проходившем с 15 по 29 января 1946 года в Минске.

Обращает на себя внимание, что даже на таком непростом и, говоря современным языком, «резонансном» процессе над убийцами советских людей, и в столь сложное время, Плевако С.Ф. (младший) добросовестно выполнял свои обязанности защитника, пытаясь найти хоть какие-то аргументы в пользу подсудимых, кого он должен был представлять на суде в силу исполнения профессиональных обязанностей адвоката.

Выступая в прениях 28 января 1946 года в защиту зондерфюрера Бобруйского сельскохозяйственного района Битнера, Плевако выстраивал следующую логическую цепочку:

«...Если наличие преступных приказов не может освободить от ответственности тех, кто выполнял их, то все же, я думаю, что в отношении некоторых из них это обстоятельство может служить основанием для некоторого снисхождения. В частности, это касается моего подзащитного Битнера.

По формуле обвинения ему вменяется в вину, что ...он проводил в этом районе политику уничтожения населения путем обложения последнего непосильными поставками сельхозпродуктов, подвергая репрессиям тех советских граждан, которые не имели возможности выполнить эти поставки или отказывались их выполнять. Мне думается, граждане судьи, члены Военного Трибунала, что функции Битнера в проведении той грабительской экономической политики, которая была установлена немецкими оккупантами

не только в одном Бобруйском районе, но во всей Белоруссии, не совсем правильно поняты.

Проводить в Бобруйском районе не ту экономическую политику, которая проводилась по всей Белоруссии, а установить более мягкую и человечную, не зависело, конечно, от Битнера. Он выполнял по роду своей службы то, что ему предписывалось выполнять, и не он, конечно, является виновником того, что в Белоруссии, а, следовательно, и в Бобруйском районе, была установлена грабительская экономическая политика.

Учтите, товарищи судьи, что если бы Битнер даже захотел установить более мягкий и человеческий порядок в Бобруйском районе, из этого ничего бы не вышло, так как ему бы, районному зондерфюреру, никто не разрешил бы изменять то, что было санкционировано гитлеровским правительством. Не надо забывать, что та экономическая политика, которая проводилась в Белоруссии, была разработана и предписана гитлеровским правительством в целях завоевания жизненных просторов. И, конечно, районный зондерфюрер Битнер не мог ничего изменить, а должен был по роду своей службы выполнять то, что ему приказывали.

Это обстоятельство, граждане члены Военного Трибунала, я прошу Вас учесть, когда Вы в совещательной комнате будете обсуждать вопрос о степени виновности Битнера и определять ему меру наказания».

Относительно следующего эпизода, вмененного в вину Битнеру, о сожжении в деревне Коврин 46-ти колхозных домов и насильственном изъятии скота у жителей этой деревни, Плевако, проанализировав показания выступавших на суде свидетелей, взял на себя смелость утверждать: «Я считаю этот пункт обвинения в смысле его доказанности несколько сомнительным. Я прошу Военный Трибунал учесть, что из всех сидящих на скамье подсудимых, лично Битер приказов о расстреле не давал (по роду своей службы он и не мог таких приказов отдавать), лично участия в расстрелах не принимал, лично никого не убил и не сжег и, конечно, по сравнению с другими обвиняемыми он совершил менее тяжкие преступления, чем остальные».

Говоря о другом своем подзащитном - заместителе начальника пересыльного лагеря военнопленных Дулаг-131 в Бобруйске Лангута, Плевако С.Ф. обращал внимание на следующее: «Я считаю себя в качестве защитника Лангута обязанным передать Вам его просьбу о том, чтобы Трибунал отнесся к нему снисходительно. Когда я посетил Лангута в тюрьме и беседовал с ним, он чистосердечно и подробно рассказал мне о всех злодеяниях, которые он совершил в Белоруссии, не преуменьшая своей вины. На мой вопрос, осознал ли он всю тяжесть содеянных им преступлений и раскаивается ли он в них, он сказал мне, что свою вину он глубоко осознал, горько в ней раскаивается, что

Братья Плевако

ему стыдно своего прошлого и что совесть его мучает. Не знаю, граждане судьи, был ли он искренен, когда говорил это. Судить об этом я не берусь. Подумайте сами об этом, и если Вы поверите его искренности, может быть, Вы найдете возможным оказать ему снисхождение».

Сергей Федорович продолжал успешно работать, пока в ноябре 1950 года за мнимое «нарушение правил ведения секретных дел» не был исключен из МГКА. Жалобы о необоснованности обвинений и ходатайства о восстановлении в адвокатуре неоднократно отклонялись Президиумом коллегии и Минюстом. Лишь 22 декабря 1953 года министр юстиции разрешил восстановить Плевако в адвокатуре.

С 1 апреля 1955 года последним местом его работы стала Железнодорожная юридическая консультация Бауманского района Москвы.

Умер Сергей Федорович скоропостижно, находясь на отдыхе в бывшем имении Плевако Ф.Н. Сосновка в Тамбовской области 29 мая 1956 года. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

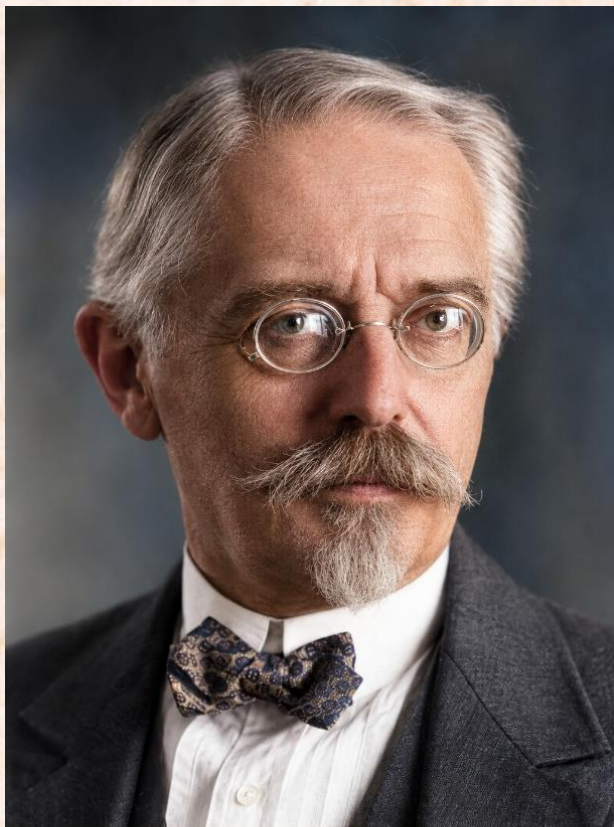
Следующий наш очерк посвящен многогранно образованному человеку, весьма активно проявлявшему свои знания и таланты во многих областях общественной жизни. Как правовед он заявил о себе еще в царское время, однако попытки оказаться полезным советской власти закончились для него печально.

Его биография освещена в различных источниках достаточно полно, и для нашей работы мы выберем материалы проекта «Бессмертный барак»¹⁰, а также книги «Дела репрессированных московских адвокатов», которые преимущественно используем далее, наряду с иными документальными иллюстрациями.

Альфонс Эрнестович Вормс, запомнившийся знавшим его как видный юрист, адвокат, преподаватель высшей школы и общественный деятель, родился 1 декабря 1868 года в селе Троицком Чернского уезда Тульской губернии.

Происходил из семьи балтийских немцев. Начальное образование получил дома, под руководством родителей, затем был отправлен в Рижскую Губернскую гимназию. Ещё в гимназические годы Вормс увлекся древними языками и через всю жизнь пронёс интерес к классической филологии и истории античности.

По окончании гимназии поступил в 1887 году на юридический факультет Императорского Московского университета, однако, по собственному признанию, больше интересовался вопросами филологии и истории. В студенческие годы сильное влияние на формирование научных интересов Вормса оказали лекции Ключевского, который привлёк его «к занятиям историей русского социального быта, позже

Вормс А.Э.

¹⁰ https://bessmertnybarak.com/vorms_alfons_ernestovich/

приведшим к изучению юридических судеб русского крестьянства за истекшее столетие и к разработке так называемого „крестьянского права“». Немалое влияние на формирование будущего ученого оказали лекции Милюкова П.Н. по истории русских финансов.

Альфонс Эрнестович окончил университет в 1891 году с дипломом 1-й степени. В течение трёх лет (1891—1893) служил в Рижском окружном суде, а затем в 1893 году вернулся в Московский университет для подготовки к экзамену на ученую степень магистра. В годы магистратуры посещал так называемый «параллельный» семинар профессора Виноградова П.Г. по «Афинской политике» Аристотеля и по средневековому праву (капитулярии Карла Великого) для подготовленных слушателей на историко-филологическом факультете. «Занятиям этим — писал Вормс А.Э., — я больше всего обязан своей дальнейшей научной подготовкой, давшей мне затем возможность активно участвовать в семинариях при Берлинском университете по истории германского права у профессора Цеймера. Юридический факультет дал мне в этом отношении меньше».

В семинаре Виноградова Вормс сблизился с Гершензоном М.О., впоследствии известным филологом, и Маклаковым В.А. (позже - видным деятелем кадетской партии, присяжным поверенным), дружба с которыми продолжалась долгие годы. Маклаков признавал, что без помощи Вормса «никогда не мог бы стать так скоро юристом», а в последующие годы Вормс неоднократно консультировал Маклакова, уже известного адвоката, по сложным делам.

Впоследствии Маклаков очень тепло вспоминал о Вормсе, рассказывая о своих друзьях периода студенчества и о первых шагах в области освоения права: *«Другой мой товарищ той же эпохи был Альфонс Эрнестович Вормс; мы познакомились с ним на том же семинарии Виноградова. Потом мы с ним очень дружили; он подолгу жил в моем имении. В отличие от нас, которые в деревне ходили в русских рубашках, он был всегда в крахмальной сорочке и галстуке, с видом настоящего европейца. Был превосходным юристом: помогал разрабатывать сложные вопросы, принимал участие в составлении классических трудов — по русскому и советскому праву. Он остался в России, когда я навсегда уехал в Париж. Первое время мы с ним еще переписывались: он не терял надежды на эволюцию советской власти, а в письмах ко мне сравнивал события Советской России с историческими датами... Но увидеть его больше мне уже не пришлось»*¹¹.

¹¹ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. — М., 2011. С. 186-187.

Одновременно с подготовкой к магистерским экзаменам Вормс поступил в адвокатскую корпорацию, поскольку, будучи оставленным при Московском университете «для приготовления к профессорскому званию по кафедре римского права сроком на два года», оказался вынужден «позаботиться о дополнительном заработке и записаться в адвокатуру», став помощником присяжного поверенного — в течение трех лет его патроном был знаменитый Муромцев С.А. В этом качестве Вормс А.Э. сотрудничал в консультации присяжных поверенных при Московском мировом съезде и вступил в Юридическое общество при Московском университете, возглавлявшееся тогда тем же Муромцевым С.А. - профессором университета, одним из лидеров земского либерального движения, позднее — конституционно-демократической партии, председателем Первой Государственной думы, оказавшим сильное влияние как на политические, так и на юридические взгляды Вормса А.Э.

Тогда же Альфонс Эрнестович был вовлечен в работу созданного молодыми юристами «бродячего клуба», возникшего в начале 1890-х годов по инициативе Маклакова В.А., Муравьева Н.К. и Малянтовича П.Н. для оказания оперативной правовой помощи нуждающимся и обсуждения актуальных общественных и юридических проблем, в том числе протекавших организационных процессов в адвокатском сообществе.

К концу 1890-х годов относится знакомство Вормса А.Э. с Толстым Л.Н., с которым он неоднократно встречался и беседовал на различные темы в домах общих знакомых, в частности у профессора-географа Дена В.Э. Интересно, что Толстой обращался к Вормсу с просьбами о подборе юридической литературы и поиске только что вышедшей из печати книги Чезаре Ломброзо «Женщина — преступница и проститутка» (Киев, 1898), потребовавшейся ему при работе над романом «Воскресение».

До 1901 года Альфонс Эрнестович преподавал гражданское право в Константиновском межевом институте, вел занятия по римскому праву на юридическом факультете московского университета, одновременно преподавал на курсах при Обществе воспитательниц и учительниц, читал энциклопедию права в Санкт-Петербургском политехникуме, преподавал торговое право в Императорском Училище правоведения.

В «Известиях Санкт-Петербургского политехнического института» Вормс А.Э. опубликовал одно из своих первых фундаментальных исследований по крестьянскому праву — «Материалы для конструкции права на усадебные участки при общинном владении у крестьян-собственников». В 1909 году там же он опубликовал исследование, направленное на социальную защиту рабочих — «Зачет пенсий и страховых сумм при исчислении вознаграждения за телесные повреждения».

В 1911 году, в знак протеста против репрессивной политики правительства по отношению к студенчеству, вместе со многими преподавателями и сотрудниками Вормс А.Э. покинул Московский университет. Не оставляя преподавания в Коммерческом институте, Вормс в 1911–1912 гг. читал гражданское право в Ярославском Демидовском юридическом лицее, в 1911–1913 гг. преподавал на Высших женских юридических курсах Полторацкой В.А. в Москве, в 1913–1917 гг. читал лекции по крестьянскому праву в Народном университете им. Шанявского А.Л. В то же время состоял юрисконсультom Московского Художественного театра, и в 1917 году вместе со Станиславским К.С. подготавливал Устав «Товарищества артистов Московского Художественного театра» и занимался его регистрацией.

Своей главной заслугой в области юридической науки Вормс А.Э. считал «выделение в самостоятельную дисциплину крестьянского права». По убеждению Вормса, целью разработки сословного крестьянского права было его приведение к общегражданским правоотношениям.

В 1900–1910-х годах Вормс много времени и энергии отдавал просветительской деятельности — трудился над серией брошюр «Вопросы науки, искусства, литературы и жизни», сотрудничал с редакцией «Библиотеки для самообразования» при Обществе распространения технических знаний, работал в комиссии Технического музея содействия труду при Московском отделении Императорского Русского технического общества, входил в руководство различных организаций, занимавшихся народным просвещением.

В 1901–1902 гг. А.Э. Вормс выступал с лекциями на воскресных чтениях для рабочих в Историческом музее и на собраниях Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве. Вместе с Муравьевым Н.К. участвовал в издании и был постоянным автором профессионального юридического журнала «Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда», выходившего в Москве с 1908 по 1917 годы.

Одновременно Вормс А.Э. вел обширную, и зачастую бесплатную, адвокатскую практику, в основном по сложным крестьянским делам. Среди коллег-адвокатов считалось, что во всех земельных делах Вормс — последняя инстанция, после которой идти уже дальше некуда.

Статус присяжного поверенного Альфонс Эрнестович получил в 1909 году. В 1913 году с ним уже работали четверо помощников, а в справочнике на 1916 год указано, что проживающий в Москве по адресу Шереметьевский переулок, д. 2, кв. 26 адвокат Вормс А.Э. имеет одиннадцать помощников. По тому же адресу, сменившему название переулка на «улицу Грановского», Альфонс Эрнестович значится и в списке членов Московской Губернской коллегии защитников на 1926 год.

Вормс А.Э.

В годы Первой мировой войны Вормс А.Э. работал в Московском Военно-промышленном комитете. После Февральской революции 1917 года активно включился в политическую деятельность: участвовал в Первом Всероссийском торгово-промышленном съезде (19-22 марта 1917 года), затем, как член Военно-промышленного комитета, принял участие в Государственном совещании Временного правительства в Москве (12-14 августа 1917 года). В октябре, в период подготовки к выборам в Учредительное собрание, Вормс А.Э. работал в агитационной комиссии Московского Торгово-промышленного комитета. Ни в одной политической партии Вормс не состоял, но по своим убеждениям примыкал к конституционным демократам.

В 1917 году Альфонс Эрнестович вернулся в Московский университет, возобновил чтение лекций по системе римского права, вел практические занятия по гражданскому праву. В должности штатного профессора читал лекции и вел семинары по международному частному праву, земельному и банковскому праву. В эти же годы он сотрудничал в Госконтроле, Наркомате торговли и промышленности, Наркомате внешней торговли, Наркомате путей сообщения, состоял юрисконсультom «Общества электрического освещения 1886 года».

Вормс А.Э. был делегатом Всероссийского съезда военно-промышленных комитетов, открывшегося 17 марта 1918 года в Москве. Особые противоречия между представителями рабочих с одной стороны, и представителей служащих и ценовых групп с другой, вызвал вопрос о будущем устройстве военно-промышленных комитетов. Переговоры проходили сложно, в результате чего

съезд продолжался почти месяц. Однажды переговоры чуть не закончились провалом, когда 25 марта делегат съезда и товарищ председателя Московского военно-промышленного комитета Вормс А.Э. был арестован ЧК. В конце концов была выработана компромиссная резолюция о преобразовании комитетов в народно-

*Из журнала заседания бюро Наркомфина СССР
по подготовке финансовых материалов для расчетов
по мирным договорам о задолженности СССР
Соединенным Штатам Америки **

15 января 1924 г.

Секретно.

Присутствовали: зам. председателя Л. А. Луц, секретарь Н.А. Падейский, члены: А.Э. Вормс, Л.С. Эльяссон, М. А. Плоткин; от Госкредита: И.И. Чубаков, М.И. Герасимов, А.Г. Орлов, Н.Л. Силин, С. Я. Ниронов; председатель Русско-украинской делегации [смешанной российско-украинско-польской расчетной комиссии] М. Я. Пергамент.

II. [Слушали:] Был заслушан доклад А. Э. Вормса "Задолженность Америке"^{2*} (дополнение к его докладу, заслушанному бюро 7 декабря 1923 г.^{3*}, журнал №13 (149).

Основные положения докладчика, приложенные к сему журналу^{4*}, сводятся к следующему:

I. Довоенная задолженность России Соединенным Штатам Северной Америки была ничтожной. Точная цифра ее не может быть установлена, все же ежегодный платеж процентов по этому долгу достигал 10 тыс. долл. в год, следовательно, капитальный долг равнялся приблизительно 500 тыс. руб. зол. Кроме того, во владении американских страховых обществ "Нью-Йорк" и "Эквитиэл" находились русские государственные займы на сумму до 1 млн руб. (в отношении последней суммы необходимо учесть, что ценность рубля, естественно, упала).

Вормс А.Э.

промышленные и об их взаимоотношениях с ВСНХ.

В 1922–1924 гг. Вормс А.Э. работал в качестве юриста в Папской комиссии помощи голодающим детям - гуманитарной организации действовавшая по решению Папы Римского Пия XI для спасения населения Советской России, и прежде всего Поволжья, от катастрофического голода.

С учетом экономического и юридического опыта и знаний Альфонса Эрнестовича, он регулярно привлекался для консультирования и иной деятельности такими советскими организациями как Наркомфин, Госбанк, Министерство иностранных дел, Главконцесском.

Вормс вновь вернулся к адвокатской практике, в 1925 году вступив в Московскую губернскую коллегия защитников. В качестве защитника в мае 1928 года Вормс участвовал как один из 16 адвокатов по «Шахтинскому процессу». Поскольку из 53-х обвиняемых на этом процессе было четверо германских подданных, Посольство Германии потребовало допустить к делу немецких адвокатов. И когда посольству в этом было отказано, Московская коллегия защитников выделила, по согласованию с властями, знающих немецкий советских защитников. Вормс А.Э. защищал двоих монтеров, командированных в «Донуголь» для установки и наладки оборудования фирмы АЕГ. Один из них был оправдан, а второй получил год лишения свободы условно.

Однако участие в защите на процессе «вредителей» явилось толчком к увольнению Вормса из МГУ в связи с упразднением кафедры, которую он занимал, и из государственных учреждений в связи с сокращением занимаемых

Вормс А.Э. с коллегами – адвокатами (слева) во время «Шахтинского процесса».

Вормс А.Э.

им должностей.

Тем не менее, Альфонс Эрнестович, как высококвалифицированный юрист, владеющий несколькими языками, пользовался большим спросом во времена НЭПа и расцвета иностранных концессий, среди которых были довольно крупные - американская «А. Хаммер» (1927–1930), немецкие «Шток и Ко» (1930–1931) и «Лаборатория Лео Дрезден» (1932–1936), шведская АСЕА (1931–1933), а также состоял постоянным внештатным юридическим консультантом консульского отдела посольства Германии.

В 1930 году Вормс А.Э. упоминался в очередном организованном властями «деле Промпартии» как возможный кандидат от этой партии на должность министра внутренних дел, однако в то время последствий это для Альфонса Эрнестовича не имело.

Вормс А.Э. был арестован органами НКВД 21 ноября 1936 года. Из постановления об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения следовало, что он «достаточно изобличается в том, что с 1926 по 1936 год передавал представителю одного из иностранных государств разведывательные сведения по различным вопросам советского хозяйства», в связи с чем инкриминирована статья 58.6 УК РСФСР: шпионаж - передача, похищение или собирание с целью передачи информации, являющихся государственной тайной, или экономических сведений, которые не являются государственной тайной, но которые не подлежат оглашению по прямому запрещению законом или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий.

Из существа производившихся допросов следует, что под такого рода шпионажем карательные органы рассматривали работу Вормса А.Э. с иностранными компаниями экономического и юридического характера. Особый интерес у следствия вызвали контакты Альфонса Эрнестовича с германским посольством, хотя он категорически в показаниях утверждал: *«Все сведения, которые мною передавались германскому посольству, были мною составлены на основании: а) анализа цифровых данных, опубликованных в различных советских журналах, книгах, бюллетенях, б) на основании моих специальных знаний советской экономики, и я других лиц для сбора необходимой мне информации не привлекал»*. Тем не менее, следователь на допросах «гнул свою линию», и при постановке очередных вопросов утверждал, что германофильские взгляды Вормса со временем превратились в фашистские.

После ознакомления с материалами уголовного дела после завершения следствия Вормс А.Э. указал, что в своих действиях шпионажа он не усматривает.

Тем не менее, в утвержденном 16 марта 1937 года обвинительном заключении значилось, что «длительное время, работая в германских концессионных предприятиях, Вормс выполнял шпионские задания представительства одного иностранного государства в Москве. ...Установлено, что на протяжении 10-ти лет, с 1926 г. по день ареста, обвиняемый Вормс А.Э. систематически передавал сотруднику представительства иностранного государства Гильгеру шпионскую информацию по экономическим вопросам. ...Из отдельных, наиболее важных шпионских информации, переданных Вормсом в иностранное представительство, следует отметить доклады о состоянии спичечной промышленности, о неблагоприятных перспективах в деле развития концессионных предприятий, об обложении налогами в СССР, об эмиссионном балансе Госбанка, изменении курса рубля и т.д.».

Не обошло вниманием НКВД в обвинительном заключении и адвокатскую деятельность Альфонса Эрнестовича: «Помимо шпионской информации по экономическим вопросам обвиняемый Вормс оказывал иностранному представительству ряд конфиденциальных политических услуг, передавая сведения об арестах, настроениях интеллигенции и т.п. в контрреволюционном клеветническом духе. Выступая в качестве защитника на Шахтинском процессе, обвиняемый Вормс установил самый тесный контакт с представительством одного иностранного государства и, как это установлено имеющимися в распоряжении следствия точными данными и признаниями самого обвиняемого, передавал сотруднику вышеуказанного представительства Шлиппе совершенно секретную информацию по всем вопросам, интересующим иностранное представительство в связи с происходившим процессом».

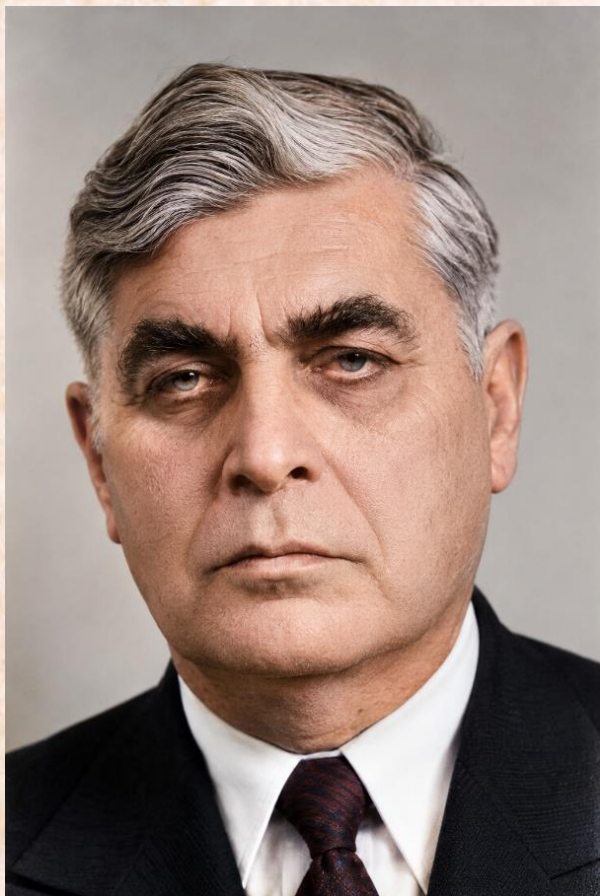
На заседании Военного трибунала Московского военного округа 4 мая 1937 года подсудимый Вормс виновным себя в шпионаже не признал и дал подробные объяснения по всем обстоятельствам предъявленного обвинения. В своем последнем слове он указал суду на следующее: «Я был первым профессором - юристом, поступившим на советскую работу. Красиным я был командирован в Швецию и за проведенную мной там работу получил благодарность. Покойный Дзержинский доверял мне и вызывал к себе для консультаций. Мне два раза предоставлялась возможность принять иностранное подданство, но я отказался сделать это».

Трибунал частично переквалифицировал действия Вормса А.Э. на более мягкие, и, учитывая его преклонный возраст, приговорил к трем годам лишения свободы с поражением в политических правах сроком на 2 года.

Отбывал он заключение в Ново-Ивановском лагпункте близ Мариинска. В конце 1938 года был этапирован в Москву для следствия по новому делу, после чего Альфонс Эрнестович скончался в больнице Бутырской тюрьмы 23 марта 1939 года в возрасте 70 лет.

Полностью реабилитирован Верховным Судом СССР 20 июля 1990 года.

В российской адвокатуре есть имена, которые не требуют громких эпитетов. Они сами — эпитет. Фёдор Плевако, Сергей Андреевский, Владимир Спасович... Список этот можно продолжать, но для нас, по обыкновению, заканчивается он на 1917-м — будто вместе с Судебными уставами канула в Лету сама возможность адвокатского подвига. А потом — пауза. Тишина.

И лишь изредка проступают иные имена тех, что творили профессию не в эпоху великих реформ, а в годы, когда само слово «адвокат» казалось осколком «старого мира».

Владимир Львович Россельс — одно из таких имен.

И его судьба, и его речи — пример человеческой порядочности и готовый учебник адвокатского искусства.

Вот что писали современники об одном из самых авторитетных адвокатов советского периода: *Представьте себе высокого, импозантного мужчину с проседью, с хорошим голосом, со своим собственным ораторским стилем, одетого со вкусом и умеющего себя держать на публике с большим чувством собственного достоинства, и станет ясно, что перед вами почти идеальный облик Адвоката с большой буквы. Именно таким запомнился Владимир Львович Россельс тем, кому посчастливилось его знать. В.Л. Россельса можно назвать Плевако советского времени, настолько точны его мысли, красочно создаваемые им образы и гражданственны содержание его речей.*

Известно, что Владимир Львович родился 21 февраля 1886 года в Москве. Его родители ранее жили в Одессе, где отцу Россельса — Льву Моисеевичу принадлежал магазин тканей и галантереи. Однако подросший Владимир не пошел по стопам отца и не стал заниматься коммерцией. Он после окончания гимназии поступил на Юридический факультет Императорского Московского университета, который закончил в 1913 году.

Россельс В.Л.

Сведения о его последующей деятельности различаются в литературных источниках. По воспоминаниям внука Россельса – Александра Колчинского, его дед до революции успел поработать присяжным поверенным. На самом деле это не так. В своей автобиографии, датированной 8 января 1953 года, Владимир Львович указал: «В сословие присяжных поверенных, как еврей, принят не был, выполнял, как юрист, поручения частных фирм». Известно, что в период существования присяжной адвокатуры для евреев были установлены количественные цензы, чем, скорее всего, можно объяснить неудачу молодого Россельса.

В период с 1909 по 1917 годы он зарабатывал, давая частные уроки, а с 1917 по 1924 годы служил в различных советских организациях, включая Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ), Госплан, Совет Труда и Оборона (СТО). И только в 1924 году Россельс В.Л. был принят в Московскую Губернскую Коллегию защитников, уже имея некоторый опыт работы в ряде советских учреждений.

Молодой адвокат стал специализироваться на уголовной защите, оттачивая свое ораторское мастерство. При этом его отличало не только кропотливое изучение дел, но и отчаянная смелость, с которой адвокат Россельс В.Л. брался отстаивать права доверившихся ему людей.

В 1932 году Владимир Львович защищал человека, обвинённого в краже мешка подгнивших яблок из колхозного сада. Формально это попадало под печально известный указ от 7 августа 1932 года, так называемый «указ семь-восемь», которым за хищение социалистической собственности, даже незначительное, грозило суровое наказание — вплоть до расстрела.

Россельс в своей речи не стал спорить с фактом кражи. Он сделал невероятный по тем временам ход: заявил, что его подзащитный украл не ради наживы, а от голода. Адвокат обратил внимание суда на то, что яблоки были гнилыми — их невозможно продать. Человек просто хотел есть.

Россельс переступил идеологическую красную черту. И его арестовали: «Как советский адвокат в судебном процессе может заявить о том, что в Советском Союзе есть голод?». Через несколько недель - выпустили...

Забегая несколько вперед, отметим, что в 1956 году Президиум Московской городской коллегии адвокатов инициировал издание сборника «Защитительные речи советских адвокатов». Предисловие к нему написал авторитетный ученый-процессуалист, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Строгович М.С. Показательно, что из двенадцати выбранных для сборника речей адвокатов из различных регионов всей страны, две принадлежали Россельсу В.Л.

Одна из них была посвящена защите школьника Юрия Багрова, вместе со своими товарищами избившего одноклассника. События развивались так.

Март 1940 года. Пятеро несовершеннолетних учеников 71-й школы Москвы обвиняются в избииении пионера-активиста, председателя пионерского совета Ростислава Здобнова.

Школа эта, к слову сказать, располагалась в одном из староарбатских переулков, а сейчас это школа № 1231 им. В.Д. Поленова, и находится она в 5-ти минутах ходьбы от здания на Сивцевом Вражке, 43, где располагается Адвокатская палата города Москвы...

Уголовное дело, которое в обычном порядке рассматривалось бы в районном суде, передано в Московский городской суд. И не случайно. Дело получило такую широкую огласку, что в самой газете «Правда» - центральном печатном партийном органе было опубликовано письмо с требованием «покончить с хулиганством в школе», подписанное людьми, чьи имена авторитетны: директор музыкальной школы им. Гнесиных, заслуженный деятель искусств и депутат Моссовета Елена Гнесина, народная артистка СССР Ольга Книппер-Чехова, вдова летчика Чкалова – Ольга Эразмовна Чкалова. Всего было 13 подписей...

«В этом наглом вызове нашей советской школе – гласило письмо, - за спиной хулиганских элементов чувствуется чуждая, вражеская рука, стремящаяся парализовать работу передовой и активной части нашей школьной молодёжи».

В такой обстановке адвокат, принимающий защиту главного обвиняемого Юрия Баталина, должен понимать: его подзащитный уже осужден общественным мнением. Единственный способ спасти его — не спорить с фактами, они очевидны, а изменить юридическую квалификацию, нивелировав политический подтекст.

Владимиру Львовичу в это время 54 года. За плечами — и дореволюционный университет, и годы работы в советских учреждениях, и, как выяснится позже, не одна защита, граничащая с риском для него самого. Но «школьное дело» — особое. Здесь против адвоката работает сама атмосфера времени. Его профессиональная задача - из политического процесса сделать педагогический.

Речь Россельса В.Л. — это не просто набор аргументов. У нее есть драматургия, есть внутреннее напряжение, есть сюжет. И этот сюжет подчинен главной цели: показать, что истинные виновники происшедшего — не подростки, а взрослые.

Вступление — почти литературное. Россельс описывает вечер 16

февраля 1940-го года, две группы детей, идущих по коридору коммунальной квартиры. Одна — с высоким чувством товарищества, другая — с желанием «проучить ябедника».

Адвокат не торопится с выводами. Он дает суду увидеть картину.

«Слава Здобнов, — говорит защитник, — перед тем, как пойти к отцу Баталина, колеблется, боится ошибочного шага: быть ложно понятым своим товарищем, незаслуженно прослыть “ябедником”. Он обращается за советом к заведующему учебной частью и получает неосторожный совет».

Это не просто риторический ход. Это вскрытие анатомии конфликта, которую взрослые предпочли не замечать.

Основная часть разворачивается как исследование. Россельс последовательно разбирает три уровня причин: педагогические ошибки, семейное невнимание и смешение нравственных понятий.

«Педагогическая парадигма» в школе проста и эффективна: директор устраивает обыски учеников, выворачивая карманы, исключает из школы за инакомыслие, а затем с легкостью возвращает — за покаяние.

«Для того чтобы вновь быть принятыми в школу, - говорит защитник, - от исключенных требуется очень немного. Они должны подать письменное заявление, что «осознали» неправильность своих высказываний и «раскаиваются». И что же! Чуть ли не на следующий день они подают заявление, что «осознали», «раскаялись», и они возвращены в школу. Такова награда за лицемерие!»

Главный в школе «педагог» - директор, делит класс на «отличников» и «неотличников», пионерский совет превращается в орган надзора.

И вот, в результате - *«Школьники получили предметный урок того, что действительные убеждения следует скрывать, а открыто высказывать то, в чем ты, может быть, и не убежден, но что угодно начальству, и “жизнь твоя будет сладка и приятна”».*

Другой фактор, на который обращает внимание в своей речи защитник - семейное невнимание. Родители заняты. Отец Баталина был в кино, когда сын нуждался в совете. Отцы других подсудимых «не находят времени» поговорить с сыновьями.

«Не слишком ли много развлечений у вас, товарищ Баталин, что в течение двух суток вы не нашли времени, чтобы уделить самое малое внимание сыну?» - спрашивает адвокат...

Дети не понимают, где товарищество, а где ябедничество. Но в этом смешении нравственных понятий вина тех, кто должен был им объяснить эту

разницу.

Владимир Львович работает с образами. Его речь полна зримых деталей: *«темный угол коридора», «потушили свет», «записная книжка Здобнова», «разделенная пополам парта».*

Он не описывает абстрактно — он показывает.

Один из самых сильных приемов — образ потерпевшего. Защитник не скрывает, что Здобнов — прекрасный мальчик. Но он показывает его не идеальным, а живым: он колеблется, советуется с завучем, боится быть непонятым. Этот объемный образ лишает обвинение возможности использовать потерпевшего как знамя. Здобнов — не «святой», он — ребенок, попавший в сложную ситуацию, созданную в результате ошибки педагогов.

Другой прием — рефлексия взрослых. Россельс В.Л. цитирует завуча, которая дала «неосторожный совет» потерпевшему Здобнову: *«Четырнадцатилетний мальчик... колеблется, боится ошибочного шага: быть ложно понятым своим товарищем, незаслуженно прослыть «ябедником». Он обращается за советом к заведующему учебной частью», — к завучу, фактически ко второму человеку в школе после директора — «спрашивает, удобно ли, тактично ли идти учащимся по такому поводу к родителям товарища, и получает неосторожный совет, о котором, несомненно, теперь жалеет давший его педагог».*

Защитник не обвиняет прямо. Он мягко, но настойчиво проводит мысль: *«Если бы взрослые вовремя вмешались, ничего бы не случилось».*

Особое место занимает обращение к совести судей. Владимир Львович описывает, как в школе учеников обыскивают, выворачивая карманы. *«Каждый может быть жуликом», —* такой вывод делают дети. И добавляет: *«Не правда ли, метод воспитания весьма сомнительный?»*

Это уже не защита — это гражданская позиция. И судьи не могут не почувствовать правоты.

Высокая риторика используется там, где это необходимо, и избегается там, где она может повредить. Россельс цитирует Гоголя — слова Тараса Бульбы о товариществе. Но делает это не для украшения, а для того, чтобы показать: понятие «товарищество» было искажено в этой школе.

Высокий стиль здесь работает на контраст: есть идеал, и есть его жалкое подобие.

В речи Россельса есть пассажи, которые сегодня назвали бы *«идеологизированной демагогией».* Например, рассуждения о *«передовом отряде социалистической интеллигенции».* Но будем честны: в 1940 году в

Московском городском суде адвокат, не использовавший такой язык, просто не был бы услышан. Адвокат вынужден говорить на привычном для советского человека языке, чтобы отстоять свою правду. И он это делает блестяще: после стандартного восхваления советского учительства следует разбор того, как уважаемый директор школы своими «педагогическими методами» разрушал детские души.

Это урок, который стоит помнить: этика защитника не в том, чтобы говорить «красиво» или «принципиально», а в том, чтобы достичь результата для своего подзащитного, не нарушая при этом закон и не предавая профессиональный долг. Адвокат Россельс это умел. Не случайно коллеги называли его «советским Плевако».

Но вернемся к делу. Прокурор требует осуждения по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР (редакция 1926 года) — «хулиганство», как *«озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу, действия», которые «заклучались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью».*

Защитник обращается к постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 29 апреля 1939 года, которое четко разграничивает хулиганство и преступления, совершенные из личных побуждений: *«Хулиганство может сопровождаться насилием над личностью, может и не сопровождаться... Квалификация подобных действий как хулиганства может иметь место лишь в том случае, когда установлено, что эти действия совершены в целях проявления явного неуважения к обществу, а не тогда, когда в их основе лежали мотивы, связанные с личными взаимоотношениями обвиняемого с потерпевшим».*

Переквалификация как стратегия защиты...

Россельс В.Л. цитирует высший судебный орган страны, ставя защиту на прочную нормативную основу. Он доказывает: подростки руководствовались не «озорством» и уж тем более, не «неуважением к обществу», а личной обидой на потерпевшего Здобнова, которого они считали «ябедником».

Цитата из постановления Пленума звучит как юридический аргумент, но она же выполняет и психологическую функцию: защитник показывает суду, что закон — на его стороне. В условиях, когда давление идет сверху, ссылка на высшую судебную инстанцию становится не просто тактикой, а защитой от возможных обвинений в «антисоветчине».

Искусство адвоката здесь не в том, чтобы найти «смягчающие обстоятельства» - они очевидны, а в том, чтобы юридически вывести деяние из-под действия инкриминируемой статьи.

Если убрать хулиганский мотив — исчезает и признак «неуважения к обществу». Остается подростковая драка.

Защитник просит об условном осуждении.

Суд услышал. Квалификация изменена с хулиганства на нанесение легких телесных повреждений, нанесенных из личных побуждений. По результатам слушания дела один из подсудимых был полностью оправдан, а другие, включая Багрова, получили условные наказания.

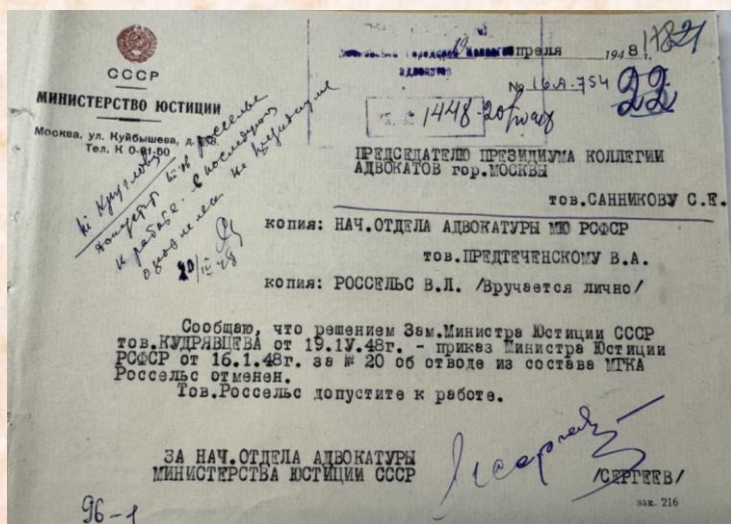
Это тот случай, когда защита победила не только суд, но и общественное мнение, сформированное партийной прессой. Россельсу удалось перевести разговор из плоскости политической в плоскость человеческую.

Сегодняшние адвокаты часто спрашивают у себя: в чем секрет успешной защиты? Владимир Львович дает ответ: в умении видеть дело объемно. Он не ограничивается юридической стороной. Он исследует среду, психологию, семейные отношения. Он строит композицию так, чтобы суд прошел вместе с ним весь путь — от фактов, изложенных в версии обвинительного заключения до понимания истинного смысла сложившейся ситуации. Он выбирает правильную квалификацию, не боясь спорить с обвинением. И он находит слова, которые убеждают...

В его речах нет готовых рецептов. Есть то, что важнее: пример того, как в самых стесненных обстоятельствах можно оставаться адвокатом — не «приводным ремнем уголовной репрессии», не «специалистом, готовым помочь уйти от ответственности», а защитником, для которого право и справедливость не пустые слова.

Случай со «школьным делом» имел большой резонанс и получил широкое освещение в прессе. Данному процессу газета «Правда» от 28 марта 1940 года посвятила большую статью журналиста Фриды Вигдоровой, бывшего педагога, которая почти буквально повторила доводы Россельса, прозвучавшие на суде. Здесь же было сказано: «Защитники хорошо справились со своей задачей. В своих речах они не ограничились юридической трактовкой вопроса, а поставили во весь рост связанные с процессом общественные и педагогические вопросы».

Впрочем, такая высокая оценка партийного печатного органа не спасла Россельса В.Л. от немилости, в которую он попал в 1948 году по инициативе Министерства юстиции РСФСР за «неправильные политические взгляды», когда приказом № 20 от 16 января 1948 года было предписано «отвести из состава адвокатуры» Владимира Львовича, что и сделал президиум МГКА 20 февраля 1948 года путем отчисления его из рядов московских адвокатов.

Однако Россельс не опускает руки, пишет жалобу, и заместитель министра юстиции СССР Кудрявцев отменяет приказ. Владимира Львовича восстанавливают. Без объяснений.

Адвокатская судьба, как ни странно, иногда бережет тех, кто смело и порой безоглядно встает на защиту

других.

Именно такие качества проявились у Владимира Львовича, когда он не раз брался за защиту невиновных, даже в период страшного террора 1937-1939 годов.

В книге Елены Боннэр «Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова» вдова знаменитого академика много места уделяет родственникам, пострадавшим от сталинских репрессий. Она рассказывает о том, как ей удалось ознакомиться с их архивными уголовными делами, что дало повод признать, что даже в те страшные годы были адвокаты, которые пытались добросовестно исполнять свой профессиональный долг. Среди четверых указанных Боннэр адвокатов на первом месте назван Россельс.

Вот как описан один из подобных эпизодов, имевший место в те непростые времена. Глухой ночью Владимир Львович направился в Кострому к своему подзащитному, которого объявили врагом народа. По прибытии, опасаясь как бы приговор не был приведен в исполнение, Россельс стал ломиться ночью в тюрьму и требовать свидание со своим, еще возможно оставшимся в живых, подзащитным. Позже оказалось, что защитник из Москвы прибыл без ордера, без поручения, рискуя жизнью, чтобы выслушать людей, обреченных на смерть. А потом в Москве пытаться спасти им жизнь.

Рассказавший об этом случае известный московский адвокат Золотухин Б.А. охарактеризовал поведение Россельса В.Л. как захватывающую дерзость, пояснив, что *«мужество потребно защитнику в еще большей мере, чем представителям других профессий, потому что жизнь его – это борьба, хотя борьба и судебная... Я думаю, что адвокаты других времен не могут гордиться таким количеством спасенных от неминуемой гибели ни в чем неповинных людей».*

Дочь Владимира Львовича – Инна Владимировна Левина была очевидцем событий, которые легли затем в основу художественного фильма «Защитник Седов», снятого в 1988 году: «Однажды вечером у нас в квартире раздался звонок и появились четыре женщины из какого-то маленького городка. Они рассказали, что их мужья – три агронома и зоотехник приговорены как враги народа к расстрелу. Эти женщины плакали и умоляли отца защитить их мужей». Отец колебался, он опасался последствий, но чувствовал себя изменником профессионального долга, а на утро поехал в юридическую консультацию и оформил необходимые документы.

Россельс В.Л. добился согласованной с прокуратурой телеграммы об отсрочке исполнения приговора, и незамедлительно выехал в город, где явно незаконно были осуждены четыре человека. После свидания с ними он подготовил надзорную жалобу и передал ее на личном приеме Генеральному прокурору СССР Вышинскому. Россельс когда-то выступал с ним в одном процессе. Андрей Януарьевич его помнит. Читает жалобу. Удивляется — как же так, в таком городе и такое беззаконие? Обвинение явно абсурдно: зоотехник «натравливал племенного быка на ударницу труда».

Генпрокурор предполагает, что среди местных работников затесались «враги народа» и приносит протест. В результате уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Четыре человека остаются живы.

Приведем еще один успешный пример из практики Владимира Львовича. В другом деле, рассмотренном 27 декабря 1950 года, адвокат Россельс В.Л. защищал супругов Семёновых, обвинявшихся в соучастии в хищении государственных средств. На суде Россельс доказывал, что у его подзащитных не было умысла на хищение и просил их оправдать. С его доводами полностью согласился Московский городской суд, вынесший редкий для того времени оправдательный приговор, а затем и Верховный Суд РСФСР, отказавший прокурору в удовлетворении кассационного протеста.

Следует сказать, что немалое место в своей повседневной деятельности Россельс В.Л. уделял обучению молодых адвокатов. Об этом вспоминал пришедший в 1937 году в юридическую консультацию № 11 МГКА Белозор Н.Г.

Россельс В.Л.

Он указал Владимира Львовича в числе опытных корифеев адвокатуры, которые «делясь своим многолетним опытом и знаниями, помогали молодым адвокатам осваивать трудную, ответственную и благородную профессию защитника человеческих душ». Россельс В.Л. состоял членом комиссии МГКА по работе с молодым специалистами, был наставником ряда адвокатов, из которых потом выросли отличные мастера своего дела. Адвокатом после окончания МГУ стала и дочь Россельса – Инна Владимировна.

Отметим также, что в МГКА Владимир Львович привлекался к работе секции криминалистов и литературно-судебной секции. По рекомендациям руководства Управления по делам адвокатуры Минюста СССР выезжал с докладами в другие регионы страны, а также выступал перед работниками указанного Управления с докладом на тему «Об особенностях адвокатской профессии». Однажды сделал в Институте права Академии наук СССР обстоятельное сообщение на тему «О пределах профессиональной тайны защитника».

В служебной характеристике от 30 апреля 1947 года сказано, что адвокат Россельс В.Л. является высококвалифицированным юристом и весьма добросовестным адвокатом. Во время войны обслуживал солдат и офицеров подшефного госпиталя, читал им доклады. На протяжении последних пяти лет систематически обучает прикрепленных к нему практикантов и стажеров, которым уделяет большое внимание. На последнем общем собрании адвокатов

гор. Москвы избран членом Президиума МГКА. По отзывам членов Верховного Суда РСФСР и председателей Военных Трибуналов тов. Россельс В.Л. готовится к делам добросовестно, выступает доходчиво и с его заключением очень считаются.

В характеристике от 11 мая 1951 года в числе прочих достоинств Россельса В.Л. отмечено, что он в своей защите «умело сочетает интересы государства с правильной защитой по закону своего подзащитного».

О стремлении к обучению как новичков, пришедших в адвокатуру, так и более опытных коллег, говорит и подготовленная Владимиром

Личный листок
по учету кадров

1. Фамилия Россельс
имя Владимир отчество Львович
2. Пол мужск. 3. Год, число и м-ц рождения 1886. 2/12
4. Место рождения г. Москва
(село, деревня, город, район, область)
5. Национальность еврей 6. Соп. происхождение сын священника
7. Партийность б/п партия партия (год вступления) партийный № карточка
8. Состоит ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета
9. Образование высшее юридическое

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания	Если не окончил, по какой причине	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, (укажите № диплома или свидетельства)
<u>Московский университет</u>	<u>Юрид.</u>	<u>1908</u>	<u>1913</u>		<u>Диплом 1 степени</u> <u>Архивист сдала №16-1913</u> <u>Юр. ин. №1. В. Л. Россельс</u> <u>гос. (высшего) №598-1913</u> <u>Юрист</u> <u>Диплом №29810 от 1913</u>

10. Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясняться, владеете свободно)
11. Ученая степень, ученое звание Нем
12. Какие имеете научные труды и изобретения
Составил пособия для адвокатов „Защитник в советском суде“ Госиздат 1960.

Россельс В.Л.

Львовичем в соавторстве работа под названием «Защитник в советском суде: пособие для адвокатов», вышедшая в 1960 году.

К 80-летию мэтра, в 1966 году как пример ораторского мастерства отдельным изданием вышла книга – собрание выступлений Россельса В.Л. «Судебные защитительные речи», ставшая первым таким сборником, посвященным в советское время одному адвокату. Это стало знаковым событием в юридическом мире, и 1 ноября 1966 года в МГКА состоялся творческий вечер встречи с автором сборника, на который были приглашены как адвокаты, так и научные сотрудники. Председательствовавший на мероприятии адвокат Яхнич Л.М., крайне высоко оценив книгу, сказал: «Если говорить об этом сборнике как о пособии, то нужно сказать, что это ценнейший материал».

24 декабря 1968 года общее собрание адвокатов юридической консультации № 6, где работал Россельс В.Л., приняло решение просить Президиум МГКА возбудить ходатайство о присвоении ему почетного звания «Заслуженный юрист РСФСР»¹². В письменном обращении по этому поводу было сказано, что Владимир Львович является одним из самых выдающихся советских адвокатов, а его 45-летняя адвокатская деятельность – пример высшего общественного служения советскому правосудию, государству.

Кроме того, в журнале «Советская юстиция» за 1968 год (№ 13) была опубликована статья «Верный долгу», где сказано, что деятельность Россельса В.Л. всегда проникнута глубоким пониманием политического и общественного воспитательного значения судебного процесса, является образцом бескомпромиссного выполнения адвокатом своего долга перед советским социалистическим правосудием.

Отмечая заслуги Россельса В.Л., руководство юридической консультации в феврале 1969 года писало в президиум МГКА: «Его защитительные речи, общественно значимые, являются выдающимся образцом судебного красноречия. Адвокат Россельс проявил исключительное мужество, защищая в 1937-1939 годах оклеветанных и уже приговоренных к расстрелу честных советских людей. Спасение этих людей и возвращение их обществу является особой заслугой Россельса В.Л. перед советским государством».

В конце 1969 года Владимир Львович написал заявление об уходе на пенсию. Его не стало 3 февраля 1972 года.

¹² К большому сожалению, Президиум МГКА ограничился объявлением благодарности и выдачей премии 100 рублей.

За свою трудовую деятельность 15 апреля 1947 года указом Президиума Верховного Совета СССР Россельс В.Л. награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а 11 августа 1948 года медалью «В память 800-летия Москвы».

Постановлением Президиума МГКА от 4 мая 1972 года имя Россельса Владимира Львовича занесено в Книгу Почета коллегии.

Владимир Львович не забыт и сегодняшними почитателями его талантов и мужества. Вот что по этому поводу написал Резник Г.М.: *«Но даже страшные 1930-е гг. не только позор, но и героические страницы советской адвокатуры. Московские адвокаты Малянтович, Лейст, Россельс предпочли репрессии позору и до конца выполнили свой профессиональный долг, участвуя в политических делах (защита, проведенная Россельсом, описана в рассказе Ильи Зверева «Защитник Седов»). Убежден: подобных случаев было больше – просто они нам неизвестны»*¹³.

...Через шестнадцать лет после смерти Владимира Львовича режиссер Евгений Цымбал снимает фильм «Защитник Седов» — о нем, о том самом деле, о глухой ночи в Костроме, о женщинах у порога его дома. Владимир Ильин играет адвоката, который не боится. Прототип — Россельс.

И хотя есть в этом фильме место художественному вымыслу, это — продолжение той самой позиции, которую обозначил за адвокатской трибуной Россельс тогда - в 1940 году. Позиции, состоящей в том, что предназначение адвокатуры — служение правде, а не просто профессия; что мужество — не лихость, а способность идти туда, куда страшно.

«Advocatus Miles» - с латыни означает «Адвокат – Воин Права». Так назвал пособие для уголовной защиты, вышедшее в 1911 году, русский ученый-правовед Леонид Евстафьевич Владимиров. Владимир Львович Россельс всей жизнью и своим служением в адвокатской профессии доказал: истинный адвокат – Воин Права....

¹³ Генри Резник «С драйвом по жизни». - Том I. Воспоминания, речи, выступления. М. 2018. С. 302.

Брауде Илья Давидович

родился 1 января 1885 года в Оршанском уезде Могилевской губернии.

Обучался в Могилевской мужской гимназии, которую закончил в 1905 году. Поступил сначала на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, а затем перевелся в Московский университет, завершив обучение там в 1910 году с дипломом юриста со специализацией по уголовному праву и процессу.

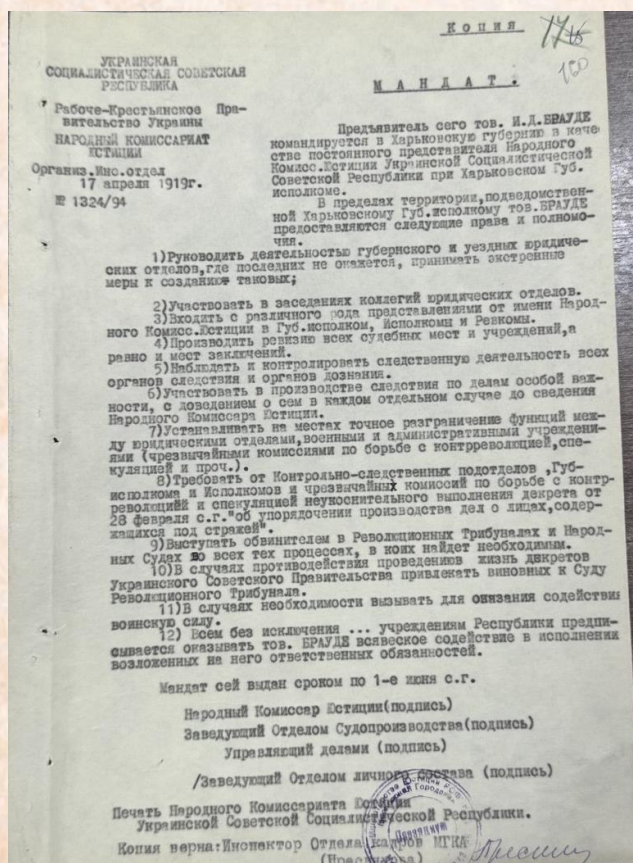
В 1910-1911 годах служил младшим кандидатом на судебной должности в Пензенском и Ашхабадском окружных судах.

С 15 сентября 1911 года трудился помощником у известного присяжного поверенного Якулова Я.Б., а в 1915 году сам стал присяжным поверенным округа

Московской судебной палаты.

После демобилизации работал в различных советских учреждениях по специальности: сначала трудился в ВСНХ заведующим юридическим отделом Бюро Отдела Металла, затем был начальником уголовного розыска на Украине, членом Военного Трибунала группы войск Киевского направления, Верховным следователем УССР, старшим инспектором Особой продовольственной комиссии по снабжению Красного Военного Флота (Опродкомфлот), страшим инспектором армий Сибири по Главному управлению по снабжению продовольствием Красной Армии и Флота (Главснабпродарм), заместителем губпродкомиссара и начальником Упродгуба войск Семипалатинской губернии, начальником военного продовольственного штаба продвойск той же губернии.

Находясь на Украине в 1919 году, принимал участие в подавлении Куреневского восстания и был в составе экспедиции по ликвидации остатков Григорьевских банд на Днепре. Кроме того, в период пребывания в Киеве в 1919 году преподавал на курсах по подготовке советских судебных деятелей.

В 1921 году командовал частями продвойск, а также был уполномоченным Губернского исполкома, Губчека и Губпродкома в Устькаменогорском районе по выполнению особого задания. В 1922 году демобилизовался, и некоторое время служил в Губернском отделе юстиции.

14 июля 1922 года Илья Давидович подал заявление о приеме в Московскую коллегию защитников и после положительного решения был распределен в юридическую консультацию по уголовным делам.

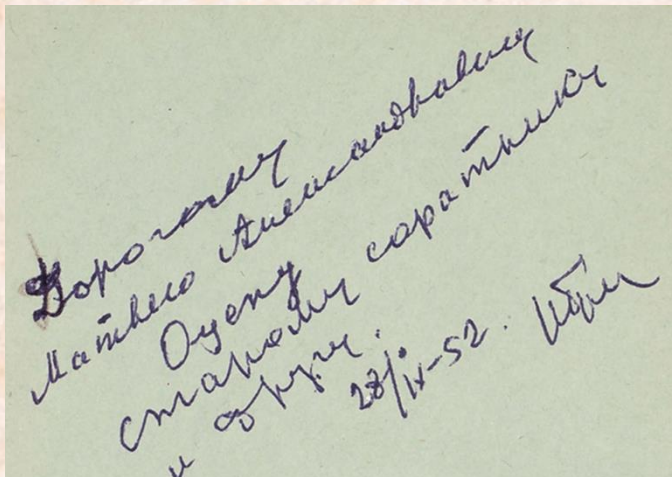
Интересно, что когда Брауде стал уже известным защитником, а его бывший патрон Якулов Я.Б. в 1930 году решил вернуться на работу в адвокатуру, именно Илья Давидович

был одним из тех, кто дал своему учителю рекомендацию: «У Якова Богдановича Якулова с 1910 года я состоял помощником присяжного поверенного и работал под его непосредственным руководством. Он носился по стране, защищая в судебных палатах и военных судах рабочих, крестьян, студентов и профессиональных революционеров ... Смелый и решительный на суде, он пользовался всеобщим уважением среди товарищей и даже судей, невольно отдававших дань мужеству, с которым он отстаивал интересы подзащитных».

Сам Брауде И.Д. стал одним из самых востребованных адвокатов 30-х годов прошлого столетия в СССР. Фактически не было больших судебных процессов в стране, куда бы его не приглашали для участия. Когда в 1952 году ротاپринтным способом была издана книга «Судебные речи адвоката И.Д. Брауде», в неё вошли лишь некоторые его выступления по следующим защитам:

- инженера Куприянова на процессе «Промпартии» (Специальное присутствие Верховного Суда СССР, 1931);
- члена союзного бюро меньшевиков Волкова на процессе «контрреволюционной организации меньшевиков» (Специальное присутствие Верховного Суда СССР, 1931);

Брауде И.Д.

Дарственная надпись Брауде И.Д. на одном из экземпляров книги с его речами, предназначенной его другу, адвокату Оцену М.А.

- английского инженера Торнтона на процессе о вредительстве на электрических станциях (Специальное присутствие Верховного Суда СССР, 1933);

- начальника эксплуатации Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги Князева на процессе «антисоветского троцкистского центра» (Военная коллегия Верховного Суда СССР, 1937);

- доктора Левина на процессе «антисоветского право-троцкистского блока» (Военная коллегия Верховного Суда СССР, 1938);

- Бенья и Ясюковича на процессе «польского подполья в тылу Красной Армии» (Военная коллегия Верховного Суда СССР, 1945);

- Дмитрия Шульца, обвинявшегося в организации антисоветской и изуверской секты, истязаниях и контрреволюционной пропаганде (Московский Губернский суд, 1930);

- профессора Миркина, обвинявшегося в убийстве и расчленении трупы жены (Военный трибунал города Москвы, 1945);

- школьника 10 класса Виктора Аввакумова, обвинявшегося в убийстве своего отца (Московский городской суд, 1949);

- Анатолия Матросова, обвинявшегося в убийстве Анны Подлыткиной (Московский городской суд, 1951);

- Алексея Коржакова, обвинявшегося в покушении на убийство своей жены (1-й участок народного суда Свердловского района г. Москвы, 1952).

В тот же сборник включена речь Брауде И.Д. в качестве гражданского истца на процессе начальника зимовки на острове Врангеля Семенчука и каюра Старцева, обвинявшихся в убийстве доктора Вульфсона (Верховный Суд РСФСР, 1936).

В своих выступлениях Илья Давидович, будучи вынужденным учитывать агрессивно-репрессивную направленность уголовной юстиции того времени, и в зависимости от складывающейся с доказательственной базой ситуации, использовал разную тактику защиты. В отношении англичанина, инженера

Торнтон, он обращал внимание суда на возможность оговора со стороны свидетелей и высказывал сомнения в правильности уголовно-правовой квалификации инкриминированных подзащитному действий. В деле Коржакова просил с учетом смягчающих обстоятельств не применять лишение свободы, и суд к этому прислушался, избрав наказание в виде одного года исправительно-трудовых работ.

Защищая врача Левина, Брауде взывал к милосердию: *«...Все же я говорю, товарищи судьи, ... Левин должен остаться жить, хотя и должен понести тяжчайшее наказание. ... Старый доктор Левин может еще несколько лет, которые остались ему, старику, прожить, попытаться искупить хотя бы частицу своих преступлений помощью страждущему человечеству. Я прошу вас о жизни доктору Левину».*

На процессе Матросова, которого защитник просил оправдать, Илья Давидович довольно жестко критиковал прокурора за то, что тот «подменял отсутствующие улики возникшим в течение этого дела вполне естественным чувством антипатии к моральному облику подсудимого». В деле Миркина находилось место и для иронии над попытками обвинения найти несуществующие доказательства: *«Мы видели как доктора Б. и П. проявляли величайшее рвение в поисках следов в квартире. Какой надеждой озарялись их лица, когда они находили что-либо, похожее на пятная крови! С каким торжеством они вывезли из квартиры стол, на котором якобы расчленялся труп Миркиной... И что же оказалось? ... Подозрительные пятна, увы, не от крови, а от краски».*

Суть дела школьника Аввакумова заключалась в том, что он, находясь в состоянии острого душевного волнения, явившегося результатом длительных травмирующих переживаний, вызванных систематическим насилием и тяжкими оскорблениями со стороны отца по отношению к нему, его матери и сестре, 28 ноября 1948 года у себя на квартире тремя выстрелами из охотничьего ружья убил своего отца. Здесь, выступая в прениях, Брауде И.Д. зачитывал судьям стихи юноши, в которых тот описывал регулярно происходившее в семье:

Вспомнить страшно эту сцену,
Мать свалил отец в кровать,
(Мама стукнулась о стенку),
Он же кабур расстегать.

И если городской суд приговорил обвиняемого к трем годам лишения свободы, то по кассационной жалобе адвоката Брауде И.Д. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор изменила, постановив лишение свободы считать условным с испытательным сроком в течение трех лет.

Брауде И.Д.

И когда в 1956 году под редакцией профессора Строговича М.С. состоялся выпуск сборника «Защитительные речи советских адвокатов», первой в нем была размещена речь члена МГКА Брауде И.Д. по делу школьника Аввакумова.

Следует отметить, что несмотря на успешность Ильи Давидовича в профессиональной деятельности, не все в его жизни складывалось гладко. В 1937 году был репрессирован его младший брат Владимир, сгинувший затем в лагерях. Единственный сын Брауде И.Д. – Михаил, служивший в Красной Армии, погиб в 1941 году в первые дни боев на Западном фронте.

После начала Великой Отечественной войны Илья Давидович эвакуировался сначала в Казань, где поработал начальником юридического отдела одного из заводов, а затем переехал в Алма-Ату и стал членом, а позже заместителем председателя местной коллегии адвокатов. В этой связи Президиумом Алма-Атинской областной коллегии адвокатов была выдана справка от 31 декабря 1942 года, удостоверявшая, что за время пребывания в указанной коллегии тов. Брауде выступал в наиболее ответственных, проходивших в г. Алма-Ата судебных процессах, провел большую работу по поднятию морально-политического уровня и квалификации среди адвокатов. По путевкам партийных организаций и заданиям Президиума Коллегии прочел 41 лекцию на различные актуальные темы в воинских частях, госпиталях, политотделах, перед работниками НКВД, прокуратуры, Наркомюста, врачами и студентами. При этом «Лекции тов. Брауде проходили с большим успехом и привлекали большое количество слушателей».

В январе 1943 года Брауде И.Д. вернулся в Москву и снова стал работать в МГКА. Одновременно с адвокатской деятельностью он часто выступал лектором в Центральном доме Красной Армии и в Наркомате обороны СССР.

В июне 1944 года в Московском Государственном юридическом институте Илья Давидович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы судебно-психиатрической экспертизы в уголовно-судебной практике советского суда».

Брауде И.Д. являлся автором ряда статей по правовой тематике, также им написана книга «В уголовном суде: Из записок защитника 1922—1927 г.», которая несколько раз переиздавалась.

В характеристике Брауде И.Д. от 3 мая 1952 года указано, что он неоднократно избирался членом Президиума МГКА, является высококвалифицированным юристом, руководит участком работы со стажерами и молодыми адвокатами. В первом квартале 1952 года провел защиту по 28 уголовным делам.

Брауде И.Д.

7 февраля 1934 года за активное участие в работе секции революционной законности Московского Совета Брауде награжден Почетной грамотой Моссовета. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1945 года за успешную работу по укреплению законности награжден Орденом «Знак Почета». Кроме того, ему вручены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг» и «В память 800-летия Москвы».

Постановлением Совета Министров РСФСР в 1950 году Илье Давидовичу была пожизненно назначена пенсия республиканского значения.

Имя Брауде И.Д. занесено в Книгу Почета МГКА.

Умер Брауде Илья Давидович 28 марта 1955 года в Москве и похоронен на Введенском кладбище.

Брауде И.Д.

**Коммодов Николай
Васильевич**

родился 13 марта 1884 года в семье сельского дьякона. Первоначальное образование получил в сельской школе, затем продолжил учиться в духовной семинарии. Некоторое время работал сельским народным учителем.

В 1910 году окончил юридический факультет Московского университета и в том же году стал помощником присяжного поверенного. С 1915 года – присяжный поверенный.

После Октябрьской революции служил комиссаром Замоскворецкого участка, тюремным экспертом, товарищем председателя 1-го Совета 1-й Комиссии правозаступников,

управляющим делами Главмолока, заведующим отделом правовой защиты детей Московского отдела народного образования (МОНО).

26 июля 1922 года Николай Васильевич направил в Московский отдел юстиции заявление с просьбой зачислить его в члены Коллегии защитников. При этом указал, что ранее состоял членом Коллегии правозаступников 1-го состава; в период с 1919 по 1921 годы работал в государственных учреждениях, а также состоял преподавателем трудовой школы.

В анкете, составленной Коммодовым Н.В. 29 июля 1922 года, обязательно заполнявшейся лицами, желавшими стать членами коллегий защитников (ЧКЗ) при Московском губернском отделе юстиции, он написал, что был присяжным поверенным округа Московской судебной палаты; состоял членом консультации; членом кружка защитников по выездным сессиям, а также кружка защитников по политическим процессам.

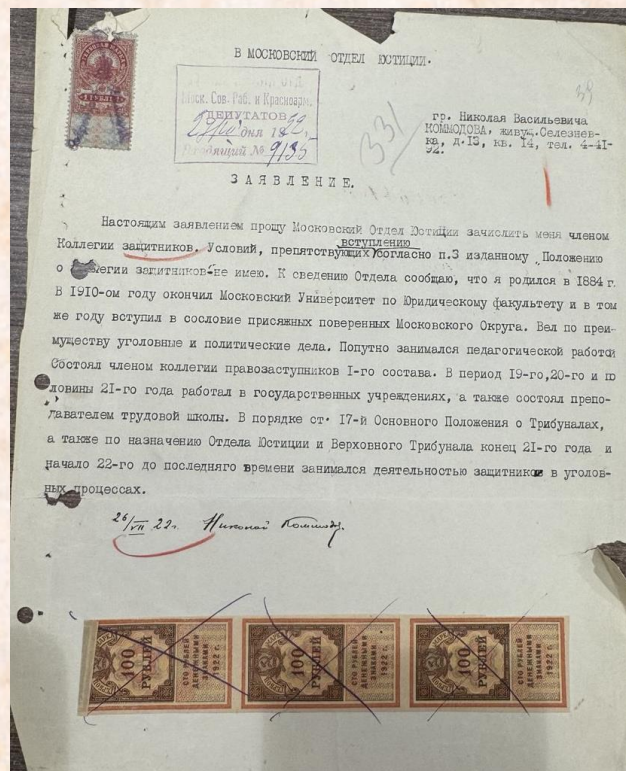
Подтверждение участия Николая Васильевича в дореволюционных кружках молодых адвокатов можно найти в книге Мандельштама «1905 год в политических процессах. Записки защитника» (Москва, 1931), где он говорит о приходящей на смену молодежи, и среди фамилий людей, пополнявших ряды корпорации, называет Коммодова, Оцепа, братьев Якуловых, Овчинникова, Лидова, Духовцева и нескольких других.

Возвращаясь к содержанию анкеты, отметим запись, что её составитель в порядке ст. 17 Основного Положения о Трибуналах¹⁴ выступал по личному доверию во всех судах РСФСР (процессы Ольденборгера, Москвотопа, рабочих на Урале, Расцветова, процесс Церковников, дело «Парафина», дело Перхурова, дело Донской Повстанческой армии, и целый ряд других).

Рекомендовавшими Коммодова Н.В. и подтвердившими правильность записанных им в анкету данных, значатся члены коллегии Оцеп М.А., Рязанский А.М. и Рубинштейн Д.Б.

Среди иных документов, хранящихся в деле Коммодова Н.М., можно выделить копию справки за подписью Председателя Военной коллегии Верховного Суда РСФСР Ульриха В.В. от 8 декабря 1929 года, в которой сказано, что Коммодов Н.В., начиная с 1922 года, неоднократно выступал защитником в политических процессах, рассматривавшихся Военной коллегией. При этом, отметил автор документа, «Как методы защиты, так и содержание речей Н. Коммодова давали мне возможность считать его советским защитником, чуждым юридического крючкотворства».

Заметим, что тот же Ульрих В.В., возглавляя Специальное присутствие Верховного Суда СССР, рассматривал «Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР», слушавшееся 16 - 19 апреля 1933 года. Обвинение поддерживали прокурор РСФСР Вышинский А.Я. и его заместитель Рогинский Г.К. В числе 18-ти подсудимых было несколько иностранных специалистов. Адвокат Коммодов Н.В. защищал английского подданного Аллана Монкгауза – инженера, представителя крупной машиностроительной фирмы «Метрополитен Веккерс», обвинявшегося в шпионаже, вредительстве и взяточничестве.

¹⁴ Имеется в виду ст. 17 Положения «О революционных трибуналах», принятого Декретом ВЦИК от 12 апреля 1919 года: Допущение к участию в деле обвинителей и защитников всецело зависит от Трибунала и разрешается в Распорядительном заседании. Защитники допускаются только из Коллегии обвинителей и защитников при Советах, образуемой порядком, указанным в Положении о Едином Народном Суде.

Из опубликованного затем официального стенографического отчета о процессе хорошо видна тактика, которую избрал Николай Васильевич для защиты своего доверителя, реализовавшейся в непростых условиях явного и жесткого конфликта интересов с другими обвиняемыми. В первую очередь, это был тщательный анализ доказательств, включая прозвучавшие на суде показания с демонстрацией всех противоречий и объективных сомнений.

Выступая в прениях сторон, Коммодов говорил:

- Таким образом, получается, что из всех тех вредителей, которые являлись живыми проводниками на местах тяжелых преступлений, мы не видим ни одного, который бы дал показание против Монкгауза;

- Но если сделать худший вывод из того, что говорил О., то и тогда мы будем иметь дело с коммерческой недобросовестностью, а не с уголовным, или контрреволюционным преступлением, подобным тому, которое мы сейчас разбираем;

- Против Монкгауза нет этих улик, но зато есть близость большая к уличаемому Т-ну. Вот что меня заставляет опасаться за возможную небольшую ошибку в оценке действий Монкгауза, за возможную спутанность впечатлений. Это будет большая несправедливость...

Завершал выступление Коммодов Н.В. так: *«Вот соображения, которые я хотел бы привести в защиту Монкгауза. Его дело очень сложное, улики серьезные, хотя и спорные. Это заставляет меня, как защитника, поставить перед вами вопрос о доказанности самого факта совершения преступления и я уверен, что вы на него ответите со всей тщательностью и осторожностью, которые присущи нашему суду. Ваш ответ отразит ту правду, которая родится в результате наших судебных прений, и в результате рассмотрения всего материала, который имеется по настоящему делу».*

Судя по вынесенному обвинительному приговору, доводы защитника суд услышал и с ними отчасти согласился, отметив, что Монкгауз не принимал непосредственного участия в авариях на электростанциях, а поэтому его надлежит (в отличие от тех, кто получил реальное лишение свободы на срок до 10 лет) «удалить из пределов СССР с запрещением въезда в СССР сроком на пять лет».

В качестве члена коллегии защитников Коммодов занимался самыми разными делами. Так, в 1929 году осталась без крова и была лишена хлебных карточек дочь знаменитой актрисы Ермоловой – Маргарита Николаевна. Коммодов взялся представлять её интересы, в результате чего пострадавшая женщина была восстановлена в правах и ей назначена персональная пенсия, а затем власти предоставили четырехкомнатную квартиру.

О востребованности Николая Васильевича на самых известных процессах 20-х и 30-х годов прошлого столетия говорит перечисление лишь небольшой части проведенных им защит. Это дело членов партии социалистов - революционеров, судилище над которыми все адвокаты – правозаступники покинули в знак протеста против явной профанации правосудия, больше похожей на неприкрытую расправу (Верховный Революционный Трибунал, 8 июня – 7 августа 1922 года)¹⁵. Процесс «Союзного бюро меньшевиков» (Специальное присутствие Верховного Суда СССР, 1 – 9 марта 1931 года). Дело об убийстве зимовщика — врача-общественника Вульфсона, в котором обвинялись Семенчук К.Д. и Старцев С.П. по статье о бандитизме (Верховный суд РСФСР, 17–23 мая 1936 года); дело «Антисоветского троцкистского центра» (Военная коллегия Верховного суда Союза ССР, 23–30 января 1937 года), судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории г. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации (Верховный Трибунал 4-го Украинского фронта, 15 – 19 декабря 1944 года); «Бухаринско-троцкистский процесс» (Верховный Суд СССР, 2 -13 марта 1938 года).

В последнем из приведенных случаев привлекался к ответственности 21 подсудимый, среди которых были известные государственные деятели Рыков А.И. и Бухарин Н.А., глава НКВД Ягода Г.Г. Последний обвинялся в организации убийств Кирова С.М., Менжинского В.Р., Куйбышева В.В., Пешкова М.А., для чего, по версии следствия, понадобилась помощь врачей Левина Л.Г., Казакова И.Н. и Плетнева Д.Д. Докторов защищали адвокаты Коммодов Н.В. и Брауде И.В.

В типичных для того времени речах защитников, выступавших на политических процессах, непременно говорилось о негодовании всего советского общества от неслыханных злодеяний, а также делались вынужденные реверансы в сторону «бдительных органов», раскрывших заговор, и гособвинителей, предъявивших убедительные доказательства. Но даже здесь у адвокатов находилась возможность просить о снисхождении к своим подопечным, как это сделал Николай Васильевич в данном случае.

Чтобы не быть голословными, приведем с небольшими сокращениями цитату из завершающей части его выступления в прениях сторон на «троцкистском» процессе:

«Мы верим, товарищи судьи, что вы учтете наши доводы защиты и, несмотря на ряд кошмарных, неслыханных, чудовищных преступлений

¹⁵ Стецовский Ю.И. в книге «Адвокатура и государство» (М., 2007) назвал происшедшее одной из ярких страниц советской антиюстиции и судебной расправой.

Плетнева, Казакова и Левина, найдете возможным сохранить им жизнь. И если им суждено жить после вашего приговора, то пусть они помнят слова одного деятеля Великой французской революции, который сказал: "милосердие тоже может быть оскорблено, если оно дается недостойным". Их задача заключается в том, чтобы остатком жизни своей доказать, что они достойны были того милосердия, которое вы им оказали. Они признали себя виновными. Они говорили: "Мы раскаиваемся". И я верю им, товарищи судьи. Горе не носит маски.

... Я сказал, что задача, которая стоит перед ними, если им суждено жить, доказать, что они достойны милосердия, им оказанного. Как это сделать? Нужно забыть себя и отдать все то, что они имеют, в смысле знания, опыта, практики, теории, той родине, которую они предавали. А отдать им есть что. 40 лет врачебной, клинической, профессорской, педагогической деятельности Плетнева составили у него большой багаж знания и он работоспособен, он даже в тюрьме работал над своими научными трудами. Казаков имеет медицинское, химическое, агрономическое образование. 30 лет исследовательской работы несомненно обогатили Казакова, и это богатство он должен передать другим. Все без остатка они должны отдать родине. Это наказ им их защиты, если им суждено жить. А к вам, товарищи судьи, я обращаюсь с единственной просьбой - сохранить им жизнь».

В этом деле суд призывы Коммодова Н.В. не услышал: почти все подсудимые, включая двух врачей, были приговорены к смертной казни. Однако даже в эти тяжелые времена бывали успехи, в том числе благодаря широкой узнаваемости Николая Васильевича как адвоката с отличной репутацией и общесоюзной известностью, лично знакомого со многими первыми лицами органов прокуратуры и судебной системы.

Известен случай, когда он прибыл в провинцию и столкнулся с некоторым «своеобразием» местного правотворчества, явно не соответствовавшего предписаниям законодательства. Тогда Коммодов заявил, что оставляет за собой право по приезду в Москву доложить непосредственно народному комиссару юстиции о странных нововведениях в городском суде. Председатель сник. Подсудимому вынесли оправдательный приговор, на чем и настаивал в своей речи защитник. И далее к тексту описания данного эпизода следует бесценная ремарка, очень наглядно говорящая о результатах работы адвоката Коммодова Н.В., стремившегося в силу своих возможностей помочь подзащитным: «Взглядом не окинуть всех, кого он выручил, вызволил, спас»¹⁶.

¹⁶ Любимов Н.В. Неувядаемый цвет: книга воспоминаний. – М., 2025. С. 156.

Вероятно, именно широкая известность Коммодова и его участие в делах с политической окраской уберегли его самого от репрессий, несмотря на то, что такая опасность приближалась, и не однажды, к нему вплотную.

Из ставших уже в наши дни известными материалов уголовного дела группы «общественников» ЧКЗ из московской коллегии, бывших присяжных поверенных, будто бы противопоставлявших себя молодым адвокатам, приверженным идеям осуществления нового советского правосудия, следует, что часть лиц, дававших «признательные» показания, прямо указывали на Коммодова как на участника сговора, квалифицированного затем органами ОГПУ как «спаянная» контрреволюционная группировка. Её целью якобы было вредительство, направленное к срыву проводимых в Московской коллегии защитников намеченных партией и советской властью мероприятий и реформ.

О Коммодове говорилось, что он дал заговорщикам согласие войти в организацию, участвовал в её работе, в том числе на конспиративных встречах¹⁷. Однако, несмотря на это, в «заключении», составленном по результатам проводившегося с августа по декабрь 1930 года следствия, упоминание фамилии Коммодова отсутствует. И даже указание намного позже, на допросе 15 июля 1938 года по другому «адвокатскому» делу - об «антисоветской кадетско-меньшевистской организации, ставившей своей целью свержение советской власти» (обвиняемые Малянтович, Мандельштам, Денике, и др.) - арестованным Тагером А.С. о якобы согласии Николая Васильевича на вхождение в эту организацию, к негативным последствиям не привело¹⁸, чего нельзя сказать об остальных его коллегах, расстрелянных или отправленных в лагеря...

Вернемся теперь к адвокатской деятельности Коммодова Н.В.

Вот как описывали внешний облик Николая Васильевича знавшие его люди, переходя от первого визуального впечатления к акцентам на его ораторских способностях: грузноватый бонвиан¹⁹ с лукавинкой в пронизательных глазах, поражавший самобытностью своего находчивого ума, не рассыпавшийся в речах цветов адвокатского красноречия, презиравший патетические штампы и фиоритуры²⁰, действовавший на слушателей несокрушимым спокойствием уверенного в своей правоте человека с неумолимой логикой²¹.

¹⁷ Дела репрессированных московских адвокатов. – М., 2020. С. 127, 136, 139, 143, 144.

¹⁸ Там же. С. 335.

¹⁹ Слово образовано от французского *bon vivant*, что означает «хорошо живущий».

²⁰ Музыкальный прием, направленный на придание мелодий большей пышности и виртуозности.

²¹ Любимов Н.В. Указ. работа. С. 157

Интересны воспоминания о герое нашего очерка, оставленные московским адвокатом Белозором Н.Г., пришедшим в МГКА в 1939 году:

«Коммодов был присяжным поверенным еще до революции. Я его слышал, к сожалению, лишь в кассационной инстанции Верховного суда РСФСР, где

председествовал известный в то время Сольц. Коммодов поддерживал свою кассационную жалобу в защиту лица, совершившего крупное хозяйственное преступление. Облокотившись на стол судебной коллегии (что было явно рискованно при таком строгом председательствующем, как Сольц), Коммодов тихо, монотонно доказывал необходимость отмены приговора за неполнотой исследования дела. Вначале речь его не произвела на меня впечатление, и я уже собрался уйти, как вдруг, спавший во время выступления адвоката Сольц, неожиданно проснулся и сделал замечание Коммодову по поводу неправильной ссылки на показания одного из свидетелей по делу. Видимо Сольц был прав, так как Коммодов тут же исправил положение и так же спокойно продолжал свою речь. После этого все оживилось, и я стал более внимательно его слушать. Речь Коммодова напоминала журчание ручейка, который незаметно, но упорно размывает грунт - в данном случае основание обвинения. Владея прекрасным русским языком, железной логикой, он шаг за шагом разбивал доводы обвинителя и добился своего - приговор был изменен в пользу его подзащитного. К концу выступления Коммодова я уже был очарован его блестящим ораторским искусством и необычным даром внушения».

Уже после смерти Николая Васильевича, случившейся 14 июня 1947 года, вышла в свет работа авторитетных ученых Строговича М.С., Голякова И.Т., Трайнина А.Н. под названием «Защита по уголовным делам». В ней маститые ученые высоко отзываются о Коммодове Н.В., мужественно и принципиально отстаивавшем свою защитительную позицию перед судом, несмотря на то, что его процессуальным оппонентом выступал одиозный гособвинитель Вышинский А.Я. Речь идет об уже упоминавшемся выше процессе Семенчука и Старцева, где в прениях Николай Васильевич выступал против версии обвинения: «Я противопоставляю одно – тот ряд глубоких сомнений, которые ... не оставили

Коммодов Н.В.

меня и после того, как я выслушал обвинительные речи. Я противопоставляю ряд этих сомнений, как предостережение против возможной судебной ошибки»²².

Интересно, что такие же сомнения в правосудности вынесенного обвинительного приговора высказал намного позже известный криминалист, доктор юридических наук Ларин А.М.²³

Остается только сказать, что с 1922 года по день смерти в 1947 году Коммодов Н.В. состоял в МГКА. Неоднократно избирался в состав Президиума Коллегии.

За заслуги в адвокатской деятельности в 1945 году награжден орденом «Знак Почета». Имя Николая Васильевича Коммодова занесено в Книгу Почета МГКА постановлением от 4 мая 1972 года.

²² Защита по уголовным делам / под ред. проф. Голякова И.Т. – М., 1948. С. 130.

²³ Ларин А.М. О «судебный убийствах» / Человек и закон. 1988, № 11.

Оцен Матвей Александрович

родился 5 июля 1884 года в Москве.

В 1902 году окончил реальное училище. Состоял на военной службе в 1903-1904 годах в чине рядового-вольноопределяющегося. В 1906 году выехал в Швейцарию, где в городе Лозанне поступил на медицинский факультет университета, проучившись там три семестра. В 1907 году вернулся в Россию и поступил на юридический факультет Московского университета, окончив его в 1910 году.

В мае 1910 года был принят в качестве помощника присяжного поверенного в московскую адвокатуру, где и проработал до революции 1917 года.

В личном деле Оцера М.А. имеется справка с перечислением процессов, в которых он участвовал в качестве защитника до 1917 года, это дела: о богохульстве; о толстовцах, судимых за отказ от воинской повинности по религиозным убеждениям; о побеге политических и уголовных заключенных из Бутырской тюрьмы в 1913 году (Вроблевский, Канаки и др.); члена польской социал-демократической организации Ольшевского; об организации «бунда» (защита Виленского); польских анархистов-мстителей в городе Лодзе.

В первые годы советской власти принимал участие в ряде процессов по назначению Московского Совета коллегии правозаступников: о самоубийстве инженера Ольденбургера, по делу о провокаторе Романе Малиновском, о злоупотреблениях председателя Контрольно-ревизионной коллегии ВЧК Косарева, по делу провокатора Окладского, в деле финских коммунистов (защита Пааси, Хеглунда, Элоранта), и ряде других.

Оцен 27 июля 1922 года подал заявление в отдел юстиции Московского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов о вступлении в Коллегию защитников. Его рекомендовали Коммодов Н.В., Ряжский А.М. и Фельдман Л.М.

В анкете ЧКЗ, составленной в августе 1922 года, Матвей Александрович указал, что в 1921-1922 годах работал в качестве члена Завкома профсоюза деревообделочников. При поступлении в адвокатуру он представил вместе с анкетой «Краткое жизнеописание», где, в частности, указал, что участвовал в ряде политических процессов в последние годы перед Революцией, в начальный период Октябрьской революции состоял членом первой «Коллегии

Оцен М.А.

правозаступников». Затем, с 1920 по 1922 годы работал по административно-юридической части в Госконтроле и производственном участке Московского топливного комитета (Москвотоп), являлся консультантом по юридическим и тарифным вопросам. В то же время, по приглашению Отдела юстиции руководил практическими занятиями по уголовному процессу на курсах народных судей. Читал теорию и практику расследования преступлений на курсах при Уголовном розыске и районных курсах милиции.

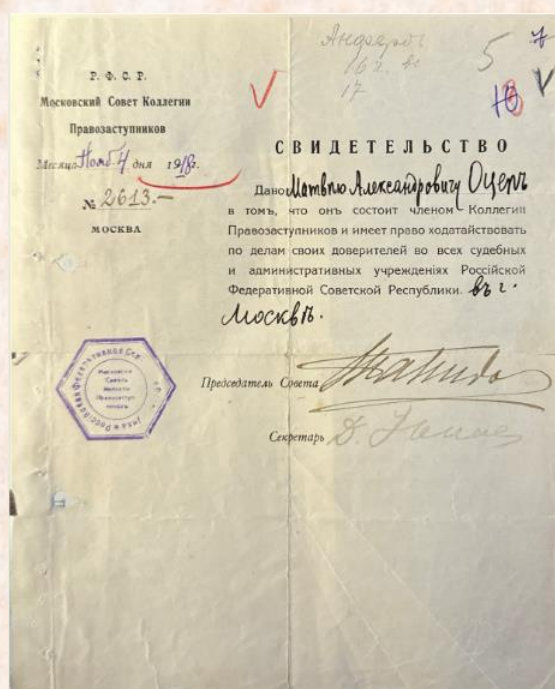
Вступив в Московскую коллегию защитников в 1924 году, неоднократно участвовал в больших политических процессах, в том числе: процесс ЦК правых эсеров (1922 год), процесс германских фашистов - Дитмара, Волита и Киндермана (1925 год), Шахтинский процесс - защита немецкого инженера Отто и советского инженера Рабиновича (1927 год), дело Промпартии - защита инженера Ситнина (1930 год), дело польского подполья в тылу Красной армии - защита Звежинского (1945 год).

В январе 1926 года Президиум Московской губернской коллегии защитников направил Оцепа М.А. в качестве своего постоянного представителя в Государственный институт по изучению преступности и преступника при НКВД. Он также являлся научным сотрудником секции судебно-карательного права Института советского права.

В 1929 году Матвей Александрович был прикреплен для работы к 1-й Объединенной консультации, расположенной по адресу: Камергерский переулок, д. 4. В апреле 1930 года направлен для работы в Замоскворецкую консультацию, располагавшуюся в помещениях Верхних торговых рядов ГУМа.

Специализацией Оцепа М.А. были уголовные дела, по которым он приобрел большой опыт и считался одним из самых авторитетных и квалифицированных защитников. Это, однако, не исключало проблем, периодически возникавших в его практической деятельности.

К примеру, с мая по октябрь 1929 года проходил так называемый «Астраханский процесс» в отношении 129 подсудимых, кому инкриминировалась экономическая контрреволюция, в основе которой, по версии обвинения, лежало взяточничество и неуплата налогов.

Оцеп М.А.

После вынесения приговора в Президиум Московской коллегии защитников поступила жалоба на адвокатов Коммодова, Батя, Северина, Стрелкова, Эльштейна и Оцепа, суть которой сводилась к тому, что они не соглашались с квалификацией содеянного, тем самым «искажая закон и линию правительства в отношении рыбного хозяйства»; адвокаты защищали своих клиентов как по соглашениям, так и по назначению, причем за время разбирательства перераспределение назначений происходило трижды; различным было отношение к защите по соглашению и по назначению; со стороны защитников допускались ошибки; в их работе можно было усмотреть антиобщественный характер.

На основании этой информации Президиум Коллегии защитников 31 декабря 1929 года наложил на указанных адвокатов дисциплинарные взыскания, в том числе отстранение от работы.

После этого Оцеп М.А. обратился с письменным заявлением к выступавшему на данном процессе государственному обвинителю – помощнику прокурора РСФСР Фридбергу В.И. с просьбой ответить на несколько вопросов, что тот и сделал в письме от 27 января 1930 года. Фридберг сообщил, что, по его мнению, ЧКЗ Оцеп добросовестно выполнял свои обязанности перед судом, одновременная защита по соглашениям и по назначению была обусловлена очень большим количеством подсудимых. Объясняя возникающие жалобы на адвокатов, прокурор указывал: *«Понятно, что защита в таком процессе, как Астраханский, чрезвычайно трудна и сложна и вообще защита классовых врагов в эпоху самого беспощадного на них наступления и разгрома вряд-ли может удовлетворить широкие общественные массы».*

Получив ответ на поставленные вопросы, Оцеп М.А. и его коллеги обратились в Президиум Московского городского окружного суда, который своим постановлением от 28 февраля 1930 года, приняв во внимание заявление помощника прокурора РСФСР Фридберга, отменил решение Президиума Коллегии защитников о наложении дисциплинарных взысканий, после чего Матвей Александрович был вновь допущен к работе в качестве ЧКЗ.

Следующий случай связан с тем, что в 1934 году в Московском городском суде рассматривалось уголовное дело о доведении до самоубийства г-ки Заходер, подвергшейся травле со стороны сослуживцев, в том числе и на национальной почве. Двух основных обвиняемых – Кривандину и Вишневскую – защищал Оцеп М.А. После того как состоялся обвинительный приговор, некто журналист Романовский, присутствовавший на суде, направил гневное письмо в адрес журнала «Социалистическая законность» - печатного органа Прокуратуры СССР, с требованием принять меры к Оцепу в связи с его неправильным поведением.

Романовский ставил в вину защитнику его предположение, что покойная на самом деле только хотела симулировать самоубийство, что нереально, по мнению автора жалобы, поскольку та была активисткой, ударницей и общественницей. Другой упрек состоял в том, что Оцеп М.А. пытался подменить собою судебно-психиатрическую экспертизу, приводя цитаты из авторитетнейших психиатров, к которым, «несколько в разрезе с точки зрения марксистской психиатрии», причислил Фрейда. *«Эти квази-научные экскурсии гр-на Оцепа в область психиатрии преследовали определенную цель – выхолостить социально-политическое содержание дела, свести его к обывательской склоке и спасти таким образом своих подзащитных. Так, гр-н Оцеп из помощника советской юстиции, превратился в ее врага».*

Наконец, касаясь национальной принадлежности потерпевшей, говорилось в письме, адвокат, по сути, выступил в защиту антисемитизма.

Обращаясь в журнал, Романовский писал, что возбужденный им вопрос заслуживает внимания не только читателей, но и соответствующих органов, «ведующих постановкой дела защиты в Советских Судах, и обязанных пресекать попытки столь недопустимого использования судебной трибуны».

Данное письмо попало к заместителю Прокурора СССР Вышинскому А.Я., который сделал предписание председателю Президиума МОКЗ Фейгельсону обсудить данный вопрос на Президиуме и в последующем его уведомить.

По итогам разбирательства Президиум 27 июня 1934 года вынес определение, из которого следует, что для рассмотрения существа письма Романовского были получены объяснения Оцепа М.А., дважды проводились встречи с председательствовавшим на процессе членом городского суда тов. Киреевой, состоялась беседа с государственным обвинителем Прохоровым, а также был опрошен ряд лиц, присутствовавших во время судебного разбирательства. Кроме того, Президиум *«провел широкое производственное совещание, на котором были подвергнуты всестороннему обсуждению все вопросы, затронутые в письме Романовского и методы защиты тов. Оцепа по указанному делу».*

В результате Президиум пришел к выводу, что в целом избранная Оцепом тактика защиты имела право на существование. Он проанализировал данные о личности потерпевшей, включая аспекты психиатрического характера. В условиях, когда суд отказал в назначении судебно-психиатрической экспертизы, защитник вправе был доказывать отстаиваемые им тезисы ссылками на труды ученых. Кроме того, адвокат Оцеп имел основания в данном конкретном деле доказывать отсутствие антисемитских мотивов у его подзащитных. Однако при этом методологически было неправильно преподносить вопрос о болезненной национальной мнительности «в форме общей декларации, превратив его как бы

Оцеп М.А.

в большую посылку силлогизма, а затем из этой посылки уже дедуктивным сделать вывод о наличии травмы о покойной». Бесспорно и то, что защитник вправе был развивать мысль о симуляции самоубийства, но такая смелая постановка вопроса должна быть обоснована серьезными фактами и солидными аргументами...

Подходя к резолютивной части своего решения, Президиум указал: в настоящий период особо суровые требования в области качества защиты должны быть предъявлены к наиболее квалифицированным ЧКЗ, к которым бесспорно принадлежит защитник Оцеп. Вместе с тем, Президиум, учитывает его долголетнюю и полезную деятельность в качестве советского защитника, отмечая исключительную тщательность разработки настоящего дела. На основании всего вышеизложенного, Оцепу М.А. делается указание на допущенные им ошибки в защите по делу Кривандиной и других.

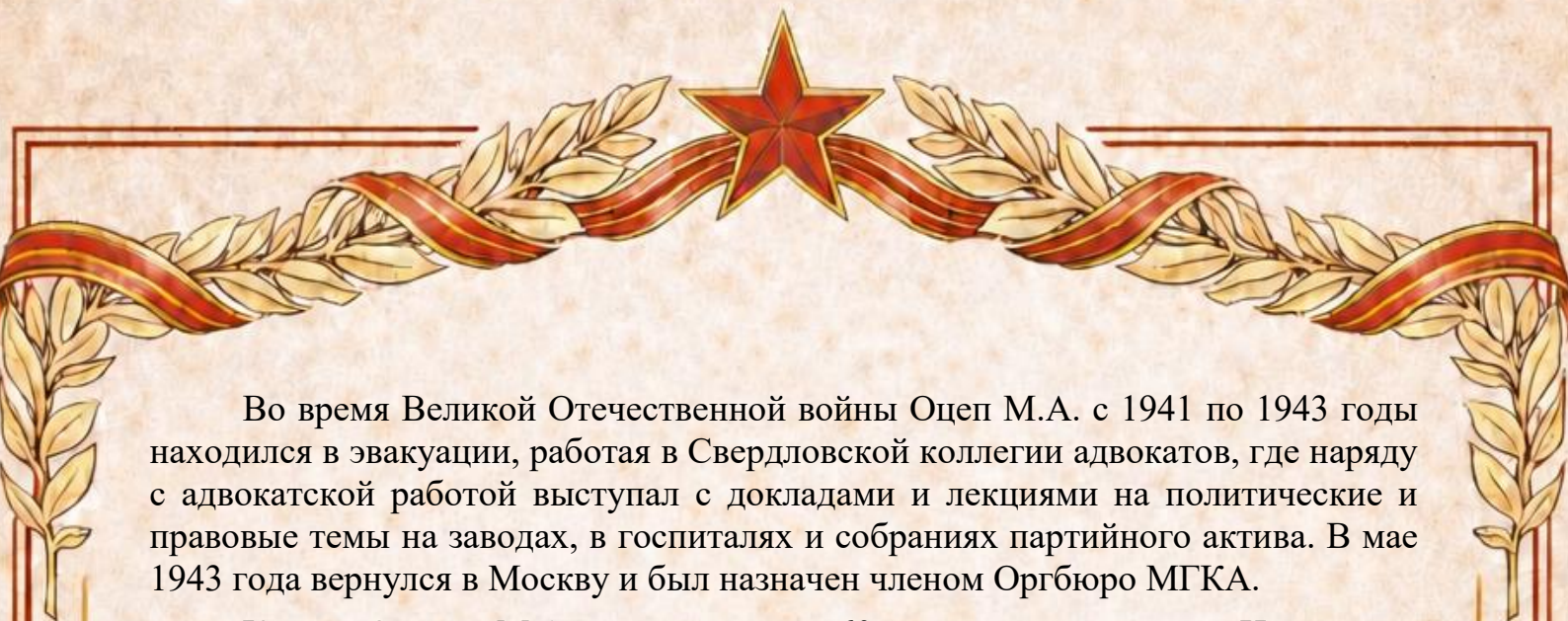
Приведем еще один эпизод, касающийся ситуаций, в которые приходилось попадать Матвею Александровичу.

21 ноября 1930 года Оцеп отправил в Президиум Московской коллегии защитников заявление о том, что он, будучи назначенным защитником по делу «Промпартии», не имеет возможности участвовать в процессе как по причине болезни, так и из-за опубликованной в газете «Вечерняя Москва» за 20 ноября 1930 года резолюции Президиума. Вскоре после этого, 23 ноября 1930 года, Оцеп М.А. направил в тот же Президиум более подробное заявление, где указал следующее: «Вечерняя Москва» изложила резолюцию, где, в частности, было сказано: *«Президиум Московской Коллегии Защитников и районные коллективы ... настаивают на применении высшей меры социальной защиты ко всем контр-революционерам»*.

В этой связи Оцеп М.А. обратился к Председателю Специального присутствия Вышинскому А.Я., который разъяснил, что резолюция Президиума в приведенной части необязательна и не может быть обязательной для адвоката, назначенного в процесс «Промпартии» для защиты конкретных обвиняемых, и что по этому поводу будет дано соответствующее указание в Президиум Коллегии Защитников. Этот подход согласован с Прокурором Республики Крыленко, выступающим в процессе обвинителем.

В завершение своего обращения Оцеп М.А. указал: *«Считаю нужным заявить, что при отпадении принципиального препятствия к моему участию в процессе я с сего 22/XI вступил в процесс «Промпартии» в качестве защитника обвиняемого Ситнина»*. При этом Матвей Александрович полагал правильным вынесение Президиумом Коллегии защитников специального постановления об отношении к резолюции, напечатанной в «Вечерней Москве» в ранее процитированной части.

Оцеп М.А.

Во время Великой Отечественной войны Оцеп М.А. с 1941 по 1943 годы находился в эвакуации, работая в Свердловской коллегии адвокатов, где наряду с адвокатской работой выступал с докладами и лекциями на политические и правовые темы на заводах, в госпиталях и собраниях партийного актива. В мае 1943 года вернулся в Москву и был назначен членом Оргбюро МГКА.

Когда Оцепу М.А. исполнилось 60 лет, приказом по Народному комиссариату юстиции РСФСР № 265 от 4 июля 1944 года ему была объявлена Благодарность за многолетнюю и плодотворную работу в рядах адвокатуры. Отмечая этот юбилей, а также 35-ю годовщину адвокатской деятельности Оцепа М.А., Президиум МГКА в поздравительном адресе указал: *«В Вашем лице мы видим одного из выдающихся адвокатов страны, в котором всесторонняя эрудиция сочетается с высокой принципиальностью...Будучи представителем лучших традиций адвокатуры, крайне требовательным к себе, Вы ревностно стояли на охране чести, достоинства и авторитета советского адвоката, являясь неизменно одним из безупречных носителей этого звания».*

В августе 1951 года в Министерство юстиции СССР на имя министра Горшенина К.П. поступило письмо от гражданки Многосмысловой, в котором она выражала свое восхищение адвокатом Центральной Юридической Консультации тов. Оцепом Матвеем Александровичем, которой около двух лет ведет дело ее мужа. Автор письма находит его чрезвычайно чутким и отзывчивым человеком. Несмотря на свой довольно солидный возраст, этот адвокат обладает необыкновенно ясным умом и свежей памятью. Имея очень большую клиентуру, тов. Оцеп при разговоре с ним немедленно дает обстоятельные ответы на все вопросы.

Другие его клиенты также восхищаются редкостными качествами Оцепа. Его знают как высококвалифицированного специалиста, исключительно бескорыстного и принципиального представителя социалистической законности. Дело своего подзащитного тов. Оцеп всегда доводит до конца от начальной, и когда это бывает необходимо, до высшей судебной инстанции. Сам лично следит за его движением с чувством глубокой ответственности за порученное ему дело охраны прав советского человека.

«Разрешите мне тов. Горшенин, - пишет в конце своего письма Многосмыслова, - поблагодарить вас за такого адвоката и пожелать Вам, чтобы в Вашей системе – стоящей на страже справедливости – иметь как можно больше адвокатов – ОЦЕПОВ».

В служебной характеристике от 30 ноября 1951 года в числе прочего указано, что Матвей Александрович эрудирован в области уголовного права и процесса и смежных с ними наук. В свою адвокатскую работу вносит элементы научности, затрагивая и разрабатывая при проведении конкретной защиты ряд

Оцеп М.А.

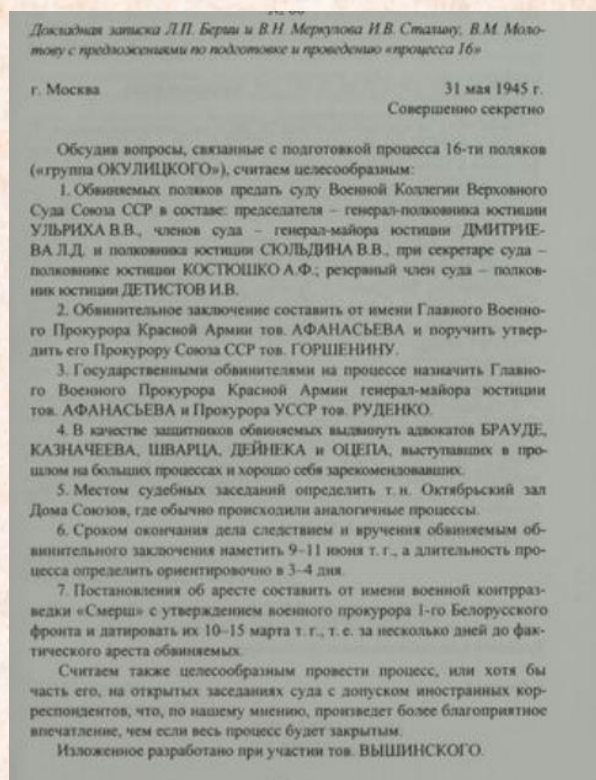
теоретических и практических вопросов. К защите готовится тщательно, подробно изучая и конспектируя материалы дела, консультируется со сведущими людьми (врачами, инженерами, бухгалтерами) по отдельным специальным вопросам, возникающим в ходе разработки избранной им позиции защиты. Его судебные речи – политически правильные и литературные по форме, свидетельствуют об умении эффективно использовать анализ доказательств для своей фактической и правовой аргументации.

В то же время, наряду с положительными качествами, Матвею Александровичу было высказано замечание: «Следует отметить перегрузку со стороны тов. Оцера в отдельных случаях судебного следствия, защитительной речи и жалобы деталями и теоретическими вопросами, неоправданными необходимостью доказать основную идею защиты».

По воспоминаниям адвоката Белозора Н.Г., пришедшего в московскую адвокатуру в 1937 году, *Оцер Матвей Александрович в совершенстве владел тремя языками: французским, немецким, английским. Был энциклопедически начитанным человеком, писал стихи. Его досье по делу образцом совершенства. Оцер многократно избирался в члены Президиума МГКА, занимался воспитанием молодых адвокатов и стажеров.*

Его тактичность, галантность порой выглядели старомодно и даже смешно. Так, защищая пожилого лысого мужчину, он вдруг забыл его имя и фамилию. Назвать этого мужчину лысым Матвей Александрович считал оскорбительным. Тогда он вышел из положения, придумав следующую фразу: "Граждане судьи, сидящий перед вами пожилой человек с телесными просветлениями на голове, заслуживает всяческого снисхождения..."

Оцер был превосходным полемистом и избирал такую острую форму процессуальной борьбы с обвинителем, что каждый раз, слушая его блестящую речь, допускаешь трагическую для него концовку. Это было реально, если учесть 1935 – 1940 годы. Выражаясь фигурально, он ходил по карнизу, держал в напряжении суд и присутствующих в зале, переживавших

за его судьбу. Тем не менее, он так искусно балансировал, что оставался живым и добивался больших успехов.

Следует заметить в связи с приведенной цитатой, что при расследовании в 1930 году дела так называемой «общественной группы» из членов Московской коллегии защитников - бывших присяжных поверенных, некоторыми допрашиваемыми лицами давались показания, что Матвей Александрович в указанную группу входил. Однако, несмотря на то, что эта группа рассматривалась сотрудниками ГПУ как «контрреволюционная группировка, деятельность которой была направлена на свержение советской власти», фамилия Оцеп в числе обвиняемых отсутствовала.

А когда в 1955 году Военная коллегия Верховного Суда СССР пересматривала дела репрессированных в конце 30-х годов адвокатов, в частности, Овчинникова Б.М., то в ходе дополнительного расследования в качестве свидетеля был привлечен Оцеп М.А., показавший, что Овчинникова Б.М. он знал по совместной работе как выдающегося советского юриста, отдавшего свой большой талант делу служения советскому правосудию...

С 1952 года Оцеп М.А. стал работать в юридической консультации Киевского района, причем согласно его характеристике от 28 января 1953 года, он в 1952 году провел уголовных дел по первой инстанции 16, а по второй – 23.

В связи с возрастом и ухудшающимся состоянием здоровья, Матвей Александрович 27 октября 1954 года написал заявление в Президиум МГКА с просьбой перевести его в ближайшую к месту жительства юридическую консультацию Куйбышевского района города Москвы, что и было сделано.

Ранее, в июле 1954 года, в связи с 70-летием со дня рождения Оцепа М.А., Президиум МГКА обращался в Министерство юстиции РСФСР с ходатайством о назначении ему персональной пенсии. Отдел адвокатуры министерства истребовал из МГКА личное дело адвоката Оцепа М.А., но этим все и ограничилось. Повторно Президиум МГКА обратился в Министерство юстиции РСФСР о назначении Оцепу М.А. персональной пенсии республиканского значения в октябре 1957 года.

Только после третьего ходатайства от 13 февраля 1958 года власти приняли 26 марта 1958 года положительное решение о назначении испрашиваемой пенсии Оцепу М.А.

В связи с празднованием 40-летия Великой Октябрьской Социалистической революции Президиум МГКА вынес постановление 14 октября 1957 года об обращении в Министерство юстиции для инициирования награждения правительственными наградами старейших адвокатов МГКА, включая Оцепа М.А. Министр юстиции РСФСР Болдырев приказом № 839 от 2

Оцеп М.А.

ноября 1957 года ограничился объявлением Матвею Александровичу благодарности.

Оцеп Матвей Александрович умер 29 июня 1958 года.

Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и «В память 800-летия Москвы». Его имя занесено в Книгу Почета Московской городской коллегии адвокатов.

Оцеп М.А.